

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 20. № 1

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 20. No. 1

2021

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

Том 20. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021

Volume 20. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021. Vol. 20. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Macerata, Italia);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Febr. 2, 2021.

Date of publication Apr. 30, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.1. Published pages 18.4.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–49).

Order 65. «C» 5.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021. Т. 20. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Мачерата, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов:

О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева

Верстка и техническое редактирование

О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 02.02 2021 г.

Дата выхода в свет 30.04 2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,1.

Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–49).

Заказ 65. «С» 5.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

Е-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русанова С.В. Доношение
как просительный документ
в законодательных актах
и региональной деловой письменности XVIII века 6

Акимова Э.Н., Мочалова Т.И.
Диалектные наименования праздников и обрядов
как отражение культурно-исторических традиций
русского народа 17

Мухачёва И.В. Глаголы ликвидации результата
действия в семантико-синтаксическом аспекте
(на примере глаголов *разбинтовать, развернуть,*
развьючить, разгрузить) 32

*Колесникова С.М., Бурская Е.А., Шаталова О.В.,
Леденева В.В.* Средства репрезентации
идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь»
в романе Ф.М. Достоевского
«Братья Карамазовы» 47

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Юрина Е.А., Авраменко О.В. Когнитивные основания
интерпретации метафорического образа
в разных лингвокультурах 63

*Пименова М.В., Жилкубаева А.Ш.,
Бекмурзаева Ф.Ш.* Конь и лошадь
в английской, казахской и русской
языковых картинах мира 75

Федосова О.В., Кутьева М.В.
Национально-культурная специфика
библейских антропонимов в составе
испанских и русских фразеологизмов:
динамический аспект 89

*Мамонтов А.С., Богуславская В.В., Будник Е.А.,
Ратникова А.Г., Чинь Тхи Ким Нгок.*
Аксиологическая лингвистика
и национально ориентированная лексикография:
опыт взаимодействия (на материале
русско-вьетнамских сопоставлений) 101

Урывская Т.А. Особенности интеграции
буквенных слов в графическую,
фонетическую и грамматическую системы
китайского языка [На англ. яз.] 114

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Моругина К.С. Жизнь св. Панкратия:
сравнительный анализ фрагментов
из рукописей X и XI веков 123

Носачева О.А. Динамика жанровых параметров
документного текста
(на материале характеристики) 134

Гуляева Е.В., Денисенко М.В., Никитина И.С.
Употребление заимствований в современных СМИ:
коммуникативные риски 146

ДИСКУССИИ

Серебренникова Е.Ф., Садовникова О.Н.
Стратегичность валоризирующего дискурса
в предметной сфере инноваций 158

Белоус Е.С. Интерактивные документы:
языковые особенности и документный статус 168

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Rusanova S.V. Donosheniye
as the Petitionary Document Type
in Russian Legislative Acts
and Regional Business Writing of the 18th Century 6

Akimova E.N., Mochalova T.I.
Dialect Names of Holidays and Rituals
as a Reflection of the Cultural and Historical Traditions
of the Russian People 17

Muhachyova I.V. Verbs Denoting Action Results
Elimination: Semantic and Syntactic Aspects
(As Exemplified by Verbs *razbintovat', razvernut',*
razvyuchit', razgruzit') 32

*Kolesnikova S.M., Burskaya E.A., Shatalova O.V.,
Ledeneva V.V.* Means of Representation
of the Idioglossas “Children”, “Family”, “Life”
in the Novel by F.M. Dostoevsky
“The Brothers Karamazov” 47

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

Yurina E.A., Avramenko O.V. Conceptual Basis
for Metaphorical Image Interpretation
in Different Linguocultures 63

*Pimenova M.V., Zhilkubaeva A.Sh.,
Bekmurzaeva F.Sh.* Horse and Mare in English, Kazakh
and Russian Language Pictures of the World 75

Fedosova O.V., Kutieva M.V.
National-and-Cultural Specificity
of Biblical Anthroponyms in the Composition
of Spanish and Russian Phraseological Units:
Dynamic Aspect 89

*Mamontov A.S., Boguslavskaya V.V., Budnik E.A.,
Ratnikova A.G., Trinh Thi Kim Ngoc.*
Axiological Linguistics
and Nationally Oriented Lexicography:
Experience of Interaction (On the Material
of Russian-Vietnamese Comparisons) 101

Uryvskaya T.A. Specific Features
of Lettered Words' Integration in the Graphic,
Phonetic and Grammatical Aspects
of the Chinese Language 114

MATERIALS AND REPORTS

Morugina K.S. The Life of St. Pancratius of Taormina:
A Comparative Analysis of Excerpts
from Manuscripts of the 10th and 11th Centuries 123

<i>Nosacheva O.A.</i> Evolution of Genre Parameters of Documentary Text (Exemplified by References)	134
<i>Gulyaeva E.V., Denisenko M.V., Nikitina I.S.</i> Communicative Risks Related to Unjustified Use of Borrowings in Modern Media	146

DISCUSSIONS

<i>Serebrennikova E.F., Sadovnikova O.N.</i> Strategic Importance of Valorizing Discourse in the Subject Sphere of Innovation	158
<i>Belous E.S.</i> Interactive Documents: Language Features and Document Status	168

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 11.04.2020
Accepted: 02.12.2020

***DONOSHENIYE* AS A PETITIONARY DOCUMENT TYPE IN RUSSIAN LEGISLATIVE ACTS AND REGIONAL BUSINESS WRITING OF THE 18th CENTURY**

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The purpose of the article is to describe some genre and stylistic features of the 18th-century regional report, or *donosheniye*. The research is also focused on the semantic history of the term *donosheniye* reflected in the legislative acts of the 18th century that regulated the language style of regional clerical work and determined the main trends in its systematization. It is pointed that the term *donosheniye* was used in the legislative documents of Peter the Great period as a synonym for *doklad*, *raport* (report) and *chelobitnaya* (humble petition). The research results show that the term *donosheniye* had lack of genre “purity” and was functionally polysemantic in regional business writing, which explains the original conceptual syncretism of the term. The author characterizes the petitioning type of *donosheniye* that emerged in the 18th century simultaneously with establishment of the *chelobitnaya*. The analysis of the documents circulating in the Russian regions discovered that *donosheniye*, being integrated into the petitioning documents system, functioned as a petitioning statement in the cases which did not require judicial consideration. Conversely, *chelobitnaya* was a kind of lawsuit claim. It was proved that the petitioning type of *donosheniye* slightly changed the form, which was characteristic of this type of petitions; its genre features move closer to the reporting type of *donosheniye*.

Key words: Russian language history, business language of the 18th century, documentary genre, legislative act, regional writing, petition, *donosheniye*, *chelobitnaya*.

Citation. Rusanova S.V. *Donosheniye* as the Petitionary Document Type in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 11.04.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ДОНОШЕНИЕ КАК ПРОСИТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые жанрово-стилистические особенности региональных доношений XVIII в. в тесной связи с семантической историей термина *доношение*, отраженной в законодательных актах XVIII в., регламентирующих региональное канцелярское делопроизводство и определяющих основные тенденции в его систематизации. Особое внимание уделено функционированию термина *доношение* в законодательных документах Петровской эпохи, где он используется как синоним *доклада*, *рапорта* и *челобитной*. Установлено, что отсутствие жанровой «чистоты», функциональная полисемия *доношения* в региональной деловой письменности обусловлены изначальным понятийным синкретизмом термина. В настоящей статье отражены результаты исследования доношений просительного характера. Изучение документов, циркулирующих на территории ряда российских регионов, показало, что специализация доношения как просительного документного жанра в XVIII в. происходила параллельно с аналогичными процессами специализации челобитной. Обнаружено, что, встраиваясь в систему просительных документов, доношение занимает нишу просительного заявления по делу, не требующему судебного производства, чем противопоставляется челобитной как исковому заявлению, требующему решения дела в суде. Выявлено, что в процессе функционирования доношений просительного характера происходит трансформация их формуляра, призванного вербально маркировать подобный вид прошения: он утрачивает черты формуляра челобитной и сближается с формуляром отчетного доношения.

Ключевые слова: история русского языка, деловой язык XVIII века, документный жанр, законодательный акт, региональная письменность, просительный документ, доношение, челобитная.

Цитирование. Русанова С. В. *Доношение* как просительный документ в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>

Введение

Одним из распространенных и неоднозначно интерпретируемых видов документации XVIII в. является доношение.

По мнению исследователей региональной деловой письменности XVIII в., доношение отличается функциональной неоднородностью. С одной стороны, оно используется как просительный документ, с другой стороны, функционирует как документ отчетно-исполнительного характера. Причем временные рамки представленности двух разновидностей доношений по регионам могут не совпадать, хотя следует признать, что в силу объективных причин более изученными на сегодняшний день остаются памятники второй половины столетия.

Так, О.В. Трофимова, анализируя тюменскую деловую письменность второй половины XVIII в., различает несколько видов доношений. Критерием классификации выступают перформативные глаголы, в большинстве жанров соотносительные с самоназваниями документов: *доношения* от присутственных мест, которыми сопровождалась другие пересыльные документы, примыкающие к ним по своим формальным показателям *покорные* и *покорнейшие доношения* (в начальной и заключительной текстовых частях данных документов выступают глаголы *посылается*, *представляется*, *приобщается*, *прилагаю*, *доношу* и *про-*

шу) и *доношения-челобитные*, сближающиеся с *челобитными* наличием в формулярной части показателей *бью челом* и *прошу* [Трофимова, 2002, с. 198]. А.Г. Косов, исследуя челябинские архивные документы того же периода, подчеркивает, что авторами доношений могли быть как официальные лица (нижестоящие учреждения или должностные лица), ведущие переписку с вышестоящими учреждениями или должностными лицами, так и неофициальные лица (мещане, купцы, крестьяне и т. д.), обращающиеся в соответствующие инстанции или к должностным лицам [Косов, 2004, с. 79]. Содержание и функции данного вида документов были разнообразными: это могло быть сообщение по какому-либо вопросу, заявление, прошение или жалоба [Косов, 2004, с. 79–80]. Н.В. Глухих, опираясь на южноуральские памятники конца столетия, заключает, что основное содержание доношений и по объему, и по значимости составляют информативные высказывания отчетного характера, просьбы излагаются всегда после сообщения и в качестве сопутствующего (пусть и очень нужного для адресанта) компонента блока. Это позволяет лингвисту отнести доношения к эпистолярным жанрам [Глухих, 2008, с. 12–13]. А.П. Майоров, исследующий материалы забайкальской деловой письменности, делает вывод о том, что в первой половине XVIII в. доношения использовались в двух фун-

кциях: как отчетно-исполнительные и просительные документы, а во второй половине столетия они применяются исключительно в функции просительного документа, название которого вступает в синонимические отношения с *челобитной*, *объявлением*, *прошением*, *просьбой* в силу незначительных различий в функциональной направленности обозначенных ими документов [Майоров, 2006, с. 41–44]. Исследователи доношений середины XVIII столетия из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области акцентируют внимание на конкуренции доношения и рапорта как двух близких по функциональной направленности документных жанров [Горбань, 2019, с. 53]. При сходстве их формуляра, наблюдающемся варьировании компонентов формуляра и их речевых маркеров, доношения, в отличие от рапортов, могли исходить не только от военных, но и от гражданских лиц, а также часто содержали наряду с сообщением просьбу [Горбань, 2019, с. 46].

Накопленный исследовательский материал актуализирует сопоставительный анализ данных, отраженных в региональных документах, с информацией о жанре доношения в законодательных актах эпохи и семантической эволюцией термина, зафиксированной в исторических словарях.

Материалом настоящего исследования послужили опубликованные источники из фондов центральных и региональных архивов (КС; ПДПВЗ; ПЗДП; СГр; ТС; ЧС IV; ЧС VI), а также рукописные источники из фондов Национального архива Республики Бурятия.

Результаты и обсуждение

*Термин доношение
в законодательных актах
Петровской эпохи
и в словаре русского языка XVIII века*

Особый интерес в связи с функциональной спецификой доношения в деловом языке XVIII в. представляет семантическая история термина *доношение*, которая берет начало в XVII в. и этимологически связана с глаголом *донести*, уходящим корнями в древнерусский язык (СДРЯ XI–XIV, с. 54). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у субстантива, пер-

вая фиксация которого относится к 1664 г., отмечено лишь одно значение «доклад; донесение» (СлРЯ XI–XVII, с. 316), в то время как у производящего глагола приводится три значения, причем два первых определяются ссылкой на соответствующий глагол сов. в. *донести*: 1) ‘отнести, принести; неся, доставить куда-л., к кому-л.’; 2) ‘доставить; передать; явившись лично, изложить (известие, сообщение, поручение)’ с семантическими оттенками ‘доставить до сведения путем доклада, донесения’, ‘сообщить’ и 3) ‘доносить, делать доносы’ (СлРЯ XI–XVII, с. 315–316)¹. «Словарь русского языка XVIII века» отмечает у лексики *доношение* уже три значения, актуальные для производящего глагола, причем в их ряду появляется и новое – ‘официальное прошение’, несвойственное, согласно указанным словарям, глаголу *донести / доносить* ни в предыдущий период, ни в XVIII в.: 1) ‘действ. по гл. *донести – доносить* (2), сообщение, объявление’; 2) ‘официальное донесение, доклад; прошение в официальную инстанцию’; 3) ‘донос’ (СРЯ XVIII, с. 212).

Расширение семантики имени происходит в Петровскую эпоху. Показательным в этом отношении является Генеральный регламент (ПРП, с. 72–121), в котором термин *доношение* выступает как минимум в трех значениях.

В ряде глав регламента реализуются значения ‘сообщение, доклад’ и ‘служебное сообщение отчетного характера’. В указанных значениях термин *доношение* вступает в синонимические отношения с терминами *доклад* (ПРП, с. 76, 77) и *рапорт (репорт)* (ПРП, с. 82, 100). Конкуренция данных терминов представляется актуальной для дальнейшей семантической истории термина *доношения* и функционально-стилистической специфики соответствующего документного жанра в региональной деловой письменности.

В настоящем исследовании в центре внимания находится третья корреляция – терминов *доношение* и *челобитная*, которая также последовательно выстраивается в ряде глав Генерального регламента и, с нашей точки зрения, актуализирует у термина *доношение* значение ‘прошение, связанное со служебными обстоятельствами’, противопоставляющее его *челобитной* как ‘прошению частного лица’.

Выявить подобный характер соотношения указанных терминов помогает обнаруживающаяся в законодательных актах Петровской эпохи установка на четкое разграничение государственных и частных интересов и, соответственно, деление всех дел, поступающих в делопроизводство, на дела, связанные с государственными интересами, и дела, связанные с интересами частных лиц. Данная оппозиция реализуется во всех главах Генерального регламента с закономерной приоритетностью первых. В главе IV «О исполнении указов», при общем требовании производить все дела без проволочек, дела, имеющие общегосударственное значение, противопоставляются «челобитчиковым всяким делам», возбуждаемым частными лицами, по ряду пунктов: по времени и порядку исполнения дела, мере наказания за его несвоевременное решение (ПРП, с. 76). Та же оппозиция представлена в главе V «О докладах в Коллегии» (ПРП, с. 76–77).

Выстраивающаяся антиномия находит отражение в жанровой дифференциации канцелярской документации, основы которой закладываются в этот период, и в частности в оппозиции доношения и челобитной как двух разновидностей просительного документа. Ср. в главе XIX «О подании доносителям доношений президентам и прочим членам в Коллегии с свидетельством»: «...чтобы всяк требующий управы от Коллегии подавал *доношение* Президенту не в дому его, но в Коллегии» (ПРП, с. 84)². Точки над «і» в понимании *доношения* как просительного заявления ставит глава XXII «О допущении челобитчиков в коллегии», определяющая правила подачи прошений и принятия по ним решений в коллегии: «Ежели кто *доноситель*, или *челобитчик* в Коллегиум допущен, и что словесно *доносить*, или *просить* будет, то Президент его выслушав спрашивает; и ежели требование его состоятельное и важное есть, оное в протокол записывается. А потом выступит (то есть удалится из помещения, где происходит заседание коллегии. – С. Р.) челобитчик, и тогда в Коллегии о том деле разсуждают, и учиненное вершение челобитчику, когда он призвется, объявляют» (ПРП, с. 86). Как видим, просительные заявления делятся на *доношения* и *челобитные*, а податели прошений – на *челобитчиков* и *доносителей*, которые, будучи

допущенными в коллегию, в соответствии со своим статусом либо *просят*, либо *доносят*.

Особого внимания заслуживает именной указ «О форме суда», утвержденный 5 ноября 1723 г., в котором *доношение* и *челобитная* закрепляются как основные формы исковых заявлений (ПРП, с. 632). Данная дифференциация представляет собой очередной шаг в формировании судебно-правовой системы и ее терминологического аппарата. В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» (1716 г.), предшествующем указу «О форме суда», еще нет подобного различения, здесь используются только термины *челобитная* и *челобитчик*, хотя границы действия закона изначально определяются военным судопроизводством и процессом в военных судах, о чем свидетельствует его включение в Воинский Устав (ПРП, с. 579–631).

Знаковыми в этом отношении являются сенатские указы о титулах монарха, связанные с началом правления очередного императора и определяющие ряд ключевых разновидностей документов, формуляр которых содержит имя и титулы императора. Среди документов, чьи формуляры представлены в данных указах, находятся и челобитная с доношением. При этом обращает на себя внимание такой факт: в указах о титулах Екатерины I (1725 г.), Петра II (1727 г.) и Анны Иоанновны (1730 г.) отдельного пункта о доношении, как и самого термина *доношение*, нет. Вместо него используется приказная *отписка*, включенная в один пункт с *челобитной* («В челобитных и в отписках»): для них утверждается единый формуляр (ПСЗ, т. VII, № 4755, 1725 г.; т. VII, № 5071, 1727 г.; т. VIII, № 5501, 1730 г.). Деление просительных документов на челобитные и доношения, утвержденное Петровским законодательством, восстанавливается при Елизавете Петровне: «Въ доношенияхъ, кои будутъ отъ доносителей. Ея Императорскаго Величества титуль писать противъ того, какъ и въ челобитныхъ. А потомъ: Доносить имярекъ на имярека; а въ чемъ мое доношение, тому следуютъ пункты. По окончании пунктовъ, въ прошении писать противъ того жъ, какъ въ челобитныхъ» (ПСЗ, т. XI, № 8475, 1741 г.). То же в указе о титулах Екатерины II (ПСЗ, т. XVI, № 11.590, 1762 г.).

В заключение к данному краткому обзору функционирования термина *доношение* в законодательных актах первой половины XVIII в.

следует привести мнение историков о том, что закрепленное в законе «О форме суда» деление челобитчиков, а следовательно и просительных заявлений, на два вида было призвано дифференцировать два типа судебных процессов: гражданский и уголовный, в соответствии с которыми различаются истцы (в гражданском процессе) и доносители (в уголовном процессе) [Чистяков, 1961, с. 637]. Однако региональная деловая письменность второй половины XVIII в., на наш взгляд, свидетельствует о несколько ином векторе эволюции указанных документных жанров.

*Доношение vs челобитная:
функционально-жанровая
специализация доношения
в региональном деловом письме*

Среди аспектов, важных для понимания процесса функциональной специализации доношения как просительного документного жанра в региональном деловом языке XVIII в., актуальными видятся следующие:

1) структурное и жанрово-стилистическое сближение доношений отчетного и просительного характера, различие которых фиксируется в Генеральном регламенте;

2) функциональная дифференциация доношения и челобитной.

Региональные архивные материалы первой половины столетия подтверждают, что формуляр доношений просительного характера складывался параллельно с формуляром челобитной, о чем свидетельствует изоморфизм структур данных документов [Русанова, 2013]. Подобно челобитным, доношения приобретают четко структурированную казусную часть, которая предваряется формулой введения изложения обстоятельств дела: *а о чем тому следуют пункты*. Отличия наблюдаются на уровне адресата и языковой репрезентации отдельных формул: если челобитная подавалась на имя императора, то доношение адресовалось непосредственно в тот или иной местный орган с обязательным указанием титула императора в качестве посессивной формы. Кроме того, в доношении не *били челом*, а *доносили*, как того требовал Генеральный регламент. В соответствии с формулой просьбы челобитных *Прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить*³ в доношениях утверждается формула *Прошу Его императорского величества о сем моем доношении решение учинить*. Сравните примеры формуляра доношения 1729 г. и челобитной 1727 г. из фонда 262 «Троицкий Селенгинский монастырь» Национального архива Республики Бурятия (табл. 1).

Таблица 1. Примеры формуляров челобитной и доношения

Table 1. The forms of chelobitnaya and donosheniye: examples

Формуляр челобитной 1727 г.	Формуляр доношения 1729 г.
<p>Всепресветле'шая державне'шая великая г[осу]д[ар]я[ны]я императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская</p> <p>В Селенгинскую ратушу</p> <p>Бьетъ челом Иркутско' посацко' ч[е]л[о]в[е]къ Алексеи Безрукихъ на промышленного ч[е]л[о]в[е]ка Григорья Машихина а о чемъ мое челобитье тому следуютъ пункты <...></p> <p>Всем[и]л[о]стиве'шая г[осу]д[ар]я[ны]я императрица прошу Вашего Императорского величества вышписанного Машихина в Селенгинскую ратушу сыскать и о доправке по ряду надлежащих денегъ м[и]л[о]стивое решение учинить <...></p> <p>К се' челобит'ной вместо Алексея Безрукова прошениемъ ево Дмитре' Ха'дуковъ руку приложилъ</p> <p>НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 1–2</p>	<p>Его императорского величества в Селенгин'скею ратушу</p> <p>Доношение</p> <p>Доносить Селенгин'ской ратушы под[ъ]ячей Дмитрий Хайдуковъ а о чемъ тому явствують нижеписанные пун'кты <...></p> <p>Того ради прошу чтоб указом Его император'с'кого величества повелено было в Селенгин'ской ратуше о неправеже с меня показанного штрафу млстиво' Его императорского величества указ учинить дабы мне от напрасного правежу оногo штрафу вконецъ не разоритца</p> <p>Прошу Его императорского величества о сем моем доношении решение учинить генваря дня 1729 году</p> <p>К сему доношению Дмитре' Ха'дуковъ руку приложил</p> <p>НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 13–13 об.</p>

В то же время структура функционирующих в этот период доношений отчетно-исполнительного характера отличается от доношений-прошений. В них отсутствует формула введения изложения обстоятельств дела, текст документа не подразделяется на пункты, по-другому оформляется конечная часть документа. Вместо традиционной для просительных документов формулы рукоприкладства в качестве формы подтверждения вышеизложенной в документе информации выступает собственноручное указание на должность, фамилию и имя лица, удостоверяющего эту информацию. Приведем для примера фрагменты начальных и конечных блоков отчетных доношений первой половины XVIII в.:

Генерал[ь]ного пограничного правления в канцелярию | доношение | Сего 1730го году июня 24го дня обретаецца у насъ | под ведениемъ в Троицкоу крепостце конфискованной | мяхкоу рухляди <...> и того ради симъ доношениемъ Генералного пограничного правления в канцелярию и предъявляю *capiten* | *Trens* (ПЗДП, 67, л. 405, 1730 г.);

Внерчинскую воевоцкую канцелярию | доношение | В указе Ея Императорского величества | изнерчинскоу воевоцкоу канцелярии между | прочимъ написано велено вчитинскомъ | остроге <...> Симъ доношениемъ предьявляеть | Читинска острогу бывшеи прикащикъ кузма богомолловъ (ПДПВЗ, 44, л. 86–86 об., 1743 г.).

К середине XVIII в. структура региональных доношений-прошений начинает меняться: они сближаются с доношениями отчетного характера. Данные документы утрачивают членение мотивировочной части на пункты, однако сохраняют обязательные для просительных жанров формулы просьбы и формулу рукоприкладства, что отражается во второй половине столетия в доношениях разных регионов. Сравните приведенные ниже фрагменты доношений в Удинскую комендантскую канцелярию (Забайкалье) и в Троицкий Антониево-Сийский монастырь (Архангельск):

В удинску коменданску канцелярию
удинского разночинца

Карпа | Зубакина доношение

Понеже с начала н[ы]нешняго „1773“, года нахожусь я именованныи по онои коменданской канцелярии в подводной во все места | гонбе по наиму Ильинского и Кабанского остроговъ разночинцовъ | в пяти почтовых лошадахъ кои и отправляю без

наималеишей оста|новки или упущения времени <...> того ради Удинску коменданску канцелярию покорно | прошу штоб повелено было во исправной н[ы]не гонбе скол[ь]ко | онои | канцелярии известно для такого наиму в тамошню земску | избу дать одобрение бес чего тотъ наемъ мне и учинить | невозможно : июня 3 дня 1773., года : к сему доношению вместо удинского разночинца Карпа | Зубакина ево прозьбой кяхтинской купецъ | Иванъ Ревякинъ руку приложиль (ПЗДП, 71, л. 208, 1773).

Троцкаго Антониева Сийскаго м[о]н[ас]т[ы]ря
высокредобнейшему

Г[оспо]д[и]ну о[т]цу архимандриту Гавриилу з братиею.

Доношение.

Сего “1770” года декабря 2 дня шел я низжайший Емецким острогом на квартиру свою в дом емчанина Андрея Перевозникова и наехали меня на улице против дому Ивана Семенова сына Перевозникова на лоди вашего Сийскаго мнтра служитель Дмитрий Таратин да иеромонах Исаия <...> Того ради всепокорне ваше высокопреподобие прошу бл[а]говолит онаго боица служителя вашего Дмитрия Таратина ф вышеписанном допросить и впред от похвалних ево речей милости во меня защитить и решение учинить по вашему бл[а]горазсмотрению. О сем доносит жителствующей в Емецком остроге каргополского уезда турчасовец Григорей Красилников “1770” года декабря “3”

К сему доношению проситель Григорей Красилников руку приложиль (СГр, с. 28–29).

Формуляр представленных доношений отличается только вариативностью оформления адресанта: его имя указывается в начале документа сразу после указания учреждения или лица, которым адресовано доношение, либо в конечной части в составе унаследованной из формуляра отчетного доношения формулы свидетельства составления *о сем доносит*, удостоверяющей изложенную в документе информацию, перед формулой рукоприкладства.

Подобный формуляр, маркирующий просительный характер документов, имеет подавляющее большинство исследованных региональных изданных и рукописных доношений второй половины XVIII века⁴. Приведем некоторые данные по результатам анализа опубликованных памятников 50–90-х гг. (см. табл. 2).

В связи с таким направлением функциональной специализации доношения закономе-

Таблица 2. Количество доношений просительного и отчетного характера по данным исследованных документов второй половины XVIII в.

Table 2. The number of donosheniyes of the petitioning and reporting nature according to the studied documents of the 2nd half of the 18th century

Сборники памятников	Количество доношений	Доношения просительного характера	Доношения отчетного характера
Сийские грамоты	9	9	–
ПЗДП	5	5	–
Челябинская старина IV	4	3	1
Челябинская старина VI	9	8	1
Тобольская старина	16	15	1

рен вопрос о характере его взаимоотношения с челобитной.

Как свидетельствуют центральные и местные деловые памятники, термин *челобитная* в XVIII в. продолжает использоваться для общеродового наименования просительных документов. Однако ключевым в семантической трансформации термина оказывается закрепление за ним значения *искового заявления*, предполагающего судебное решение проблемы [Русанова, 2019], что закономерно обуславливает необходимость в официальном оформлении просительного заявления по делу, в подобном судебном разбирательстве не нуждающемуся. Показательным в данном отношении является указ от 19 июля 1764 г. «О сборах с явочных, апелляционных и исковых челобитен», утвержденный Екатериной Великой на заре ее правления и формально связанный с одной из статей государственного дохода – сбором пошлин с челобитных (ПСЗ, т. XVI, № 12.210, 1764 г.), но по сути дифференцирующий все просительные документы на требующие судебного решения и подобного судебного решения не требующие.

Уточняя понятие исковой челобитной как документа, инициирующего судебное производство для решения проблемы, изложенной в ней, законодатель очерчивает круг проблем, решение которых не требует судебного производства, по этой причине подобные заявления не могут именоваться исковыми челобитными, а следовательно, они не оформляются на гербовой бумаге и не облагаются специальными пошлинами. Ср: «а челобитень таковыхъ, кои ми челобитчики просятъ правосуднаго возвращенія себе, или о справке за ними имъ законно-принадлежащаго, или же о какомъ либо себя

защищеніи, или пранадлежащаго (sic!) себе ко исправленію своихъ должностей, яко заслуженнаго жалованья, чину и увольненія отъ службы и прочихъ званиевъ, по которымъ судовъ не производится, исковыми не почитать» (ПСЗ, т. XVI, № 12.210, 1764 г., с. 842).

Как видим, речь идет прежде всего о просьбах, связанных со служебной деятельностью, в силу чего они должны быть объявлены в вышестоящие структуры для вынесения решения или представления дела «куда надлежит» по инстанции («исправление» должности, получение должного жалования, увольнение и т. д.). Обращают на себя внимание и другие цели подобных неисковых челобитных, которые актуализируют не столько служебный статус просителя, сколько функциональный статус местного органа, в сферу деятельности которого входит решение волнующего просителя вопроса («правосудное возвращение» себе законно принадлежащего, защита интересов).

К сожалению, в приведенном выше указе данные виды просительных документов не называются. Анализ региональной деловой письменности свидетельствует, что одним из таких просительных документов было именно доношение⁵. Спектр причин составления доношений, представленных в делопроизводственной практике второй половины XVIII в., действительно широк. К вышеперечисленным в указе следует добавить проблемы религиозно-правового характера, решением которых занимались органы церковного управления. Все это определяло и круг подателей подобных прошений, среди которых были не только гражданские и военные служащие, но и священники, вдовы, раскольники и т. д.

Так, с помощью доношения оформляются, например, просьбы: бывших казначеев в казенную келью монастыря о выплате денег бывшим работникам «за казенные работы»; приказчика архимандриту монастыря «представить куда надлежит по команде» о краже во время исполнения служебной деятельности; разночинца в комендантскую канцелярию о разрешении найма у крестьян девяти почтовых лошадей для «подводной гоньбы» вместо пяти; мещанина в городнические дела о возвращении незаконно захваченных сенных покосов на острове; вдовы присяжного сержанта в городнические дела о взыскании денег с присяжного служащего за проданный ему кафтан мужа (ПЗДП, 69, 70, 71, 72, 73); раскольника священнику церкви о приведении его в православие; «мещанской» вдовы в духовное правление о возвращении состоявшей в православии дочери, которую родная тетка из соседнего села выдала замуж за крестьянина, «записанного в двойной оброк» (ЧС IV, 26, 37); бомбардира артиллерийской команды, вернувшегося через двадцать три года из рекрутской службы, в духовное правление о позволении жениться на другой и разрешении его бывшей жене жить с новым мужем, с которым она была обвенчана более пятнадцати лет, не имея информации о прежнем муже (ЧС VI, 15); архимандрита монастыря с братиею епископу о присылке диакона «для отправления пономарской должности»; казначея монастыря архимандриту о подсчете денег, значащихся на нем по приходно-расходной книге; служащих архимандриту о взыскании с кузнеца денег за прогул и разделе их между другими членами команды (СГр, с. 40, 43, 89) и др.

Заключение

Исследование процесса становления и функционирования термина *доношение* в языке законодательных актов XVIII в. и соответствующего документного жанра в региональном деловом письме позволяет обнаружить ряд особенностей.

Термин *доношение* в тексте Генерального регламента определяется как один из ключевых в выстраиваемой терминосистеме. Он используется для наименования разных в функциональном плане документов,

жанровая специфика которых на начальном этапе воспринималась, по всей видимости, достаточно диффузно, что в свою очередь свидетельствует и о семантическом синкретизме самого термина. Специализация термина *доношение* как наименования просительного документа происходит на фоне аналогичной специализации термина *челобитная*, что обусловлено совершенствованием судебно-правовой системы.

В региональной деловой письменности первой половины столетия такие концептуально значимые признаки доношения, как характер делового сношения, определяющий движение документа «снизу вверх», коммуникативные интенции уведомления, отчета и просьбы, свойственные изначально жанру, реализуются в двух функциональных разновидностях – в доношении отчетного и просительного характера, благодаря чему выстраиваются парадигматические отношения со смежными отчетными и просительными жанрами. В процессе функционирования делового языка доминирующей оказывается тенденция к вытеснению доношения из сферы сугубо отчетных жанров и закреплению его как разновидности просительного заявления, не требующего для решения проблемы судебного производства (по крайней мере, на начальном этапе его рассмотрения). Прежде всего такие заявления были связаны со служебной деятельностью. Безусловно, данный процесс сопровождается трансформацией формуляра доношения, позволяющего вербально маркировать подобный вид прошения, что осуществляется путем утраты им черт формуляра челобитной, с одной стороны, и сближения с формуляром доношений отчетного характера – с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» фиксирует у глагола *доносити* только два значения: «приносить куда-либо», «сообщать, доводить до слуха» (СДРЯ XI–XIV, с. 54).

² Здесь и далее курсив в текстах из законодательных актов и региональных документов наш. Графика деловых текстов XVIII в. приводится в соответствии с современной. При цитировании региональных источников выносные буквы пишутся в

строке без выделения, титла раскрываются, восстанавливаемые при этом буквы даются в квадратных скобках.

³ Данная формула челобитных трансформируется в результате в конструкцию с обращением *Всемилоствейший государь (Всемилоствейшая государыня), прошу Вашего императорского величества о сем моем челобитье (прошении) решение учинить*.

⁴ Данные факты подтверждаются также исследованиями деловой письменности южных регионов России XVIII в., ср. в: [Сафонова, 2017].

⁵ К просительным документам этой же группы, с нашей точки зрения, относились и прошения [Русанова, 2016].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глухих Н. В., 2008. Деловой эпистолярный текст конца XVIII–XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск. 48 с.
- Горбань О. А., 2019. Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в. : источниковедческий анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 4. С. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
- Косов А. Г., 2004. Эволюция документных жанров XVIII века: на материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 273 с.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник. 263 с.
- Русанова С. В., 2013. Доношение XVIII в. сквозь призму законодательных прескрипций Петра I // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Язык. Литература. Культура. Вып. 1. С. 81–90.
- Русанова С. В., 2016. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 12, ч. 3. С. 705–716.
- Русанова С. В., 2019. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>.

Сафонова И. А., 2017. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атман») // Документ как текст культуры : сб. науч. тр. Тула : Тул. произв. полигр. обье. Вып. 9. С. 48–52.

Трофимова О. В., 2002. Местная деловая письменность в контексте истории языка и государства // Проблемы лингвистического краеведения : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Пермь, 14–16 нояб. 2002 г.). Пермь : ПГТУ. С. 192–200.

Чистяков О. И., 1961. О форме суда. Комментарий // Памятники русского права / под ред. проф. К. А. Софроненко. М. : Гос. изд-во юрид. лит. Вып. 8. С. 636–640.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- КС – Курганская старина : Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья / сост. Р. П. Сысуева, И. А. Шушарина. Курган : Изд-во Кург. гос. ун-та, 2003. Вып. 2. 342 с.
- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.
- ПДПВЗ – Биктимирова Ю. В. Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков : учеб. пособие. Чита : ЗабГУ, 2015. 155 с.
- ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова ; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2005. 260 с.
- ПРП – Памятники русского права / под ред. проф. К. А. Софроненко. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. Вып. 8. 668 с.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. Т. VII, VIII, XI, XVI. СПб. : Печ. в Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (дата обращения: 10.04.2020).
- СГр – Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М. ; Смоленск : СГПУ, 2001. 130 с.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 3. М. : Рус. яз., 1990. 511 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975– . Вып. 4. М. : Наука, 1977. 403 с.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л. : Наука. Ленинг. отд-ние, 1991. 256 с. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/xviii/pdf/scanned/6.pdf> (дата обращения: 07.03.2020).

ТС – Тобольская старина : Материалы делопроизводства г. Тобольска второй половины XVIII века. В 2 ч. Ч. 1 / сост. М. С. Выхрыстюк. Челябинск : [б. и.], 2004. 153 с.

ЧС IV – Челябинская старина : Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск : Полиграф-мастер, 2005. 174 с.

ЧС VI – Челябинская старина : Деловые документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века. / сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск : Полиграф-мастер, 2006. 130 с.

REFERENCES

- Gluhikh N.V., 2008. *Delovoy yepistolarnyy tekst kontsa XVIII–XIX v. v aspekte russkoy istoricheskoy stilistiki (po skoropisnym arhivnym materialam Yuzhnogo Urala): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Business Epistolary Text of the End of 18th – 19th Century in the Aspect of Russian Historical Stylistics (According to the Rapid Archival Materials of the Southern Ural). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk. 48 p.
- Gorban O.A., 2019. Donosheniya i raporty donsikh kazakov v seredine XVIII v.: istochnikovedcheskiy analiz [The Donosheniya and Reports of Don Cossacks in the Mid 18th c.: Source Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 4, pp. 45-59. DOI: <https://doi.org/10.15688/yvolsu4.2019.4.4>.
- Kosov A.G., 2004. *Evolutsiya dokumentnykh zhanrov XVIII veka: na materiale rukopisnykh i pechatnykh tekstov Obyedinennogo gosudarstvennogo arkhiva Chelyabinskoy oblasti: dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of Document Genres of the 18th Century: On Material of Hand-Written and Printing Texts of the Joint State Archive of Chelyabinsk Region. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 273 p.
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Essays on the Vocabulary of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Rusanova S.V., 2013. Donosheniya XVIII v. skvoz prizmu zakonodatelnykh preskriptsiy Petra I [The Donosheniya of the 18th Century Through the Prism of the Legislative Precepts of Peter I]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta: Yazyk. Literatura. Kultura* [Vestnik of Buryat State University. Language. Literature. Culture], iss. 1, pp. 81-90.
- Rusanova S.V., 2016. Terminy *chelobitnaya* i *proshenie* v zakonodatelnykh aktakh XVIII veka [The Terms Chelobitnaya ‘Humble Petition’ and Prosheniye ‘Plea, Application, Solicitation’ in Russian Legislative Acts of the 18th Century]. Kazanskiy N.N., ed. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], vol. 12, pt. 3, pp. 705-716.
- Rusanova S.V., 2019. Naimenovaniya prositelnykh dokumentov v zakonodatel'nykh aktakh i regional'nykh dokumentakh XVIII veka [Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/yvolsu2.2019.2.2>.
- Safonova I.A., 2017. Strukturnye i rechevye osobennosti donosheniy XVIII veka (na materiale arkhivnogo fonda «Mikhailovskiy stanichnyy atman») [Structural and Speech Features of Donosheniya of the 18th Century (On Materials of “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund)]. *Dokument kak tekst kultury: sb. nauch. tr.* [Document as the Text of Culture. Collection of Scientific Papers]. Tula, Tulskoe proizvodstvennoe poligraficheskoe obiedinenie, iss. 9, pp. 48-52.
- Trofimova O.V., 2002. Mestnaya delovaya pismennost v kontekste istorii yazyka i gosudarstva [Local Business Writing in the Context of Language and State History]. *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (Perm, 14–16 noyab. 2002 g.)* [Problems of Linguistic Local History: Proceedings of the Inter-University Scientific Practical Conference (Perm, November 14–16, 2002)]. Perm, PGU, pp. 192-200.
- Chistyakov O.I., 1961. O forme suda. Kommentariy [About a Form of Court. Comment]. Sofronenko K.A., ed. *Pamyatniki russkogo prava* [Written Documents of Russian Law]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, iss. 8, pp. 636-640.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kurganskaya starina: Materialy k istorii yazyka delovoy pis'mennosti Yuzhnogo Zauralya* [Kurgan Old: Materials to the History of the Language of Business Writing of Southern Trans-Ural Region]. Kurgan, Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, iss. 2. 342 p.
- Nacionalnyy arkhiv Respubliki Buryatiya* [National Archives of the Republic of Buryatia].
- Biktimirova Yu.V. *Pamyatniki delovoy pismennosti Vostochnogo Zabaykalya XVII–XVIII vekov: ucheb. posobie* [Written Documents of Business Writing of East Transbaikalia of 17th–18th Centuries: Educational Manual]. Chita, ZabGU, 2015. 155 p.
- Mayorov A.P., Rusanova S.V., eds. *Pamyatniki zabaykalskoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Written Documents of the Transbaikal Business Writing of the 18th Century]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 260 p.
- Sofronenko K.A., ed. *Pamyatniki russkogo prava* [Written Documents of Russian Law]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury, 1961, iss. 8. 668 p.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. V 45 t. T. VII, VIII, XI, XVI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In 45 Vols. Vols. 7, 8, 9, 16]. Saint Petersburg, Pech. v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (accessed 10 April 2020).
- Nikitin O.V. *Siyskie gramoty XVIII veka (1768–1789 gg.)* [Siyskie Gramoty of the 18th Century (1768–1789)]. Moscow, Smolensk, SGPU, 2001. 130 p.
- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). V 10 t. T. 3* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th c.). In 10 Vols. Vol. 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 511 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1975–, iss. 4. 1977. 403 p.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Вып. 6* [Dictionary of the Russian Language of the 18th c. Iss. 6]. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1991. 256 p. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/xviii/pdf/scanned/6.pdf> (accessed 7 March 2020).
- Vyhrystyuk M.S., ed. *Tobolskaya starina: Materialy deloproizvodstva g. Tobolska vtoroy poloviny XVIII veka. V 2 ch. Ch. 1* [Materials of the Office of Tobolsk in the Second Half of the 18th Century. In 2 Pts. Pt. 1]. Chelyabinsk, [s. n.], 2004. 153 p.
- Suhina E.N. (Voronkova), ed. *Chelyabinskaya starina: Dokumenty Chelyabinskogo dukhovnogo pravleniya posledney chetverti XVIII veka, sodержashchie svedeniya o staroobryadtsakh Chelyabinskoy okrugi* [Documents of Chelyabinsk Spiritual Board of the Last Quarter of the 18th Century, Containing Information About Old Believers of Chelyabinsk District]. Chelyabinsk, Poligraf-master Publ., 2005. 174 p.
- Suhina E.N. (Voronkova), ed. *Chelyabinskaya starina: Delovye dokumenty Chelyabinskogo dukhovnogo pravleniya posledney chetverti XVIII veka* [Business Documents of Chelyabinsk Spiritual Board of the Last Quarter of the 18th Century]. Chelyabinsk, Poligraf-master Publ., 2006. 130 p.

Information About the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, rusanova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, rusanova@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.2>

UDC 81'28:81'1:008
LBC 81.025.7

Submitted: 10.08.2020
Accepted: 02.12.2020

**DIALECT NAMES OF HOLIDAYS AND RITUALS
AS A REFLECTION OF THE CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS
OF THE RUSSIAN PEOPLE**

Elvira N. Akimova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tatiana I. Mochalova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article studies lexical and phraseological units nominating holidays and ceremonies in Russian dialects, which are spoken on the territory of the Republic of Mordovia. The specificity of nominative processes associated with the naming of a fact that is significant from linguistic and cultural point of view, is determined. The research is carried out on the material taken from the *Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia*. It has been found that in Russian dialects, the names of religious holidays, which are dedicated to the most revered saints, or the holidays related to a certain time of the year, are actively used. The surviving holidays reproduce elements of the most ancient customs associated with the worship of human deities, the cult of vegetation, water and fire, which magical powers were attributed to. The names of rituals represent a special layer in the dialect corpus. The most illustrative represented are the funeral rite and the rite of baptism. All these rituals are of great importance in the life of the people, since they symbolize a change in the status of a person, his transition from one state to another. The nominations of different phases of wedding ceremony are noted to be most numerous, while funeral and baptizing rites are less representative. The study showed that the names of holidays and rituals in Russian folk dialects reflect cultural and historical traditions, beliefs, customs of representatives of a territorially closed society. They perform peculiar means of representing the ethnic and cultural consciousness of the people.

Key words: dialect, vocabulary, phraseology, semantics, nomination, cultural linguistics.

Citation. Akimova E.N., Mochalova T.I. Dialect Names of Holidays and Rituals as a Reflection of the Cultural and Historical Traditions of the Russian People. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 17-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.2>

УДК 81'28:81'1:008
ББК 81.025.7

Дата поступления статьи: 10.08.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

**ДИАЛЕКТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
РУССКОГО НАРОДА**

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Татьяна Ивановна Мочалова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Россия

Аннотация. В работе охарактеризованы языковые единицы, номинирующие праздники и обряды в русских народных говорах, бытующих на территории Мордовии. Определена специфика номинативных процессов, связанных с фиксацией в языке значимого в лингвокультурном плане факта. Исследование проводится на материале «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». Установлено, что в русских говорах активно употребляются наименования религиозных праздников, посвященных наиболее почитаемым святым, и праздников, относящихся к тому или иному времени года. Выявлено, что сохранившиеся праздники воспроизводят элементы древнейших обычаев, связанных с поклонением богам, культом растительности, воды и огня, которым приписывали магическую силу. Определено, что особый пласт в составе диалектного корпуса представляют наименования обрядов, поскольку они имеют важнейшее значение в жизни народа, символизируя изменение статуса человека, переход его из одного состояния в другое. Разнообразны номинации этапов свадебного обряда, менее репрезентативны похоронно-поминальный обряд и обряд крещения. Исследование показало, что названия праздников и обрядов отражают культурно-исторические традиции, верования, обычаи представителей территориально замкнутого социума, являются своеобразными способами репрезентации этнокультурного сознания народа.

Ключевые слова: диалект, лексика, фразеология, семантика, номинация, лингвокультурология.

Цитирование. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Диалектные наименования праздников и обрядов как отражение культурно-исторических традиций русского народа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 17–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.2>

Введение

Этнический облик духовной культуры в конкретный период развития того или иного народа отражается в языке. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский справедливо отмечают, что «в реальном историческом функционировании язык и культура неотделимы: невозможно существование языка, который не был бы погружен в контекст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуру типа естественного языка» [Лотман, Успенский, 1971, с. 146]. Язык является посредником, механизмом накопления и трансляции культурно-исторических знаний и опыта, который складывается у людей разных национальностей в процессе постижения ими многообразия мира. Однако, по словам Л.М. Штейнгарта, самым мощным средством формирования мировидения, средством влияния на формирование сознания, образа мыслей является культура, или национально-культурная специфика определенной лингвокультурной общности [Штейнгарт, 2006, с. 12].

Наиболее репрезентативны в плане отражения внешних условий жизни, ментальных представлений человека и его поведенческих реакций лексические и фразеологические единицы, называющие календарные праздники и обрядовые действия, поскольку они своими истоками уходят в глубокую древность, отражают образ мира предков, куль-

турно-исторические традиции этноса. Обрядовая диалектная лексика и фразеология, сохраняющая сакральные черты самобытной народной культуры, неоднократно становилась объектом этнолингвистических, культурологических и историко-этнографических исследований. Так, в работах отечественных лингвистов представлено изучение свадебного обряда на материале различных говоров [Гайсина, 2007; Гура, 2012; Житникова, 2006; Миронович, 2012; Фомичева, 2012; Чухарева, 1978; и др.]. Внимание исследователей привлекает календарная лексика, связанная с различными христианскими праздниками, поскольку она до настоящего времени сохранила в говорах черты ушедших и уходящих верований, примет, традиций русского народа [Байбурин, 1993; Банкова, 1998; Бахвалова, 2015; Зубова, 2006; Костромичёва, 2007; Кузнецова, 1999; Меркулова, 1994; Тихомирова, 2008; и др.].

Объектом нашего исследования являются лексические и фразеологические единицы, номинирующие праздники и обряды в территориально ограниченном социуме – Республике Мордовия. Заметим, что на материале русских говоров Мордовии диалектная фразеология изучалась в этнолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах [Акимова, Маслова, Мочалова, 2014; Маслова, Мочалова, 2013; Человек..., 2015], а также с точки зрения репрезентации в ней

языческого и христианского мировоззрения [Мочалова, Маслова, 2014]. Как мы уже отмечали, анализ таких диалектных единиц становится особо значимым при изучении истории культуры всего народа, поскольку наименования артефактов-предметов материальной культуры, емкая образная характеристика обрядов не только содержат лингвистическую информацию, но и дают представление о разных сторонах жизни и деятельности русского человека конкретного региона, в частности территории Мордовии [Акимова, Маслова, Мочалова, 2014, с. 97].

Вместе с тем наименования календарных праздников и народных обрядов, функционирующие в русских говорах Мордовии и являющиеся региональным вариантом славянских культурно-исторических традиций, продолжают оставаться недостаточно изученными и представляет несомненный интерес для дальнейших лингвистических изысканий.

Материал и методы

Материалом исследования послужили языковые единицы, извлеченные в результате сплошной выборки из «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия». При разработке проблемы и для реализации цели исследования использовались как общенаучные (обобщение, абстрагирование, формализация, анализ, синтез), так и собственно лингвистические методы. Применялся описательный метод для научного представления языкового материала; метод компонентного анализа языковых единиц – при установлении системных иерархических связей между ними; метод контекстного анализа – при выяснении плана содержания рассматриваемых слов и устойчивых сочетаний. Изучаемые лексические и фразеологические единицы охарактеризованы в зависимости от наличия в их смысловой структуре интегральных и дифференциальных компонентов значения. Кроме того, в работе при рассмотрении наименований праздников и обрядов был использован метод лингвокультурологической интерпретации, основанный на анализе языкового материала с привлечением сведений по истории, культуре, социальной организации сообщества.

Результаты и обсуждение

В русских говорах на территории Республики Мордовия представлен уникальный лексический и фразеологический корпус, номинирующий календарные праздники, а также связанные с ними обычаи, поверья, верования славян. Разнообразный фактический материал свидетельствует о том, что «календарные праздники как часть традиционной культуры тесно связаны с культурно-хозяйственными и культурно-этническими процессами и представляют собой сплав реального, основанного на богатейшем эмпирическом опыте, и ирреального – синкретизма верований, элементов древних обрядовых культов, местных мифологических преданий и пр.» [Кузнецова, 1999]. Можно говорить о двух разновидностях календарных праздников: во-первых, религиозные праздники, посвященные какому-либо святому; во-вторых, традиционные праздники, приуроченные к какому-то событию либо времени года.

Повседневная крестьянская жизнь была тяжелой, изнурительной, постоянный физический труд отнимал здоровье и силы, ежедневный рацион сельского населения не отличался обилием и разнообразием блюд. Поэтому праздника в селах с нетерпением ждали не только дети, но и взрослые, в эти дни устраивались массовые гуляния с хороводами, песнями и плясками, сезонными играми и забавами, во всех домах готовились традиционные кушанья. Неслучайно в русских говорах сохранились наименования *таусень*, *²усенька* во 2-м знач., *¹таусина*, обозначающие обряд прославления песнями самого праздника (обычно Рождества или Крещения), а также называющие используемую для этого песню, коляду:

(1) Пъ сиделкъм хадили, **таусинь** кричали (Майдан, Старошайговский район);

(2) С **таусиним** мы пь домам ходили, деньги, пироги събирали (Жергуды, Ичалковский район).

Непосредственно процесс прославления праздника песнями обозначал глагол *таусенькать*.

Наименования религиозных праздников

Славянские обычаи и традиции берут свое начало в глубокой древности, и каждое

ритуальное действие имеет особый символический смысл. Так, человек всегда обращался за помощью к высшим силам, искал у них покровительства. Неслучайно в исследуемых говорах представлены многочисленные названия церковных праздников в честь почитаемых святых. Эти праздники отмечаются в строго фиксированный день или могут быть переходящими, не имеющими постоянной даты.

Разнообразные христианские праздники связаны с различными этапами земной жизни Господа Иисуса Христа и Божией Матери. В православной традиции центральной фигурой является Иисус Христос, учению которого следуют верующие, к которому обращаются с молитвами, с которым делятся сокровенными мыслями, имя которого прославляют. Весной в честь Воскресения Иисуса Христа празднуется главный и один из любимых христианских праздников – Пасха. В говорах Мордовии зафиксирован лексикофонетический диалектизм *Пáска*. Этому религиозному празднику предшествует Великий пост, накануне праздника женщины тщательно убирают жилище, готовят к этому дню много символических угощений:

(3) Датой их малъ, паскѣх-ть бывает? Што ни гот, то **Паскъ**. У бабѣх-ть пирит **Паскъй** самъ рабѣт: избу вымыть надъ, аклиить, шаблоу фсе пирымь. Хватат дялох-ть (Каймар, Краснослободский район).

Пасхальная неделя завершается *отданьём* – последним днем Пасхи:

(4) Паскъ прайдѣт, а патом бывает **адданье** Паски (Стародевичье, Ельниковский район);

(5) В **адданьё** Христос аддалилси па лесницѣ (Михайловское, Ковылкинский район).

Одним из двенадцати главных праздников православной церкви является Вознесение Господне, который отмечается на сороковой день после Пасхи и имеет для верующих важное значение. В этот день было принято ходить в церковь на службу, чтобы помолиться о здравии и благополучии всех членов семьи, поскольку в соответствии с религиозными представлениями считалось, что в этот праздник Господь выслушивает просьбы людей и исполняет их. В русских говорах Мордовии зафиксиро-

ваны вариативные наименования этого праздника: *Взвесеньё, Взнесенё, Звесеньё* – ‘церковный праздник Вознесение’:

(6) Бывальчи **Взнисиньё** празньвьли, тапери-чи нет (Пятина, Ромодановский район).

Важным атрибутом этого праздника была выпечка в форме лесенки, символизирующей путь на небо:

(7) Нъ Взвисиньё пякут **лесинки** из муки с кашѣй (Михайловское, Ковылкинский район).

Фразеологическая единица *Сдвиженья день* номинирует религиозный праздник Воздвижение Креста Господня, который является непереходящим и всегда отмечается 27 сентября:

(8) **Здвижьня день** – значит, усѣ с полю здвинульсь. На **Здвижьня день** ни должон снѣк итить (Подлесная Ивановка, Торбеевский район).

На Руси этот праздник объединял в себе церковные и народные традиции. Издревле существовал обычай устанавливать в этот день небольшие часовни, придорожные кресты, обходить с иконой поля и молиться о будущем урожае.

Церковный праздник Крещения Христа отмечается 19 января после череды новогодних праздников и называется в народной среде *Кщеньё*. Он связан с культом воды, ее очищающей силой, избавляющей от грехов и дарующей здоровье, поэтому, несмотря на мороз, проходило массовое погружение людей в прорубь:

(9) На **Кщенья** марос-ть сильный был, а атец мой ф пролуби купалси (Куликово, Тенгьгушевский район).

Почитаемый на Руси праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы сокращенно называли *Введением*. В русских говорах Мордовии зафиксировано наименование *введеньё* – ‘религиозный праздник Введение в храм Богородицы (21 ноября по старому стилю)’. У славян этот праздник ассоциировался с наступлением зимы, поскольку проходили гулянья, зимние игры и первые катания на санях, по этому дню судили о предстоящей по-

годе и будущем урожае. Заметим, что иллюстративный материал показывает утрату актуальности и массовости проведения этого праздника в современной деревне:

(10) **Ввидиньё** – большой праздник, дъ сичас ыво никто ни пьчитат (Кулишейка, Рузаевский район).

Религиозный праздник Рождества Богородицы ежегодно отмечается православными верующими 21 сентября и называется в русских говорах Мордовии *адовский праздник*. В народной среде не сохранилось сведений об истории возникновения такого наименования:

(11) Праздник Ръжоства Бъгородицы нъзывают **адъфским празникъм** (Суподеевка, Ардатовский район).

Несколько христианских праздников сельские жители отмечают в августе: *яблочный спас* – ‘христианский праздник Преображение Господне (19 августа), после которого разрешалось есть яблоки’, *успенъе* – ‘праздник Успения Пресвятой Богородицы (28 августа)’. Каждый из этих праздников связан с приемом какой-либо символической пищи. Яблочный спас ассоциируется с первым урожаем плодов, с созревaniem яблок:

(12) Яблѣки нъчинают есть с **яблѣшнѣвъ спасъ** (Шаверки, Краснослободский район).

Доедая освященное в церкви яблоко, принято было загадывать желание.

На *Успенъе* готовили каши и пекли хлеб из муки и крупы нового урожая:

(13) Сначала идѣт усспенскѣй пост две недели, потом 28 августа будит **Успенъя**, рѣзговляющѣ кашѣй (Суподеевка, Ардатовский район).

В церковной традиции особо почитался святой Николай Чудотворец, который воспринимался на Руси как покровитель русского народа и крестьянский заступник. В диалектной среде зафиксирован народный вариант наименования этого праздника – *Микола*. Почти до начала XIX в. Николины дни во многих русских деревнях были престольными праздниками, считались важнейшими после Пасхи. Они отмечались зимой и вес-

ной: 19 декабря (Никола Зимний, Холодный) и 22 мая (Никола Вешний; Теплый, или Летний), поэтому и в исследуемом фразеологическом корпусе соответственно встречаются наименования *вѣшня Микола* и *зимняя Микола*:

(14) У нас две **Миколы**: **зимняя Миколь** и **вѣшня Миколь**, празники этъ (Никольское, Торбеевский район).

В русских говорах на территории Мордовии употребляются словообразовательные варианты *Кузьминка*, *Кузьминки*, *Кузьмушка*, *Кузьминки*, называющие религиозный праздник, который отмечается 1 ноября по старому стилю, – День Кузьмы и Демьяна. По мнению исследователей, «особое внимание к этим святым в сельской среде объясняется тем, что святые Кузьма и Демьян славились как мастера и труженики, покровители семейного очага и супружеского счастья» [Маслова, Мочалова, 2013, с. 63]. Носители диалекта отмечают значимость этого праздника, сопровождавшегося песнями и плясками, народными гуляньями:

(15) Вот **Кузьмишник** тады был, песни пели, дефки плясали (Такушево, Тенггушевский район);

(16) Събирѣмси мы нъ **Кузьминку** и давай песни петь (Ключарѣво, Рузаевский район).

Интересен тот факт, что жители разных сел указывают на важность данного события в большей степени для девушек или парней, поскольку на таких народных гуляниях молодые люди знакомились и впоследствии создавали семьи:

(17) А **Кузьминкъ** – этъ для девѣк празник был (Рождествено, Ичалковский район);

(18) Парни ждуг ни даждущѣ **Кузьмушки** (Куликово, Тенггушевский район).

Устойчивое сочетание *Кузьму сидеть* характеризует особенности проведения церковного праздника Кузьмы и Демьяна: с вечера и до рассвета деревенская молодежь собиралась на посиделки в большой избе, в которой девушки готовили угощения и приглашали к столу парней:

(19) **Кузьму сидеть** ребяты и дефки па осени събирались (Марьяновка, Большеберезниковский район).

Принято было в это день устраивать *ссыпчину* – складчину перед церковным праздником Кузьмы и Демьяна, в которой участвовали только девушки:

(20) Бывальчи мы и ни слыхали пра праздник 8 Мартъ, заместь иво у нас был свой – Кузьминкъ. Как патходит время, устраивъм **ссыпчинку** (Смольково, Лямбирский район).

День Святой Троицы – важный православный праздник, который верующие отмечают на пятидесятый день после Пасхи и называют его также Пятидесятницей. В русских говорах Мордовии зафиксировано такое название этого праздника, как *седмица*. Дата Пасхи ежегодно меняется, и Троица, соответственно, не имеет закрепленного дня. На Троицу традиционно храмы украшают ветвями и травой, при этом зеленый цвет символизирует обновление. Обычай плести венки и водить хороводы в лесу в Троицын день номинирует в локальной лингвокультуре фразеологизм *идти под венки*. Троицын день всегда сопровождался праздничным гуляньем в честь проводов весны, которые в деревнях называли *люлѣ, полюлѣ, полелѣ*. Этот праздник был ожидаемым в народе, сельские жители наряжались, пели песни, водили хороводы:

(21) На Троицу фсягда **пълюлѣ** бывает. Самъ лутшь нѣдывали, када ф пълюлѣ-тъ хадили (Соколов Гарт, Чамзинский район);

(22) Ф **пълюлѣ**, бываль, в лес хадили дѣ фсѣ песни пели, хъраводы вадили. И стърики, и дети ждали **пъллилѣ**, фсем хательсь виселья, с нитирпеньим ждали (Ключарѣво, Рузаевский район).

До принятия христианства в славянском календаре отмечался Семик, символизирующий переход от весны к лету. В исследуемых говорах сохранилось упоминание об этом празднике (*семийка, ¹семишник, семик* – ‘весенний праздник в четверг перед Троицей’) и о существовавшем культе растительности: березовыми ветками украшали жилище, ходили в лес, наряжали березу, водили вокруг нее хороводы, пели песни, устраивали праздничную трапезу:

(23) Нѣ **Симик** ходют в лес, зъвивают вянки (Покрышкино, Ромодановский район).

В крестьянской среде существовал особый обычай, который назывался *грánки ставитъ*: за три дня до Троицы на дорогах возводились преграды из бревен и плетней:

(24) У нас и сицас **гранки ставят**. Сиводни увидити, как рабяты будут **гранки ставить** (Петровка, Дубенский район).

В исследуемых говорах зафиксированы наименования религиозного праздника Преполование: *Половеньѣ, Прополвеньѣ*. Преполование Святой Пятидесятницы – это один из древнейших христианских праздников, называющих половину срока, середину по времени между двумя церковными праздниками – Пасхой и Троицей. В традиционной русской культуре после этого праздника можно было собирать грибы, идти на кладбище, что подтверждает исследуемый материал:

(25) Скоръ **Пълъвиньѣ**, нѣ магилки пайдѣм (Муравлянка, Ельниковский район);

(26) Вот прайдѣт **Пръпълвиньѣ**, зѣ грибами пайдѣм (Павловка, Лямбирский район).

В народном сознании маркировались также временные отрезки, обозначающие промежутки между двумя большими религиозными праздниками: *путѣна* во 2-м знач. – ‘отрезок времени между Масленицей и Пасхой; Великий пост’, *свечки* – ‘промежуток времени от Рождества до Крещения, святки’:

(27) А **путины-тъ** срокъм большыи были. Во время **путины-тъ** мы ф Самару ездили (Енгальчево, Дубенский район).

В традиционной русской культуре и в православной традиции обязательными элементами были различного рода ограничения верующих для очищения духа, отречения от всего греховного. Диалектная лексическая единица *питиньѣ* в 1-м знач. служит у верующих для обозначения церковного наказания – епитимий. Верующие в обязательном порядке исполняли все наложенные на них наказания:

(28) Раньшѣ поп **питиньѣ** наложыт и фсѣ спалняли, гриха баялись (Летки, Старошайговский район).

В русских говорах Мордовии зафиксированы различные наименования, связанные с постом и ограничением человека в пище:

загванье – ‘последний день перед постом, когда верующим разрешается есть скоромное; заговенье’, *петровка* – ‘пост перед Петровым днем’, *успенский* – ‘Успенский (пост)’:

(29) Апасля **загвѣнья** пост, скаромнѣя ни идят (Анненково, Ромодановский район);

(30) Сначала идѣт **Успенскѣй** пост две недели (Суподеевка, Ардатовский район).

Наименования сезонных праздников

Сезонные праздники на Руси были связаны с сельскохозяйственными традициями далеких предков восточных славян. Знаковыми в сознании сельского жителя становились переходы от одного времени года к другому, поскольку эти периоды обозначали важные события в жизни крестьянина: окончание зимы, начало посевной, сбор урожая и др. Неслучайно в традиционной русской культуре сохранились наименования праздников, посвященных проводам того или иного времени года.

Весна в народном календаре знаменовала собой начало активного периода в жизни человека, возобновление сельскохозяйственных работ. В православной культуре считалось, что весна символизирует победу жизни над смертью, добра над злом. На Руси до XIV в. наступление нового года отмечали весной, в день весеннего равноденствия. Важным событием считался переход от зимы к весне, поэтому на Руси широко отмечались проводы зимы. В говорах сохранилось название праздника проводов зимы, Масленицы – *мáслена* в 3-м знач. Старинный славянский праздник проводов зимы обозначался глаголом *масловать*:

(31) Эх и любилѣ бѣвалѣчи **мѣславать**, с утра маслуим, фсю ниделю мѣславали (Старая Михайловка, Ромодановский район).

Многочисленные праздники отмечаются в мае, так как этот месяц характеризуется активным ростом и цветением растений, переходом к сельскохозяйственным работам, первым выгоном скота в поле. Праздник, связанный с проводами весны, принадлежит к сельским обрядам и сопровождается массо-

выми гуляньями. В народной среде он называется *люлё*, *полюлё*, *ярило*, *ярилы*:

(32) Вот как вясна кончаць, дефки дѣ парни рядюць, песни поют, праздник этѣ у нас, **люлё** (Большие Поляны, Ардатовский район).

Проводы весны празднуют в течение всей последней недели мая (по старому календарю), которую называют *гулящая неделя*:

(33) Фсю **гулящую ниделю** висну красну прѣважали (Тенишево, Краснослободский район).

Весенний праздник *кочеткі* отмечается 22 мая, в этот день принято обливаться водой:

(34) Двацьцѣ фтаровѣ мая па-новѣму фсе вадой абливаюць. Этѣт праздник у нас нѣзваць **кѣцытки** (Мельцаны, Старошайговский район).

В диалектной среде посредством устойчивого сочетания *сухой игриш* также фиксируется народная забава: обливание на улице любого человека водой на следующий день после праздника – проводов весны.

Праздник последнего дня весны в исследуемых говорах получил название *русалкино (русальское) загванье*:

(35) Нѣ **русалкинѣ загвѣнья** в лес ходют, винки зѣвивают (Дмитриев Усад, Атюрьевский район).

Данный фразеологизм употребляется и в шуточной форме, если речь идет о времени, которое наступит неизвестно когда:

(36) Сказала иму, штоп саломки принѣс, дѣ вить надеждѣ-тѣ нѣ ниво плахая, дѣ **русалкина загвѣнья** ждѣть придѣць (Кулишейка, Рузаевский район).

Проводы лета и наступление осени, окончание летнего сезона – времени активного сельскохозяйственного труда, связанного с обработкой урожая, – означал такой сельский праздник, как *федраська*:

(37) **Фидраськѣ** прайдѣт, а там – осинѣ. Ванькѣ, я нѣ **фидраську** эх ы нѣгуляюсь! (Старая Фёдоровка, Старошайговский район).

Осень в крестьянском календаре связана с уборочной страдой, сбором грибов, пополнением продовольственных запасов и под-

готовкой к зиме. Завершается длительный период полевых работ, который начался ранней весной с возделывания участков и посева. Особое значение в крестьянской среде уделялось последнему дню жатвы, так как он ознаменовывал окончание тяжелых полевых работ. В этот день устраивался праздник *дожинки* в 1-м знач., *пожинки* – ‘последний день жатвы и праздник по этому поводу’:

(38) Раньше *пажынки* в радсть были (Сиалевская Пятина, Инсарский район);

(39) Как толькь *дажынки*, то Матрѣнкъ с утра петь ф поли нъчиналь (Усыскино, Инсарский район).

По данным исследуемых говоров, был распространен обряд *жечь серафѣнку*, это ритуальное действие обозначало символические проводы осени, когда молодежь делала чучело из соломы, одевала его в лохмотья и сжигала.

Среди народных праздников зимнего цикла отмечается череда предновогодних и последующих январских гуляний. Так, диалектные наименования *овсень*, *усеньки*, ²*усенька* в 1-м знач. репрезентируют канун нового года, когда молодежь с песнями-колядками ходит по домам, получая подарки и угощение:

(40) Нь *усеньки* блины пякут, рибятишки ракульку пают, а вечерьм салому жгут (Черемис, Ковылкинский район).

Наименования обрядов

В русских говорах на территории Республики Мордовия сохранились наименования различных обрядов, знаменовавших изменение социального статуса человека, переход его в иное состояние. Свадебный обряд является одним из самых ярких и красивых в традиционной русской культуре; он до сих пор хранит в себе архаические черты, восходящие к славянской древности, и характерные локальные признаки. Анализ свадебной лексики и фразеологии способствует пониманию специфических черт народного быта, особенностей взаимоотношений между представителями территориально замкнутого социума. Свадебный обряд был длительным по времени проведения, поэтому в нем можно выделить несколько основных этапов: предсвадебный, свадебный и послесвадебный.

До того как состоится свадьба, обязательным было знакомство родителей, получение их благословения. Первое знакомство родственников жениха и невесты называлось в сельской местности *рукобѣтье*. Обряд знакомства жениха с невестой (смотрины), представленный лексемами ²*гляделки*, *поглядье*, *поглядки*, собирал множество зрителей:

(41) Вывидут нь *гиделки*, тут уш фсѣ и ршыщць. Нь *гиделкѣх* многь падрок събирѣщць (Новая Резеповка, Ковылкинский район).

Обычай, когда родственники невесты ходили к жениху, чтобы договориться о дне свадьбы, в диалектной среде номинируют устойчивые сочетания *с лаптями ходить (идти)*, *лапти давать*. Решение сыграть свадьбу и объявление кого-либо женихом и невестой называли *первый зной* или *поклон*:

(42) Када замуш выходят, радня придѣт нь *паклон* (Шишкеево, Рузаевский район).

Устойчивое сочетание *пойти на поклон*, которое сопровождается в СРГРМ пометой *устар.*, обозначало в говорах такой обязательный процесс свадебного обряда, как пойти к родителям невесты за благословением. После состоявшегося сватовства устраивали *запой*, ¹*курник* в 3-м знач., ²*стоянку* – собрание гостей у невесты:

(43) Ва время *запоя* дьгаваривъющць, кады свадьбу играть, еть уш абычий такой (Усыскино, Инсарский район).

Кроме того, в исследуемых говорах зафиксированы фразеологические единицы *поиграть вечерку* – ‘принять участие в свадебном обряде, вечеринке у невесты после сватовства’, *пропивать (пропить) невесту* – ‘устраивать (устроить) выпивку в ознаменование состоявшегося сватовства’.

Особое значение уделялось сохранившейся с древнейших времен традиции, когда подруги невесты несут в дом жениха накануне свадьбы украшенную цветами ветку, – *цветок нести (понести)*. Ритуальные действия украшения куста или ветки совершались участниками свадебного обряда заранее, как правило, накануне вечером, в говорах сохранились такие упоминания об этом процессе: *наряжать*

репей – ‘украшать цветами и лентами куст репейника, который «продают» вместе с невестой’, *куст рядить* – ‘украшать лентами и цветами ветку дерева’.

Перед свадьбой соединялось имущество будущих молодоженов, поэтому существовал обряд *носить (понести) рубашку*, когда подружки невесты накануне свадьбы несли в дом жениха подарок от невесты:

(44) **Насить рубашку** ходят самые близкие подружки невесты. Пайду пьсмагрю: к Марозьвым **рубашку пьнисли** (Тепловка, Кочкуровский район).

В крестьянской среде нужно было *идти с мёркой* в дом жениха, чтобы измерять окна и двери, а потом шить занавески. Принято было также родственникам или подружкам невесты осматривать перед свадьбой имущество жениха – *оглядывать колышки, смотреть печурки*:

(45) У нас и шас абычий такой: пирит свадьбь свахь **колышки аглядывьт** у жьниха (Гумны, Краснослободский район).

Предсвадебный этап предполагает прощание девушки с незамужней жизнью, поэтому зафиксированные наименования *вечерёнка, вечерка, сваха, сёстра, вечеринка, вечеренька*, а также устойчивое сочетание *ходить в подружки* обозначают девичник в доме невесты накануне свадьбы. Вечер непосредственно перед свадьбой называется в изучаемых говорах *позываты*, так как на такие посиделки собирались друзья невесты и жениха. Средствами фразеологии репрезентируется такой элемент свадебного обряда, как *мягчать перину*: подружки невесты оставались ночевать у невесты накануне свадьбы:

(46) Вечирьм пришли подружки **мякчать перину** (Ключарёво, Рузаевский район).

Обычай сопровождать свадебный обряд на всем протяжении плачем и причитаниями был распространен на Руси повсеместно. Н.Ю. Таратынова отмечает обязательное исполнение плачей-причитаний на свадьбе, так как «в момент традиционной свадьбы невеста как центральное действующее лицо всего обряда изменяла свой социальный статус и навсегда покидала родную семью, дом, а так-

же резко меняла образ жизни, расставалась с подругами» [Таратынова, 2006, с. 312]. Проводы уходящей беззаботной жизни сопровождались плачем и причитаниями самой невесты, что подтверждает иллюстративный материал:

(47) Фсю вичиреньку нивесть **плачит и причитат** (Ирсеть, Старошайговский район).

Глагольные лексемы *вызванивать, привоплять, вопить, корить* (в одном из значений) выражают громкий плач невесты, сопровождающийся причитаниями. Устойчивые сочетания *волюшку вопить, красу отдавать* также указывают на обычай громко причитать перед свадьбой, оплакивая девичью волю:

(48) Невесть пирет свадьбь **привоплят** (Грибодово, Кочкуровский район).

Свадебный обряд на всем протяжении сопровождался также исполнением ритуальных песен, имеющих сакральный смысл. Так, фразеологическая единица *шапочку петь* указывает на исполнение песни жениху. В русских говорах Мордовии зафиксирован глагол *корить*, в одном из значений номинирующий обрядовый процесс восхваления пением. Хвалебная песня могла быть посвящена родителям, жениху или невесте:

(49) А патом жьниха **карить** начьнут (Алексеевка, Темниковский район);

(50) Мьладыи ищё радителии **карят** (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район).

В русских говорах Мордовии употребляются различные наименования, обозначающие вступление в брак: лексико-фонетические диалектизмы *свальба, сварьба* (в одном из значений) – ‘свадьба’, лексико-словообразовательные диалектизмы *женатство, поженитьба* – ‘женитьба’. Лексема *отпёрки* называется последний день свадьбы. Наименования *поезженина, поезжина* в 1-м знач. характеризуют свадебный поезд. На совершение свадебного обряда указывает глагольная лексема *курничать*, устойчивое сочетание *заиграть свадьбу* обозначает завершение этого процесса – ‘сыграть свадьбу’.

Часть свадебного обряда представляла собой своеобразную торговлю, поскольку жениху или гостям необходимо было совершить выкуп, заплатить за что-либо. Для номинации подобных этапов обряда в говорах употребляются такие фразеологические единицы, как *окупать ворота, откупать (покупать) невесту* – ‘родственники жениха выкупают невесту’, *кладку драть* – ‘выкупать приданое невесты’, *козла окупать* – ‘приглашенные на свадьбу платят за вино, выпитое из обвязанного красной лентой стакана’:

(51) **Пькупаг невесту** друшкъ, а жыних токъ рьспьрижащъ, сколькъ дать. У нас фсягда **невесту пькупают**, а ищѣ пькупают двери, месьг невестинь дъ туфилку иѣ (Петровка, Дубенский район).

Для обозначения получения выкупа за невесту в свадебном обряде употребляется диалектизм *накорить*. Со стороны невесты также были определенные обязательства, поэтому она приходила в семью жениха не с пустыми руками. Так, принято было *везти коробью* – ‘везти приданое невесты к жениху’, *дарить на поклон* – ‘невесте одаривать родных жениха’. Диалектоносители отмечают, что с течением времени традиции одаривания могут меняться:

(52) **Нь паклон** раньшъ был. А сичяс невесту адаривьют, фсѣ нъабарот (Павловка, Старошайговский район).

Приглашенные на свадьбу родственники и друзья дарили подарки молодым, этот этап свадебного обряда представляет устойчивое сочетание *сыр метать*:

(53) А таперь давайти **сыр мятать** для мьладых. Свахъ, чяшку, чяшку дай-къ суды, **сыр мятать** будим (Куликово, Тенгьгушевский район).

Диалектная фразеология номинирует различные ритуальные обрядовые действия, совершавшиеся в день свадьбы: в избе зажигали солому, а невеста с женихом должны были тушить огонь. Обряд *овин тушить* обозначал окончательный уход молодой жены из родительской семьи к мужу. Славянская традиция осыпать молодых хмелем после венчания – *окупывать молодых* – уходит корнями в далекое прошлое и символизирует пожелание молодым счастья и благоденствия.

В составе изучаемой диалектной фразеологии зафиксированы такие обрядовые действия, как *поехать (ехать) с повесткой* – ‘предупреждение невесты о скором прибытии жениха’, *в горны звать* – ‘приглашать родственников невесты в дом жениха в день свадьбы’, *в горны иди (пойти, ходитъ, приѣхать)* – ‘идти (пойти) к жениху в день свадьбы (о родственниках невесты)’. В русских деревнях было принято пировать, отмечая различные этапы свадебного обряда: *пергулки* – ‘взаимное угощение новых родственников после свадьбы’, *мыло возить* – ‘устраивать пирушку у родственников невесты спустя некоторое время после свадьбы’. В диалектной среде проводы жениха и невесты в церковь называли *второй запой*, а пир у молодых после венчания – *горной* (в одном из значений), *горны* (в одном из значений), *горнай*:

(54) При **горном** бьют горшки, стаканы, толькъ прях фсѣ. Мы вот смотрим нынишны свадьбы, **горной** уш режы стал, по-новъму играют (Манадыши, Атяшевский район).

В рамках послесвадебного этапа особое значение имел второй день после свадьбы. Рано утром идут *ярку искать* – искать невесту в доме жениха.

В этот день считалось обязательным *на блинки звать*, то есть приглашать в гости родственников жениха в дом родителей невесты, а родственникам жениха, соответственно, идти в дом родителей невесты – *идти на блинки (пирожки)*. На второй день свадьбы из дома невесты к жениху несут украшенный лентами и цветами куст, ветку сосны. Данный элемент свадебного обряда в диалектной лингвокультуре представлен устойчивым сочетанием *курник нести (нести)*, *сосну нести*:

(55) **Сасну нясут** ряжъны и гъварят жъниху: «Нашъ **яркъ** таке вот ленты насиль». **Носют сасну** утръм, а патом гости жъниха идут гулять к невесте (Петровка, Дубенский район);

(56) Нь фтарой день у нас **курник нисут** самы блиски и радныи невесты (Тепловка, Кочкуровский район).

Похоронный обряд, как и свадебный, принадлежит к числу наиболее архаических и сохраняет многие черты традиционных воз-

зрений человека на смерть. «Соблюдение такого важного обряда, каким является похоронно-поминальный, строго контролировалось в традиционной русской деревне общественным мнением и этическими нормами, поэтому он долгое время оставался без изменений и до сих пор сохраняется во многих местах России» [Букринская, Кармакова 2013, с. 74]. В этнолингвистических исследованиях нередко отмечается общность свадебного и похоронного обрядов, что объясняется их «переходным» характером [Маслова, Мочалова 2013, с. 61].

Современный похоронный обряд сохраняет черты старого, еще языческого процесса, однако магическое содержание обрядового действия во многом утратилось. Это проявляется в том, что в диалектном корпусе русских говоров Мордовии представлено небольшое количество лексических и фразеологических единиц, номинирующих похоронно-поминальные обряды.

Лексические единицы *покорон*, *смертник* обозначают похороны, фразеологизмы *отнести за сторожёвых*, *сделать траур* называют сам процесс – ‘схоронить, похоронить’. Наиболее многочисленна группа слов погребально-поминального ритуала, связанных с номинацией поминок. Лексемы *канун* в 1-м знач., *пóшлина* в 1-м знач. имеют обобщенное значение ‘поминки’, в то время как большая часть языковых единиц содержит в своей смысловой структуре дифференциальные компоненты значения, конкретизирующие определенные временные отрезки: *горячий стол* в 1-м знач. – ‘поминки после похорон’, *шестина* – ‘поминки по умершему через шесть недель после смерти’, *година* – ‘поминки в годовщину смерти кого-либо’:

(57) Коли чь человек умрёт, об нём дельют поминки. Эти поминки нъзывающъ **горячим столом**. Нъ **горячий стол** чь человек фсю жызню пръробогъл, поэтьму нъ **горячий стол** угошчают вином, тут не грех ы выпить, нъ другех поминкьх пить нельзя (Суподеевка, Ардатовский район).

Отдельные лексические единицы репрезентируют обрядовые комплексы, составляющие обязательную структуру погребально-поминального ритуала в соответствии с православными традициями и имеющие сакраль-

ное значение для верующего: *панафида*, *канун* в 4-м знач. – ‘церковная служба по умершему, панихида’, *опевать* – ‘совершать обряд отпевания’. Это подтверждает, что для человека важно, чтобы его похоронили с соблюдением обрядовых действий. Фразеологическая единица *свалить на коноклёску* – ‘похоронить без обряда’ – содержит пренебрежительный оттенок:

(58) Этъ у миня ф сундуке-ти смертнъй узил, в нём платье, покрой, а то пъпадеш ф пристарелый дом, кто чай тея там събирать-тъ будит. Покроют какем-нибудь савъньм дъ **свалют път кънаклёску** (Суподеевка, Ардатовский район).

В поминальные дни люди обязательно посещали могилы родственников, принося с собой еду, вино, чтобы пригласить усопшего на ритуальную трапезу. Фразеологизм *завтрак на кладбище носить* – ‘поминать’ – сохранил обычай, оставшийся от древнего похоронного обряда, который предусматривал задабривание душ умерших.

В православной традиции существовали специальные дни поминовения умерших – *родители*, *поминуца*. В такие дни в соответствии с обычаями и обрядам поминального цикла требовалось проявление заботы об умерших в виде специальных молитв, особых трапез, посещения могил:

(59) Сиводни **радитили**, на кладбища пайдём. Нъ **радитили** мы пъминаим умершых (Новое Баво, Большеигнатовский район).

Христианский обряд крещения кого-либо номинируют в исследуемых говорах единичные лексические единицы *кстины*, *кцёнье* (в одном из значений). В этот день принято было собираться родственникам, готовить обрядовые угощения, дарить подарки:

(60) Бывальчи у фсех **кстины** были, так уш зъвидяно былъ. Как **кстины**, так гулянкъ. И што зъ заправъ такая? (Гумны, Краснослободский район).

Заключение

Проведенное исследование показало, что диалектные наименования праздников и обрядов представляют сложный и уникальный компонент традиционной культуры, который зани-

мает значительное место в лингвосознании русского народа. Наиболее многочисленными в говорах являются наименования, связанные со свадебными обрядами, а также номинации календарных религиозных и сезонных праздников. Обозначения похоронных и поминальных обрядов представлены небольшим количеством лексических и фразеологических единиц и репрезентируют обрядовые действия довольно обобщенно, практически не дифференцируя этапы совершения ритуала.

Таким образом, названия календарных праздников и народных обрядов в русских говорах отражают культурно-исторические традиции, верования, обычаи представителей территориально замкнутого социума, являются способами репрезентации этнокультурного сознания русского народа. Они представляют особую форму хранения и отражения национально-культурной информации, становятся основой для порождения символических значений в ценностно-смысловом пространстве этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Э. Н., Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., 2014. Этнолингвокультурологическая интерпретация бытовой и обрядовой фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания и коммуникативистики. В 3 т. Т. 1. Ростов н/Д : Науч. сотрудничество. С. 73–99.
- Байбурун А. К., 1993. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука. 206 с.
- Банкова Т. Б., 1998. Словарь сибирских обрядов: к постановке проблемы // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск : Изд-во ТГУ. С. 22–33.
- Бахвалова Т. В., 2015. Представление зимнего цикла календарных обрядов в орловских говорах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 3 (66). С. 87–89.
- Букринская И. А., Кармакова О. Е., 2013. Глаголы со значением «исполнять похоронный обрядовый плач» в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования 2013. СПб. : Нестор-История. С. 74–83.
- Гайсина Ю. В., 2007. Свадебный обряд в селе Стояново // Тульская область. Одоевский край. Очерки прошлого и настоящего. М. : Ин-т наследия. С. 338–367.
- Гура А. В., 2012. Брак и свадьба в славянской народной культуре // Семантика и символика. М. : Индрик. 936 с.
- Житникова М. Л., 2006. Лексика свадебного обряда как источник изучения народной культуры // Язык и культура : сб. ст. XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию юбилею фак. иностр. яз. (Томск, 18–20 апр. 2005 г.). Том. гос. ун-та. Томск : Изд-во ТГУ. С. 36–40.
- Зубова Ж. А., 2006. Отражение во фразеологии орловских говоров народных праздников, обрядов, обычаев и суеверий // Экология культуры и языка: проблемы и перспективы. Архангельск : Изд-во ПГУ. С. 224–229.
- Костромичёва М. В., 2007. Лексика народного календаря // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования 2007. СПб. : Наука. С. 351–356.
- Кузнецова И. В., 1999. Календарная обрядность и устойчивые сравнения // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии : тез. докл. Междунар. конф. (Волгоград, 28–29 сент. 1999 г.). Волгоград : Перемена. С. 153–155.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А., 1971. О семиотическом аспекте культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 284 : Труды по знаковым системам. С. 144–166.
- Маслова А. Ю., Мочалова Т. И., 2013. Этнолингвистическая репрезентация обрядовой деятельности во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Финно-угорский мир. № 2 (15). С. 59–63.
- Меркулова В. И., 1994. Календарная и обрядовая лексика, связанная с весенними христианскими праздниками в говорах Орловской области // Духовная культура: проблемы и тенденции развития : Всероссийская научная конференция (Сыктывкар, 11–14 мая 1994 г.) : тез. докл. Сыктывкар : Изд-во СГУ. С. 72–75.
- Миронович М. С., 2012. Наименования участников свадебного обряда Калужской области // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования 2012. СПб. : Нестор-История. С. 332–337.
- Мочалова Т. И., Маслова А. Ю., 2014. Репрезентация языческого и христианского мировоззрения во фразеологии русских говоров Республики Мордовия // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. исследователей рус. яз.

- (Москва, 18–21 марта 2014 г.). М. : Изд-во МГУ. С. 123–124.
- Таратынова Н. Ю., 2006. К вопросу о номинации обрядового свадебного причитания (по материалам псковских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования 2006. СПб. : Наука. С. 309–314.
- Тихомирова Н. П., 2008. Лексика календарных обрядов в белозерских говорах // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования 2008. СПб. : Наука. С. 241–247.
- Фомичева С. В., 2012. Символика предметного кода свадебного обряда (на материале тульских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования 2012. СПб. : Нестор-История. С. 326–331.
- Человек и его мир в диалектной фразеологии русских говоров Мордовии / Э. Н. Акимова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова [и др.]. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 156 с.
- Чухарева Г. В., 1978. Из наблюдений над лексикой и фразеологией свадебных обрядов нескольких сел Курганского района Красноярского края // Вопросы исследования лексики и фразеологии Сибирских говоров. Красноярск : Изд-во КГУ. С. 21–27.
- Штейнгарт Л. М., 2006. Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 22 с.
- Rostov-on-Don, Nauchnoe sotrudnichestvo Publ., pp. 73-99.
- Baiburin A.K., 1993. *Ritual v traditsionnoy kulture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 206 p.
- Bankova T.B., 1998. Slovar sibirskih obryadov: k postanovke problemy [Dictionary of Siberian Rites: To the Formulation of the Problem]. *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [Problems of Lexicography, Motivology, Derivatology]. Tomsk, Izd-vo TGU, pp. 22-33.
- Bakhvalova T.V., 2015. Predstavlenie zimnego tsikla kalendarnykh obryadov v orlovskikh govorakh [Presentation of the Winter Cycle of Calendar Rites in the Orel Dialects]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsialnye nauki»* [Scientific Notes of the Oryol State University. Series “Humanities and Social Sciences”], no. 3 (66), pp. 87-89.
- Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E., 2013. Glagoly so znacheniem «ispolnyat pokhoronnyy obryadovyy plach» v russkikh govorakh [Russian Dialects: Verbs with the Meaning “To Perform a Funeral Ritual Lament” in Russian Dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya 2013* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2013]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 74-83.
- Gaisina Yu.V., 2007. Svadebnyy obryad v sele Stoyanovo [Wedding Ceremony in the Village of Stoyanovo]. *Tul'skaya oblast. Odoevskiy kray. Ocherki proshlogo i nastoyashchego* [Tula Region. Odoyevsky Krai. Essays of the Past and Present]. Moscow, Institut naslediya, pp. 338-367.
- Gura A.V., 2012. Brak i svadba v slavyanskoy narodnoy kulture [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture]. *Semantika i simbolika* [Semantics and Symbolism]. Moscow, Indrik Publ. 936 p.
- Zhitnikova M.L., 2006. Leksika svadebnogo obryada kak istochnik izucheniya narodnoy kultury [Wedding Ceremony Vocabulary as a Source for Studying Folk Culture]. *Yazyk i kultura: sb. st. XVIII Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 10-letnemu yubileyu fak. inostr. yaz. Tom. gos. un-ta* [Language and Culture. Collection of Articles of the 18th International Scientific Conference Dedicated to the 10th Anniversary of the Faculty of Foreign Languages of Tomsk State University]. Tomsk, Izd-vo TGU, pp. 36-40.

ИСТОЧНИК

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. В 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб. : Наука, 2013. Ч. 1. 672 с. Ч. 2. С. 673–1560.

REFERENCES

Akimova E.N., Maslova A. Yu., Mochalova T.I., 2014. Etnolingvokulturologicheskaya interpretatsiya bytovoy i obryadovoy frazeologii russkikh govorov Respubliki Mordoviya [Ethnic Linguistic Culturological Interpretation of Everyday and Ritual Phraseology of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivnye vektory razvitiya filologii, lingvistiki, yazykoznaniya i kommunikativistiki. V 3 t. T. 1* [The Current State and Promising Vectors of Development of Philology, Linguistics and Communication Studies. In 3 Vols. Vol. 1].

- Zubova Zh.A., 2006. Otrazhenie vo frazeologii orlovskikh govorov narodnykh prazdnikov, obryadov, obychaev i sueveriy [Reflection in the Phraseology of the Orel Dialects of Folk Holidays, Rituals, Customs and Superstitions]. *Yekologiya kultury i yazyka: problemy i perspektivy* [Ecology of Culture and Language: Problems and Prospects]. Arkhangelsk, Izd-vo PGU, pp. 224-229.
- Kostromicheva M.V., 2007. Leksika narodnogo kalendarya [The Lexicon of the Popular Calendar]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya 2007* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2007]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 351-356.
- Kuznetsova I.V., 1999. Kalendarnaya obryadnost i ustoychivye sravneniya [Calendar Rites and Stable Comparisons]. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty frazeologii: tez. dokl. Mezhdunar. konf. (Volgograd, 28–29 sent. 1999 g.)* [Communicative and Pragmatic Aspects of Phraseology. Abstracts of Reports of the International Conference (Volgograd, September 28–29, 1999)]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 153-155.
- Lotman Yu.M., Uspensky B.A., 1971. O semioticheskom aspekte kultury [On the Semiotic Aspect of Culture]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 284: Trudy po znakovym sistemam* [Scientific Notes of the Tartu State University. Iss. 284. Proceedings on Sign Systems], pp. 144-166.
- Maslova A.Yu., Mochalova T.I., 2013. Etnolingvisticheskaya reprezentatsiya obryadovoy deyatel'nosti vo frazeologii russkikh govorov Respubliki Mordoviya [Ethnic Linguistic Representation of Ritual Activity in the Phraseology of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], no. 2 (15), pp. 59-63.
- Merkulova V.I., 1994. Kalendarnaya i obryadovaya leksika, svyazannaya s vesennimi khristianskimi prazdnikami v govorakh Orlovskoy oblasti [Ritual Calendar and the Vocabulary Associated with the Spring Festivals in the Christian Dialects of the Orel Region]. *Duhovnaya kultura: problemy i tendentsii razvitiya: Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya: tez. dokl.* [Spiritual Culture: Problems and Development Trends. All-Russian Scientific Conference. Abstracts of Reports]. Syktyvkar, Izd-vo SGU, pp. 72-75.
- Mironovich M.S., 2012. Naimenovaniya uchastnikov svadebnogo obryada Kaluzhskoy oblasti [Names of Participants in the Wedding Ceremony of the Kaluga Region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya 2012* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2012]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 332-337.
- Mochalova T.I., Maslova A. Yu., 2014. Reprezentatsiya yazycheskogo i khristianskogo mirovozzreniya vo frazeologii russkikh govorov Respubliki Mordoviya [Representation of the Pagan and Christian Worldview in the Phraseology of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: tr. i materialy V Mezhdunar. kongr. issledovateley rus. yaz. (Moskva, 18–21 marta 2014 g.)* [Russian Language: Historical Fate and Modernity. Proceedings and Materials of the V International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, March 18–21, 2014)]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 123-124.
- Taratynova N.Yu., 2006. K voprosu o nominatsii obryadovogo svadebnogo prichitaniya (po materialam pskovskikh govorov) [On the Issue of the Nomination of the Ceremonial Wedding Lamentation (Based on the Materials of Pskov Dialects)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya 2006* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2006]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 309-314.
- Tikhomirova N.P., 2008. Leksika kalendarnykh obryadov v belozerskikh govorakh [Vocabulary of Calendar Rites in Central Dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya 2008* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2008]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 241-247.
- Fomicheva S.V., 2012. Simvolika predmetnogo koda svadebnogo obryada (na materiale tul'skikh govorov) [Symbolism of the Subject Code of the Wedding Ceremony (On the Material of Tula Dialects)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya 2012* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2012]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 326-331.
- Akimova E.N., Maslova A. Yu., Mochalova T.I., Ershova N.I., Denisova L.N. et al., 2015. *Chelovek i ego mir v dialektnoy frazeologii russkikh govorov Mordovii* [Man and His World in the Dialect Phraseology of Russian Dialects of Mordovia]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta. 156 p.
- Chukhareva G.V., 1978. Iz nablyudeniya nad leksikoy i frazeologiyey svadebnykh obryadov neskol'kikh sel Kurganskogo rayona Krasnoyarskogo kraya [From Observations on the Vocabulary and

Phraseology of Wedding Ceremonies in Several Villages of the Kurgan District of the Krasnoyarsk Territory]. *Voprosy issledovaniya leksiki i frazeologii Sibirskikh govorov* [Questions of the Study of the Vocabulary and Phraseology of Siberian Dialects]. Krasnoyarsk, Izd-vo KGU, pp. 21-27.

Shteingart L.M., 2006. *Osobennosti reprezentatsii yazykovoy kartiny mira rossiyskikh nemtsev (na materiale poslovits i pogovorok): avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Features of the Representation of the Linguistic Picture of the

World of Russian Germans (On the Material of Proverbs and Sayings). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Irkutsk. 22 p.

SOURCE

Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya. V 2 ch. [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013, pt. 1. 672 p.; pt. 2, pp. 673-1560.

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Tatiana I. Mochalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St, 68/1, 430005 Saransk, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Татьяна Ивановна Мочалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.3>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.1-32

Submitted: 07.12.2019
Accepted: 02.12.2020

**VERBS DENOTING ACTION RESULTS ELIMINATION:
SEMANTIC AND SYNTACTIC ASPECTS (AS EXEMPLIFIED BY VERBS
RAZBINTOVAT', RAZVERNUT', RAZVYUCHIT', RAZGRUZIT')**

Irina V. Muhachyova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The paper discusses semantic and syntactic features of four Russian verbs denoting liquidation of external physical condition – the verbs *razbintovat'* ('take off a bandage'), *razvernut'* ('unwrap'), *razvyuchit'* ('unburden'), *razgruzit'* ('unload'). These verbs belong to the rather large class of verbs denoting liquidation of the result of an action. The aim of the paper is to find out whether the verbs under consideration are the prototypical members of the class. The author analyses both the semantics of these verbs as presented in the academic Dictionary of the Russian Language, using Russian National Corpus as a source of contexts, and their semantic features, describing a set of valency slots of each verb and the ways these slots can be filled. In order to catch the specific features of the verbs the author compares them with their antonyms denoting achievement of the result of an action. The study showed that having similar semantics the verbs *razbintovat'*, *razvernut'*, *razvyuchit'*, *razgruzit'* denote situations in which a person makes certain manipulations with one object in order to eliminate its contact with another object. Three of the above-mentioned verbs also have the same syntactic properties. *Razbintovat'*, *razvernut'*, *razgruzit'* have three semantic valencies, which can be expressed syntactically. These verbs have two diathesis: one of them expresses subject and the first object, the second one – subject and the other object. As opposed to them the verb *razvyuchit'* has only one diathesis and one of its valencies is inexpressible. Nevertheless, the verbs *razbintovat'*, *razvernut'*, *razvyuchit'*, *razgruzit'* are the prototypical members of the class of verbs, which denote liquidation of the result of an action.

Key words: lexis, semantics, semantic class, verb, semantic valency, government pattern, diathesis, inexpressibility of semantic valency.

Citation. Muhachyova I.V. Verbs Denoting Action Results Elimination: Semantic and Syntactic Aspects (As Exemplified by Verbs *razbintovat'*, *razvernut'*, *razvyuchit'*, *razgruzit'*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 32-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.3>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.1-32

Дата поступления статьи: 07.12.2019
Дата принятия статьи: 02.12.2020

**ГЛАГОЛЫ ЛИКВИДАЦИИ РЕЗУЛЬТАТА ДЕЙСТВИЯ
В СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ
РАЗБИНТОВАТЬ, РАЗВЕРНУТЬ, РАЗВЬЮЧИТЬ, РАЗГРУЗИТЬ)**

Ирина Валерьевна Мухачёва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена семантическому классу глаголов со значением ликвидации результата действия, из состава которого рассмотрены четыре глагола ликвидации внешнего физического состояния – *разбинтовать*, *развернуть*, *развьючить*, *разгрузить*. Цель исследования заключается в установлении их статуса как прототипических для класса глаголов ликвидации результата действия. На основе анализа словарных толкований из малого академического «Словаря русского языка» и контекстов употребления из Национального корпуса русского языка охарактеризована семантика этих лексических единиц, определены семан-

тические валентности и морфологические способы их реализации. Кроме того, описаны антонимические отношения с глаголами, называющими достижение результата. В результате проведенного исследования обнаружено семантическое сходство глаголов *разбинтовать*, *развернуть*, *развьючить*, *разгрузить*. Оно проявляется в том, что эти лексические единицы обозначают ситуации, в которых человек совершает определенное действие с объектом, освобождая его от другого объекта. Синтаксическое сходство отличает глаголы *разбинтовать*, *развернуть*, *разгрузить*: они имеют по три семантические валентности, выразимые на синтаксическом уровне. Особенность этих глаголов заключается в том, что две их валентности не могут быть заполнены одновременно: они реализуются в двух разных диатезах. Глагол *развьючить* имеет иные синтаксические свойства: он реализует валентности в одной диатезе и обладает одной невыразимой валентностью. Тем не менее все четыре глагола – это прототипические представители класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Ключевые слова: лексика, семантика, семантический класс, глагол, семантическая валентность, модель управления, диатеза, невыразимость семантической валентности.

Цитирование. Мухачёва И. В. Глаголы ликвидации результата действия в семантико-синтаксическом аспекте (на примере глаголов *разбинтовать*, *развернуть*, *развьючить*, *разгрузить*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 32–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.3>

Введение

Лексика русского языка, по мнению Ю.Д. Апресяна, «представляет собой нестрогую иерархию с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами» [Языковая картина мира..., 2006, с. 69]. При таком подходе представляется закономерным описывать именно классы слов, а также подклассы, которые в них выделяются, и связи, возникающие между классами.

В центре нашего внимания находится семантический класс глаголов со значением ликвидации результата действия. В него входит большое количество глаголов, обозначающих уничтожение такого положения дел, которое является результатом предшествующего действия, например *отвинтить (гайку)*, *выгрузить (дрова)*, *расплести (косу)* и т. п. Формат статьи не позволяет рассмотреть класс целиком, поэтому ограничимся описанием нескольких глаголов, входящих в один из его подклассов.

Основания для выделения подкласса могут быть формальными. Чтобы разделить глаголы со значением ликвидации результата действия на группы с учетом формального признака, необходимо установить, какой морфемой выражена идея ликвидации. Ликвидативная семантика может выражаться корнем, как в глаголе *ликвидировать (ликвидировать фирму)*, а также некоторыми приставками: *от(о)- (оторвать пуговицу)*, *вы- (выкрутить лампочку)*, *раз- (развязать*

узел) и др. В статье рассматриваются некоторые из глаголов со значением ликвидации результата действия, которые включают в свой состав приставку *раз-*: *разбинтовать*, *развернуть*, *развьючить*, *разгрузить*.

Приставка *раз-* многозначна. Среди ее значений выделяется такое, которое можно считать «ликвидативным». В «Словаре русского языка» (далее – МАС) оно сформулировано следующим образом: «Уничтожение результата ранее произведенного действия, обратное действие, например: *раздумать*, *разлюбить*, *размагнитить*»¹. Согласно толкованию, приставка *раз-* обозначает ликвидацию именно результата действия, что коррелирует с семантикой анализируемого нами класса.

Глаголы ликвидации результата действия могут быть поделены на подклассы также на семантическом основании. Ю.Д. Апресян, характеризуя такие глаголы с приставкой *раз-* при рассмотрении антонимии типа ‘действие’ – ‘уничтожение результата действия’, пишет о пяти подклассах: каузации – ликвидации предмета (*завязать – развязать узел*), каузации – ликвидации внешнего физического состояния (*забинтовать – разбинтовать руку*), каузации – ликвидации внутреннего физического состояния (*заморозить – разморозить мясо*), каузации – ликвидации нефизического состояния предмета (*засекретить – рассекретить*), каузации – ликвидации контакта (*застегнуть – расстегнуть пальто*) [Апресян, 1995, с. 291].

Опираясь на эту классификацию, мы выделили пять групп глаголов ликвидации результата действия: ликвидация предмета (*развязать узел*), ликвидация внешнего физического состояния (*разбинтовать руку*), ликвидация внутреннего физического состояния (*разморозить мясо*), ликвидация нефизического состояния предмета (*рассекретить документы*), ликвидация контакта (*растегнуть пальто*).

Для дальнейшего анализа нами выбрана группа глаголов со значением ликвидации внешнего физического состояния предмета. Помимо названного выше глагола *разбинтовать*, Ю.Д. Апресян относит сюда еще такие глаголы, как *развернуть* (*покупку*), *развьючить* (*осла*), *разгрузить* (*машину*). Судя по названию и иллюстрациям, глаголы этого подкласса обозначают ситуации, в которых изменяется внешнее, то есть наружное, а не внутреннее состояние предмета. Изменения происходят с физическим («материальным»), а не, например, психологическим состоянием. Внешние изменения физического состояния предмета воспринимаются визуально: это всегда видимые глазу изменения.

Представляется, что рассматриваемый семантический класс и каждый подкласс внутри него устроены по принципу «поля»²: имеют центр и периферию. Глаголы, находящиеся в центре класса, можно называть прототипическими в том смысле, что они имеют свойства данного класса и не имеют никаких свойств других классов.

Признаки, которыми обладает прототипический глагол ликвидации результата действия, были выявлены нами ранее³. Здесь лишь назовем их, не сопровождая изложение обоснованиями и пояснениями, поскольку все они будут подробно рассмотрены на материале описываемых глаголов.

Глагол-прототип анализируемого семантического класса обозначает физическое действие и обязательно имеет минимум две семантические валентности – Агенса и Пациенса: *Вася растегнул пальто*; *Ученые рассекретили документы* и т. п. Кроме того, в толковании прототипического глагола ликвидации результата действия должен быть указан конкретный способ совершения действия

и должна содержаться отсылка к результату предшествующего действия. Связь с ситуацией достижения результата у прототипических глаголов проявляется еще и в том, что все участники ситуации достижения результата должны быть «унаследованы» и перенесены в ситуацию ликвидации результата.

Наша задача – выявить семантические и синтаксические особенности глаголов *разбинтовать*, *развернуть*, *развьючить*, *разгрузить*, которые Ю.Д. Апресян причисляет к подклассу глаголов со значением ликвидации внешнего физического состояния. Цель анализа заключается в установлении того, можно ли считать глаголы, входящие в этот подкласс, прототипическими представителями класса глаголов ликвидации результата действия. Подробное рассмотрение позволит также обнаружить синтаксические особенности, свойственные глаголам анализируемого семантического подкласса.

Материал и методы

Глаголы, выбранные для анализа, как уже сказано, извлечены из работы Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика (синонимические средства языка)» [Апресян, 1995]. При их изучении мы обращаемся к МАС, откуда заимствуем формулировки значений исследуемых глаголов. Источником контекстов употребления рассматриваемых глаголов является Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ).

Все слова описываются по единому плану. Сначала характеризуется «ликвидативное» значение глагола из МАС и приводятся несколько контекстов его употребления из НКРЯ, что позволяет представить устройство обозначаемой этим глаголом ситуации, а также выявить количество и роли ее обязательных участников.

Далее анализируемый глагол сопоставляется с антонимичным глаголом достижения результата. Такое сопоставление необходимо, поскольку ситуация ликвидации результата устроена как бы «симметрично» ситуации достижения результата, а значит, анализ обеих ситуаций важен для понимания семантики глагола со значением ликвидации результата действия.

Анализ семантики, контекстов употребления глагола и соотнесение его с антонимичным глаголом достижения результата позволяют установить, является ли рассматриваемый глагол прототипическим представителем класса.

После этого характеризуются способы реализации семантических валентностей глагола, представленные в формате модели управления. Отмечаются особенности синтаксических свойств глагола (например, наличие у него двух диатез или невыразимых валентностей), выявленные в том числе и «на фоне» синтаксических свойств антонимичных глаголов достижения результата.

Глаголы рассматриваются в алфавитном порядке.

Результаты и обсуждение

1. Разбинтовать (руку)

1.1. Семантика, контексты употребления

Глагол *разбинтовать* имеет, согласно МАС, одно значение: «Разматывая, снять бинт с кого-, чего-л. – *Завтра мы руку вам разбинтуем, а через неделю и гулять по палате будете.* Саянов, Небо и земля». В ситуации *разбинтовать* субъект, разматывая бинт, меняет физическое состояние предмета: ранее забинтованный предмет становится свободным от бинта. Можно сказать, что ликвидируется состояние «забинтованности», которое, безусловно, является внешним физическим состоянием, поэтому глагол отнесен Ю.Д. Апресяном к подклассу глаголов со значением ликвидации внешнего физического состояния предмета.

Обратимся к контекстам употребления глагола *разбинтовать* из НКРЯ:

(1) Разбинтовав ногу, я увидел осколок стекла, торчащий из раны (А.И. Минеев. Пять лет на острове Врангеля);

(2) Он заботливо разбинтовал Артемоновы лапы (А.Н. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино);

(3) «Живодер» живо разбинтовал бинт (С.П. Подъячев. Мытарства).

Ситуации, называемые глаголом *разбинтовать*, описывают некоторое физическое

действие: совершая определенные манипуляции с бинтом⁴, человек делает так, что какая-либо часть тела существа становится свободной от покрывавшего ее ранее бинта. Обозначая физическое действие, глагол *разбинтовать* относится к соответствующему классу глаголов, то есть к классу глаголов-действий. Это одно из необходимых условий для квалификации рассматриваемого глагола как прототипического представителя анализируемого нами семантического класса.

Ситуация *разбинтовать* включает трех обязательных участников, без которых она невозможна: тот, кто разбинтовывает (Агенс⁵); то, что разбинтовывают (Пациенс); то, от чего освобождают поверхность предыдущего участника (Средство-Объект⁶). Обязательным участникам ситуации разбинтовывания соответствуют семантические валентности глагола *разбинтовать*. Значит, глагол *разбинтовать* имеет три валентности: Агенса, Пациенса и Средства-Объекта. Наличие двух из них – валентностей Агенса и Пациенса – необходимо для того, чтобы глагол *разбинтовать* можно было считать прототипом класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Действие *разбинтовать* всегда совершается определенным образом и никаким другим не может быть совершено: человек разматывает бинт, а не разрезает, не срывает его. Этот способ совершения действия отражен в толковании глагола *разбинтовать* из МАС: «Разматывая, снять бинт с кого-, чего-л.». Следовательно, глагол *разбинтовать* удовлетворяет еще одному требованию к прототипическому глаголу ликвидации результата действия – имеет в толковании указание на способ совершения действия.

1.2. Соотнесенность с глаголом достижения результата

Еще два требования к прототипу рассматриваемого семантического класса заставляют обратить внимание не только на сам глагол ликвидации результата, но и на глагол достижения того результата, который подвергается ликвидации. Для *разбинтовать* таким глаголом является глагол *забинтовать*: он называет действие, в результате которого возникает состояние «забинтованности» кого-либо или чего-либо. Приведем несколько контекстов употребления *забинтовать* из НКРЯ:

(4) Иоганн раздел Зубова, забинтовал его раны (В. Кожевников. Щит и меч);

(5) Палец забинтовали ослепительно белым бинтом (Л.Г. Матвеева. Продлёнка);

(6) Арсений туго забинтовал запястье Агафьи холстиной (Е. Водолазкин. Лавр).

Судя по этим и другим контекстам, в ситуации *забинтовать* имеется минимум три участника: человек, который что-то забинтовывает (как правило, раненую часть тела живого существа), и то, с помощью чего он это делает. Материалом, который используется в ситуации *забинтовать*, в норме служит бинт, поэтому его упоминание в большинстве контекстов оказывается излишним (см. пример (4)).

Семантический актанта глагола *забинтовать*, соответствующий используемому в ситуации материалу, не всегда проявляется на синтаксическом уровне в силу того, что информация о нем содержится в толковании *забинтовать* (\approx 'перевязать, обернув бинтом'). Подобные актанта называются инкорпорированными (подробнее о них см.: [Падучева, 2004, с. 57]).

Однако в некоторых контекстах инкорпорированные актанта «выходят на поверхность». В предложении (5) глагол *забинтовали* подчиняет себе словоформу *бинтом*. Важно отметить, что в таком случае она обязательно сопровождается дополнительной характеристикой: не **забинтовали бинтом*, а *забинтовали ослепительно белым бинтом*.

Словоформа, обозначающая материал, с помощью которого забинтовывают, имеется в предложениях с *забинтовать* и в тех случаях, если этим материалом является не бинт, как в примере (6) – *забинтовал холстиной*.

Актант, называющий материал, с помощью которого забинтовывают, можно считать Средством-Объектом, предмет, который забинтовывают, – Пациентом, а человека, который забинтовывает, – Агентом. Сразу отметим, что все три семантические валентности глагола *забинтовать*, соответствующие этим актантам, синтаксически выразимы. Некоторые синтаксические особенности, о которых сказано выше, обнаруживаются при реализации валентности Средства-Объекта, которая тем не менее является выразимой, а валентности Агента и Пациента реализуются тривиальным образом.

Итак, ситуация *забинтовать* включает трех обязательных участников. Участники с такими же ролями (Агент, Пациент, Средство-Объект) необходимы в ситуации *разбинтовать*: человек в ситуации *разбинтовать* совершает противоположное действие с теми же объектами, что и в ситуации *забинтовать*. Можно говорить, что глагол *разбинтовать* наследует набор обязательных семантических актанта, соответствующих обязательным участникам, от глагола *забинтовать*, что свойственно прототипическому глаголу ликвидации результата действия.

Еще одно требование к прототипу – наличие в его толковании отсылки к предшествующему действию. В толковании глагола *разбинтовать*, содержащемся в МАС, такой отсылки нет. Однако добавление необходимой информации в толкование вполне возможно: *разбинтовать* – 'разматывая, снять бинт с кого-, чего-л., *ранее забинтованного*'⁷. Причастная форма от глагола *забинтовать* называет состояние, которое ликвидируется. Это состояние явилось результатом действия *забинтовать*, предшествующего действию *разбинтовать*. Таким образом, упоминание в толковании глагола *разбинтовать* предыдущего действия или его результата возможно, следовательно, глагол *разбинтовать* удовлетворяет последнему требованию к прототипическому представителю класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Итак, глагол *разбинтовать* можно считать прототипическим глаголом ликвидации результата действия, поскольку он соответствует всем пяти требованиям, предъявленным к прототипу этого семантического класса.

1.3. Синтаксические особенности

Семантические классы и подклассы, представляющие собой объединения сходных по смыслу языковых единиц, могут быть выделены, как мы уже отметили, на семантическом основании. Однако, как правило, при их выделении лингвисты стремятся к тому, чтобы семантика находила отражение в языковом поведении слов (об этом см.: [Булыгина, 1982, с. 11]). Иначе говоря, слова, сходные в семантическом отношении, должны демонстрировать сходное языковое поведение, обладать одинаковыми синтаксическими, сочетаемостными и другими особенностями.

Рассмотрим языковое поведение глагола *разбинтовать*, учитывая его семантические характеристики.

Как было сказано выше, *разбинтовать* обладает тремя семантическими валентностями: Агенса, Пациенса и Средства-Объекта. В норме все семантические валентности слова находят синтаксическое выражение: слову, обладающему такими валентностями, подчиняются слова, соответствующие по смыслу этим валентностям. Так, в примере (2) *разбинтовал* имеет две подчиненные словоформы: *разбинтовал* (кто?) *он* – словоформа, реализующая валентность Агенса; *разбинтовал* (что?) *лапы* – словоформа, реализующая валентность Пациенса. Заметим, что зависимого слова со значением Средства-Объекта в предложении нет и не может быть: **Он заботливо разбинтовал Артемоновы лапы от бинта*.

Этот факт может свидетельствовать о том, что валентность Средства-Объекта у глагола *разбинтовать* является синтаксически невыразимой. Действительно, Ю.Д. Апресян приводит глагол *разбинтовать* в качестве примера-иллюстрации при характеристике явления невыразимости валентностей (см.: [Апресян, 1995, с. 147]). Однако в контексте (3), например, *разбинтовал* управляет словоформой со значением Средства-Объекта: *разбинтовал бинт*.

Утверждать, что у глагола *разбинтовать* нет невыразимых валентностей, можно только в том случае, если *разбинтовать* в контекстах (2) и (3) употреблен в одном и том же значении, то есть являет собой одну лексему (под лексемой, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимается слово в отдельном значении). В контексте (2) *разбинтовать* обозначает ситуацию с тремя участниками, один из которых освобождает от бинта другого. Хотя в предложении отсутствует упоминание о бинте, очевидно, что в самой ситуации этот участник есть, иначе ситуацию нельзя было бы назвать *разбинтовать*. В контексте (3) нет словоформы, называющей того участника, которого освобождают от бинта. Можно предположить, что его нет и в самой ситуации. Тогда ситуация заключается в том, что кто-то совершает некоторые манипуляции с бинтом. Как известно, бинт обычно бывает скру-

ченным и, для того чтобы им воспользоваться, его нужно размотать. Однако для называния подобных ситуаций в русском языке используются, например, глаголы *размотать*, *раскрутить*, но не *разбинтовать*. Значит, в ситуации, описанной в предложении (3), есть третий участник – то, что разбинтовывают. Таким образом, контексты (2) и (3) обозначают одну и ту же ситуацию с тремя участниками, которые выполняют одни и те же роли: один активно действует, совершая манипуляции с бинтом, в результате чего другой становится освобожденным от бинта. Следовательно, глагол *разбинтовать* и в том, и в другом случае реализует одно и то же значение.

Лексема *разбинтовать*, представленная в контекстах (2) и (3), не имеет невыразимых валентностей: валентность Агенса реализована в обоих предложениях, валентность Пациенса – в контексте (2): *разбинтовал лапы*, а валентность Средства-Объекта – в контексте (3): *разбинтовал бинт*. Однако зависимые слова со значением Пациенса и Средства-Объекта не могут быть присоединены к *разбинтовать* одновременно: **разбинтовать бинт на руке / с руки*, **разбинтовать руку от бинта*. По-видимому, этот факт позволил Ю.Д. Апресяну констатировать наличие невыразимых валентностей у глагола *разбинтовать*.

На наш взгляд, это явление может быть объяснено иным способом.

Всякий раз, используя глагол *разбинтовать*, говорящий стоит перед выбором, зависимое слово с каким значением – Пациенса или Средства-Объекта – присоединить к *разбинтовать*, причем необходимость выбора навязана устройством этого глагола. В случае если говорящему важнее сообщить информацию о Пациенсе, *разбинтовать* подчиняет словоформу с соответствующим значением и создаются высказывания типа (2). Сообщение же информации о Средстве-Объекте приводит к конструированию высказываний типа (3).

Выбор зависимой словоформы с тем или другим значением отражает то, на каком из участников говорящим сделан акцент. Для описания подобного явления Е.В. Падучева использует понятие коммуникативного ранга, считая его параметром, определяющим «уча-

стника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева, 2004, с. 58]. Участник может попадать в Центр зоны внимания, на Периферию или даже находиться За кадром (участники последнего типа обычно бывают синтаксически невыразимы).

Присвоение участнику того или иного коммуникативного ранга выполняет только прагматическую функцию. Семантические роли участников при этом остаются теми же, меняется лишь синтаксическое оформление зависимых, соответствующих участникам. «Соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями» [Падучева, 2004, с. 51] Е.В. Падучева называет диатезой. Диатеза может трансформироваться, что наблюдается, например, при изменении коммуникативного ранга участника, которое неизбежно приводит к изменению синтаксической позиции зависимой словоформы. В таких случаях говорят о диатетическом сдвиге: одной, исходной диатезе соответствует одна или несколько производных.

Для отражения диатезы можно использовать удобную форму записи, которая применяется в лексикографии и называется моделью управления. «В модели управления должно быть указано, каковы (по номерам) актантные синтаксические валентности слова и каково их морфологическое выражение при данном слове» [Апресян, 1995, с. 54]. Модель управления, как правило, имеет вид таблицы.

Приведем модели управления для двух диатез глагола *разбинтовать* (табл. 1, 2).

Таблица 1. Модель управления, отражающая исходную диатезу *разбинтовать*

Table 1. The government pattern recording the basic diathesis of *razbintovat*'

1. Субъект	2. Пациенс	3. Средство-Объект
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Таблица 2. Модель управления, отражающая производную диатезу *разбинтовать*

Table 2. The government pattern recording the derived diathesis of *razbintovat*'

1. Субъект	2. Средство-Объект	3. Пациенс
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Две модели управления глагола *разбинтовать* наглядно отражают тот факт, что *разбинтовать* не имеет невыразимых валентностей: валентность Средства-Объекта, не реализованная в исходной диатезе, выражена во второй; валентность Пациенса, наоборот, – в первой. Таким образом, глагол *разбинтовать* имеет три реализуемые валентности и не имеет ни одной невыразимой. То, что валентности Пациенса и Средства-Объекта реализуются в разных диатезах, не отменяет факта их выразимости.

Таким образом, можно дать следующую характеристику глагола *разбинтовать*. Глагол *разбинтовать* является прототипическим представителем семантического класса глаголов со значением ликвидации результата действия. Он обладает одной синтаксической особенностью – имеет две диатезы, в которых по-разному расставлены смысловые акценты на актантах (хотя у соотносимого с ним антонимичного глагола *забинтовать* лишь одна диатеза). При этом *разбинтовать* не способен реализовывать одновременно валентности Пациенса и Средства-Объекта.

2. Развернуть (покупку)

2.1. Семантика, контексты употребления

Глагол *развернуть*, в отличие от *разбинтовать*, многозначный. В МАС у него зафиксировано девять значений. Значение, соответствующее употреблению *развернуть* в контексте *развернуть покупку*, сформулировано так: «2. Освободить от чего-л. покрывающего, закрывающего (что-л. завернутое). *Развернуть покупку. Развернуть конфетку. – Алеша развернул свой укушенный палец. Платок был густо замаран кровью. Достоевский, Братья Карамазовы. || Раскрыть, снять то, во что завернуто что-л. Сверток издавал сильный запах типографской краски. – Я нетерпеливо развернул бумагу и увидел два номера «Иллюстрированного листка».* Куприн, Первенец».

Отметим, что в рамках этого значения выделен оттенок, отграниченный от формулировки основного значения знаком ||. Оттенок значения представляет собой более мелкую семантическую сущность, чем значение слова. Оттенки значения могут служить отражением особенностей «семантики (лексии)

ческого значения), синтактики (особенностей управления и сочетаемости) и прагматики» [Апресян, 2001, с. 3].

Далее анализируется только указанное значение и его оттенок, поэтому *развернуть* не сопровождается какими-либо индексами, отражающими наличие у него нескольких значений.

Приведем контексты употребления глагола *развернуть* из НКРЯ:

(7) Я развернул папиросную бумагу, и в глаза мне блеснуло золото (В.П. Катаев. Алмазный мой венец);

(8) Петя развернул конфету, положил ее в рот и причмокнул (Е. Завершнева. Высотка);

(9) Он улыбнулся широко и с веселым коварством, развернул тряпицу, и все увидели черный револьвер с длинной гнутой рукояткой (В. Аксенов. Любовь к электричеству).

Из контекстов следует, что в ситуации *развернуть* обязательны три участника: человек (Агенс) освобождает какой-либо предмет (Пациенс) от покрывавшего его материала (Средство-Объект). Соответствующие валентности – Агенса, Пациенса, Средства-Объекта – имеются у глагола *развернуть*, причем наличие валентностей Агенса и Пациенса является необходимым условием для того, чтобы считать глагол *развернуть* прототипическим представителем класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Чтобы глагол *развернуть* соответствовал еще одному требованию к прототипу, в его толкование необходимо добавить информацию о том, каким конкретным способом совершается это действие. Обычно при разворачивании человек раскрывает или отгибает части материала, в который завернут предмет. Эту информацию можно добавить в толкование МАС, получив следующий вариант: '**Отгибая части какого-либо материала**, освободить от чего-л. покрывающего, закрывающего (что-л. завернутое). || **Отгибая части какого-либо материала**, в который завернуто что-то, снять его'.

2.2. Соотнесенность с глаголом достижения результата

В ситуации *развернуть* ликвидируется результат, который достигается действием

завернуть. В НКРЯ содержатся следующие контексты употребления *завернуть* в анализируемом нами значении:

(10) Я ополоснул чашку и завернул в газету остатки провианта (А. Волос. Недвижимость);

(11) Он завернул сплюснутую банку в тряпочку и сунул её в карман (Ю. Коваль. Лабаз);

(12) В конце концов она примирительно завернула злополучный тюбик в бумажную салфетку (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда).

Анализ контекстов показывает, что ситуация *завернуть* невозможна без трех участников: в ней обязательно должен быть человек, который что-то во что-то заворачивает. Участники с теми же функциями необходимы и в ситуации *развернуть*: в ней человек выполняет противоположное действие с теми же объектами. Значит, глагол *развернуть* имеет тот же набор обязательных участников, что и *завернуть*, тем самым удовлетворяя еще одному требованию к прототипу класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Отметим, что у глагола *завернуть* все семантические валентности – Агенса, Пациенса и Средства-Объекта – выражаются тривиальным образом. *Завернуть* может подчинить одновременно три словоформы, соответствующие его семантическим валентностям (см. контексты (10)–(12)).

Помимо наследования набора обязательных участников ситуации *завернуть*, *развернуть* сближается с глаголом *завернуть* еще и потому, что содержит в своем толковании отсылку к результату действия *завернуть*; ср. толкование МАС: «Освободить от чего-л. покрывающего, закрывающего (что-л. завернутое). || Раскрыть, снять то, во что завернуто что-л.». Наличие в толковании подобной информации необходимо, чтобы считать глагол *развернуть* прототипом.

Таким образом, *развернуть* удовлетворяет всем пяти требованиям, предъявленным к прототипу, и может считаться прототипическим представителем класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

2.3. Синтаксические особенности

Развернуть демонстрирует языковое поведение, сходное с языковым поведением глагола *разбинтовать*.

Развернуть не может присоединить одновременно зависимые слова, реализующие все его семантические валентности: **развернуть конфету от фантика*, **развернуть фантик на конфете / с конфеты*. Однако нельзя утверждать, что глагол *развернуть* обладает невыразимыми валентностями. Они реализуются в разных его диатезах. Две диатезы, оформленные в виде моделей управления, приведены ниже (табл. 3, 4):

Таблица 3. Модель управления, отражающая исходную диатезу *развернуть*

Table 3. The government pattern recording the basic diathesis of *razvernut'*

1. Субъект	2. Пациенс	3. Средство-Объект
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Таблица 4. Модель управления, отражающая производную диатезу *развернуть*

Table 4. The government pattern recording the derived diathesis of *razvernut'*

1. Субъект	2. Средство-Объект	3. Пациенс
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

В первой диатезе реализуется валентность Пациенса, а во второй – валентность Средства-Объекта. Выражение обеих валентностей, хотя и в разных моделях управления, свидетельствует о том, что все три валентности глагола *развернуть* реализуются и не могут считаться невыразимыми.

Заметим, что информация о наличии у *развернуть* двух диатез в некотором виде содержится в толковании из МАС: формулировка основного значения соответствует первой (исходной) диатезе, а формулировка оттенка значения – второй (производной) диатезе. Толкование глагола *разбинтовать* в МАС устроено в этом отношении иначе: оно не позволяет предвидеть наличия у него двух диатез. Представляется, что слова, проявляющие сходное языковое поведение, в словаре должны быть описаны единообразно.

Завершая анализ глагола *развернуть*, повторим, что он обладает всеми характеристиками, свойственными прототипической единице из класса глаголов со значением ликвидации результата действия. Кроме того, у *развернуть* имеется синтаксическая особен-

ность: он реализует свои семантические валентности в двух диатезах (у соотносимого с ним глагола *завернуть* – одна диатеза). Валентности Пациенса и Средства-Объекта у *развернуть*, как и у *разбинтовать*, не могут быть реализованы одновременно.

3. Развьючить (осла)

3.1. Семантика, контексты употребления

Этот глагол из подкласса глаголов ликвидации внешнего физического состояния имеет одно значение, которое в МАС сформулировано так: «Снять (с животного) вьюки, освободить от поклажи. *Развьючить осла*».

Количество контекстов употребления *развьючить* в НКРЯ значительно меньше, чем количество контекстов с остальными анализируемыми в статье глаголами. Ниже даны некоторые из них:

(13) Казаки развьючили лошадей, внесли пулеметы в вагон (М.А. Шолохов. Тихий Дон);

(14) Солдаты составили ружья и поспешно развьючили верблюдов (М. Алиханов-Аварский. Поход в Хиву (кавказских отрядов)).

Все контексты с *развьючить* однотипны. Из них следует, что в ситуации есть как минимум два участника: человек, который, совершая физическое действие, развьючивает какое-либо животное. Человек в таком случае выполняет роль Агенса, а животное – Пациенса. Наличие этих участников, при условии, что Агенс совершает физическое действие, достаточно, чтобы глагол *развьючить* удовлетворял двум требованиям к прототипическому представителю класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Однако очевидно, что в ситуации *развьючить* существует третий обязательный участник – то, что снимают с животного при развьючивании. В примере (13) таким участником являются *пулеметы*, что следует из более широкого контекста, в котором предложению (13) предшествует фраза:

(15) Калмыков и три офицера навьючили на лошадей пулеметы (М.А. Шолохов. Тихий Дон).

В подавляющем же большинстве контекстов этот участник не назван, и даже из более ши-

рокого контекста не всегда понятно, что именно снимали с животного при развьючивании, но нет сомнений, что такой участник необходим, поскольку без него ситуации *развьючить* не может быть. Этого участника, как и в ситуациях *разбинтовать*, *развернуть*, можно считать Средством-Объектом.

Действие *развьючить* всегда производится одним способом: человек снимает поклажу с животного. Информация об этом содержится в толковании МАС, однако из имеющейся формулировки не вполне ясно, что это не отдельное действие, а способ совершения действия, обозначенного сочетанием «освободить от поклажи». Для более точной передачи этого значения толкование МАС нужно синтаксически перестроить, получив вариант: ‘Сняв с животного вьюки, освободить от поклажи’. Глагол, содержащий в толковании сведения о способе совершения действия, соответствует еще одному требованию к прототипу.

3.2. Соотнесенность с глаголом достижения результата

Глагол *развьючить* имеет антонимичную пару с приставкой *на-* – *навьючить*⁸. Контекстов с *навьючить* в НКРЯ значительно больше, чем с *развьючить*. Приведем несколько примеров:

(16) Это были три пеших негра, ведшие в поводу трех навьюченных осликов (В. Михальский. Весна в Карфагене);

(17) Яки второпях навьючены домашним скарбом (В. Овчинников. Вознесение в Шамбалу);

(18) Навьючив на коня туши задранных овец, он с тяжелым сердцем отправился домой (В. Овчинников. Вознесение в Шамбалу).

Эти и другие контексты позволяют заключить, что в ситуации *навьючить* обязательны три участника: кто-то навьючивает что-то на кого-то. Те же самые участники требуются и в ситуации *развьючить*, которая отличается от *навьючить* лишь тем, что поклажа не помещается на животное или человека (при образном употреблении *навьючить*), а снимается с них.

Трем обязательным участникам ситуации *навьючить* соответствует три семантических валентности глагола *навьючить*: Агенса, Пациенса и Средства-Объекта. Все

они выразимы, причем вполне стандартно (см. пример (15)).

Наследование обязательных участников из ситуации достижения результата – необходимое условие для признания глагола *развьючить* прототипическим представителем класса глаголов со значением ликвидации результата действия. Наряду с этим требуется, чтобы в его толковании содержалась отсылка к предыдущему действию или его результату. Эта информация легко встраивается в предложенный нами выше вариант толкования: ‘Сняв с навьюченного животного вьюки, освободить от поклажи’.

Итак, глагол *развьючить* является прототипом, поскольку отвечает всем пяти требованиям к прототипическому представителю класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

3.3. Синтаксические особенности

Среди контекстов употребления глагола *развьючить* в НКРЯ не встретилось ни одного, в котором имелась бы зависимая словоформа со значением Средства-Объекта. Нельзя исключить, что это связано с малым количеством употреблений этого глагола в НКРЯ. Вместе с тем представляется, что корпусные данные адекватно отражают языковые особенности *развьючить*.

Таким образом, глагол *развьючить* способен реализовывать свои валентности единственным способом – так, как в примерах (13), (14). Значит, *развьючить* имеет одну диатезу, отраженную ниже в модели управления (табл. 5).

Таблица 5. Модель управления, отражающая диатезу *развьючить*

Table 5. The government pattern recording the diathesis of *razvyuchit'*

1. Субъект	2. Пациенс	3. Средство-Объект
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Однако нужно отметить, что с помощью Google-поиска все же удалось обнаружить один контекст с зависимой словоформой со значением Средства-Объекта:

(19) Те, кто приехал на место раньше других, помогают развьючить поклажу, собрать юрту, угощают (А. Избасханова. Идеи экономического воспитания в казахской народной педагогике).

Приведенный контекст представляется не вполне нормативным. Это обстоятельство, а также единичность данного контекста не позволяют считать, что у глагола *развьючить* есть вторая диатеза. Однако этот пример интересен потому, что свидетельствует о стремлении к развитию «двудиатезности» у глагола *развьючить*. Возможно, большинство глаголов рассматриваемого подкласса обладают двумя диатезами, а те, которые обладают одной, противостоят норме, тоже пытаются выразить свои валентности во второй диатезе.

Итак, *развьючить*, подобно глаголам *разбинтовать* и *развернуть*, обладает свойствами прототипического представителя класса глаголов со значением ликвидации результата действия. При этом *развьючить* отличается от *разбинтовать* и *развернуть* синтаксическим поведением. Он реализует свои валентности не в двух, а в одной диатезе и имеет невыразимую валентность Средства-Объекта: **Казак развьючил лошадей от пулеметов*.

4. Разгрузить (машину)

4.1. Семантика, контексты употребления

В МАС у этого глагола зафиксировано два значения. То, в котором глагол исследуется нами, сформулировано следующим образом: «1. Освободить от груза. *Разгрузить платформу. Разгрузить баржу.* || Разг. Снять какой-л. груз откуда-л.; сгрузить. *Разгрузить дрова*». Как и у глагола *развернуть*, у *разгрузить* выделен оттенок значения, который сопровождается стилистической пометой «разг.». Здесь и далее обсуждается только это значение *разгрузить*.

Обратимся к контекстам употребления глагола *разгрузить* из НКРЯ:

(20) Он разгрузил нарты и принялся сооружать временное стойбище (А. Григоренко. Мэбэт);

(21) – Иван Иваныч! Подсоби разгрузить дрова (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр»);

(22) Разгрузить повозку с патронами требовалось как можно быстрее, чтобы неприятельские снаряды не успели побить лошадей (В.П. Катаев. Юношеский роман).

Толкование глагола *разгрузить* и примеры его употребления из НКРЯ показыва-

ют, что в ситуации необходимы минимум три участника: человек совершает физическое действие с грузом, в результате чего что-то становится свободным от груза. В таком случае человек выполняет роль Агенса, а предмет (чаще всего это транспортное средство) – роль Пациенса. Наличие соответствующих валентностей у глагола *разгрузить* свидетельствует о том, что он отвечает двум требованиям к прототипу.

Для того чтобы разгрузить что-либо, человек должен выполнять вполне определенные действия: брать груз и перемещать его в другое место, в результате чего то место, откуда берут груз, оказывается свободным. Вся эта информация должна быть отражена в толковании как основного значения, так и его оттенка. Удовлетворяющие этому требованию толкования могут выглядеть так: ‘*Снять груз*, освободить от него что-л. || *Снять груз*, убрать его откуда-л.’. Содержание в толковании информации о способе совершения действия необходимо, чтобы считать *разгрузить* прототипом.

4.2. Соотнесенность с глаголами достижения результата

В ситуации *разгрузить* ликвидируется состояние, явившееся результатом предшествующего действия. Оно может быть обозначено глаголами, в которых возможны обе приставки, встретившиеся ранее (приставки *на-* и *за-*), – это глаголы *нагрузить* и *загрузить*⁹. Тот и другой глаголы имеют в МАС толкование «Наполнить грузом».

Чтобы представить ситуацию, результат которой ликвидируется действием *разгрузить*, можно анализировать семантику любого глагола – и *нагрузить*, и *загрузить*. Приведем контексты их употребления из НКРЯ:

(23) Вместе с теткой я нагрузил на ослика два мешка, сделанные из козьей шкуры (Ф. Искандер. Первое дело);

(24) Следующим утром мы загрузили в пикап инструмент (Г. Садулаев. Когда проснулись танки);

(25) Около другого грузовика, нагруженного ящиками с рыбой, стоял Георгий Георгиевич (С. Иванов. Марш авиаторов).

Контексты показывают, что в ситуации *нагрузить* / *загрузить* человек помещает груз на что-либо или во что-либо. Отсутствие

хотя бы одного из этих участников приведет к невозможности данной ситуации. Участники с теми же ролями необходимы и в ситуации *разгрузить*. Наследование набора участников от ситуации достижения результата – характерное свойство прототипического глагола ликвидации результата действия.

Кроме унаследованных участников, глагол *разгрузить* должен содержать в своем толковании отсылку к предыдущему действию. В толковании из МАС ее нет, но эту информацию можно без труда добавить в толкование: ‘Освободить от груза что-л. *нагруженное*. || Снять какой-л. груз с чего-л. *нагруженного*’.

Таким образом, *разгрузить* соответствует всем пяти требованиям к прототипическому представителю класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

4.3. Синтаксические особенности

Глагол *разгрузить* обладает тремя семантическими валентностями, которые соответствуют трем обязательным участникам ситуации *разгрузить*, – валентностями Агенса, Пациенса и Средства-Объекта. Их синтаксическая реализация сходна с реализацией валентностей у глагола *развернуть*. Подобно ему, *разгрузить* имеет две диатезы, в одной из которых выражается Пациенс, в другой – Средство-Объект (Агенса выразим в обеих диатезах). Диатезы, оформленные в виде моделей управления, приведены ниже (табл. 6, 7).

Таблица 6. Модель управления, отражающая исходную диатезу *разгрузить*

Table 6. The government pattern recording the basic diathesis of *razgruzit'*

1. Субъект	2. Пациенс	3. Средство-Объект
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Таблица 7. Модель управления, отражающая производную диатезу *разгрузить*

Table 7. The government pattern recording the derived diathesis of *razgruzit'*

1. Субъект	2. Средство-Объект	3. Пациенс
S _{им}	S _{вин}	–
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Контекстов, в которых реализуется управление, отраженное во второй диатезе, не-

много. Они кажутся стилистически маркированными (см. пример (21)). Это отражено в МАС: часть толкования, соответствующая такому употреблению *разгрузить* и оформленная как оттенок значения, снабжена пометой «разг.».

Стилистическая специфика никак не влияет на тот факт, что все валентности глагола *разгрузить* являются выразимыми.

Подводя итог, повторим, что глагол *разгрузить* – это прототипический представитель класса глаголов со значением ликвидации результата действия. Все его семантические валентности синтаксически выразимы в двух диатезах.

Выводы

В статье описаны четыре глагола из подкласса глаголов со значением ликвидации внешнего физического состояния – *разбинтовать*, *развернуть*, *развьючить*, *разгрузить*. Семантическое устройство всех четырех глаголов схоже. Они описывают ситуации, в которых человек-Агенса совершает определенное действие с предметом-Пациенсом, освобождая его от другого предмета-Средства-Объекта.

Помимо семантических характеристик, в статье рассмотрены синтаксические особенности данных глаголов. Три из этих четырех глаголов – *разбинтовать*, *развернуть* и *разгрузить* – имеют сходные синтаксические свойства: все семантические валентности являются синтаксически выразимыми. Специфика их выражения заключается в том, что валентности Пациенса и Средства-Объекта реализуются в двух диатезах. Если смысловой акцент сделан на Пациенсе, то глаголы реализуют одну диатезу, присоединяя зависимое со значением Пациенса; если на Средстве-Объекте, то реализуется вторая диатеза и глаголы подчиняют словоформу со значением Средства-Объекта.

Представляется, что глаголы, демонстрирующие сходное языковое поведение, должны быть поданы в словаре единообразно. В словарном описании необходимо так или иначе отразить наличие у них двух диатез.

Глагол *развьючить* своим синтаксическим поведением отличается от глаголов

разбинтовать, развернуть, разгрузить. Он обладает одной диатезой, в которой выражает все валентности, кроме валентности Средства-Объекта, являющейся невыразимой.

Тем не менее рассмотренные лексические единицы – *разбинтовать, развернуть, развьючить, разгрузить* – можно считать прототипическими представителями класса глаголов со значением ликвидации результата действия, поскольку они удовлетворяют всем требованиям, предъявленным к прототипу.

Для полного представления о глаголах ликвидации результата вообще и о глаголах ликвидации внешнего физического состояния в частности необходим анализ других глаголов данной семантической группы (*раздеть куклу, размотать клубок* и т. п.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Близкие по смыслу формулировки этого значения приставки *раз-* содержатся в [Русская грамматика, 1980, с. 370]: «аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом; отказаться или заставить отказаться от чего-н.»; а также в (Ефремова, с. 426): «аннулировать результат предшествующего действия, отказаться (или заставить отказаться) от чего-либо».

² О понятии функционально-семантического поля см.: [Теория..., 1987].

³ См.: [Мухачёва, 2019].

⁴ Бинт является «прототипическим» участником ситуации *разбинтовать*, поскольку для забинтовывания ран в норме используют именно бинт. В случае отсутствия бинта могут применяться другие материалы: салфетки, тряпки и т. п. Однако представляется, что ситуация освобождения от этих материалов все равно обозначается глаголом *разбинтовать*, поскольку они функционируют здесь в качестве бинта (вместо бинта) и накладываются на раненую часть тела именно тем способом, каким накладывается бинт.

⁵ Здесь и далее используется номенклатура семантических ролей из [Апресян и др., 2010, с. 370–377].

⁶ Именно так обозначена роль этого участника подобных ситуаций ликвидации результата действия в [Апресян, 1995, с. 147].

⁷ Здесь и далее полужирным курсивом выделяются добавленные смысловые компоненты.

⁸ У глагола *развьючить*, помимо *навьючить*, есть также антоним с приставкой *за-* – *завьючить*, который в современном языке практически не употребляется (в НКРЯ зафиксировано лишь два вхо-

ждения позже 1960 г.). В интересующем нас отношении этот глагол не отличается от *навьючить* и также обозначает ситуацию с тремя участниками: *Завьючив верблюдов водою, мы углубились в эти призрачные дебри, где крупная галька кое-где сплошь покрывала вязкую, красно-бурую глину пустыни* (В.В. Набоков. Дар).

⁹ В [Апресян, 1995, с. 279] глагол *загрузить* (*трюмы орудиями*) приведен в качестве примера глагола с семантикой полноты охвата объекта действием (о глаголах с семантикой полного охвата см., например: [Лингвистика..., 2010, с. 314]). Однако в списке глаголов полного охвата в работе [Падучева, Розина, 1993] глагол *загрузить* отсутствует. Кроме того, в НКРЯ находятся контексты, в которых *загрузить* обозначает неполное заполнение грузом чего-либо: *Шхуна загружена только наполовину* (В.М. Зензинов. Пережитое). Вопрос о семантических различиях между глаголами *нагрузить* и *загрузить* представляется интересным, однако поиск ответа на него не входит в круг задач настоящей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Лексическая семантика (синонимические средства языка) // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Яз. рус. культуры: Вост. лит. 472 с.
- Апресян Ю. Д., 2001. Значение и употребление // Вопросы языкознания. № 4. С. 3–23.
- Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З., 2010. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Яз. слав. культур. 407 с.
- Булыгина Т. В., 1982. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука. С. 7–85.
- Лингвистика конструкций, 2010 / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник. 564 с.
- Мухачёва И. В., 2019. Прототипический подход к глаголам со значением ликвидации результата действия // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. № 5. С. 54–66.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М.: Яз. слав. культуры. 607 с.
- Падучева Е. В., Розина Р. И., 1993. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. № 6. С. 5–16.
- Русская грамматика, 1980. В 2 т. Т. 1 / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука. 783 с.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализован-

ность. Таксис, 1987 / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука. 348 с.

Языковая картина мира и системная лексикография, 2006 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Яз. слав. культур. 912 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. : Рус. яз., 1996. 638 с.

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984. 4 т.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).

REFERENCES

- Апресян Ю.Д., 1995. Лексическая семантика (синонимические средства языка) [Lexical Semantics (Synonymic Means of Language)]. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1.* [Selected works. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., Vostochnaya literatura Publ. 472 p.
- Апресян Ю.Д., 2001. Значение и употребление [Meaning and Usage]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 3-23.
- Апресян Ю.Д., Boguslavskiy I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z., 2010. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeystvie grammatiki i slovary* [Theoretical Issue of Russian Syntax: Interaction of Grammar and Vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 407 p.
- Bulygina T.V., 1982. К построению типологии предикатов в русском языке [To the Development of Typology of Russian Predicates]. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-85.
- Rakhilina E.V., 2010. *Lingvistika konstruktivnyy* [Construction Linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publ. 564 p.

Muhachyova I.V., 2019. Prototipicheskiy podkhod k glagolam so znacheniem likvidatsii rezultata deystviya [Prototype Approach to the Verbs Which Denote Liquidation of a Result of Action]. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], no. 5, pp. 54-66.

Paducheva E.V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Patterns in a Semantics of Vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 607 p.

Paducheva E.V., Rozina R.I., 1993. Semanticheskiy klass glagolov polnogo okhvata: tolkovanie i leksiko-sintaksicheskie svoystva [Semantic Class of Verbs Denoting Complete Coverage: Interpretation and Lexical and Syntactical Characteristics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 5-16.

Shvedova N.Yu. et al., eds., 1980. *Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1* [Russian Grammar, 1980. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ. 783 p.

Bondarko A.V., ed., 1987. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localize. Taxis]. Leningrad, Nauka Publ. 348 p.

Апресян Ю.Д., ed., 2006. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language World Picture and System Lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 912 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Efremova T.F. *Tolkovyy slovar' slovoobrazovatel'nykh edinic russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Word-Building Unities of Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1996. 638 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.
- Nacional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 10 June 2019).

Information About the Author

Irina V. Mukhachyova, Laboratory Assistant, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, imukhachyova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2321-8507>

Информация об авторе

Ирина Валерьевна Мухачёва, лаборант кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, imukhachyova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2321-8507>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>

UDC 81'42:821
LBC 81.055.1

Submitted: 07.08.2020
Accepted: 02.12.2020

**MEANS OF REPRESENTATION OF THE IDIOGLOSSAS
“CHILDREN”, “FAMILY”, “LIFE” IN THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY
“THE BROTHERS KARAMAZOV”**

Svetlana M. Kolesnikova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena A. Burskaya

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Olga V. Shatalova

Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

Valentina V. Ledeneva

Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia

Abstract. The article introduces the main idioglossas (“Children”, “Family”, “Life”) of F.M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”, which are understood as mental and cognitive categories, according to Yu.N. Karaulov, the constants of certain author’s lines in the text, and describes the means of their representation (phonosemantic, lexical, phraseological and syntactic). The study of phonetic shells and the meanings of the words that form considered idioglossas, it is proved that representation in their meanings and words as a psycholinguistic phenomenon exhibits the traits of the writer’s language personality development, his worldview and value system. The author’s choice of exact lexemes and their syntagmatic partners included in the studied idioglossas demonstrates the harmonization of the nature of the language sign: a) the sound supports the meaning; b) the meanings of ‘children’, ‘family’, ‘life’ are interdependent. The novelty of the study is determined by the fact that it defines the semantic components of the idioglossas “Children”, “Family”, “Life” and the means of their representation. On the basis of computer phonosemantic analysis of words, their sound content is characterized. The novelty of the research is connected with the understanding of harmony or disharmony of the language sign and the ideological and aesthetic content expressed in the text by Dostoevsky. The research methods include: the method of system analysis of semantic relations, computer analysis of phonosemantics of words, phenomenological and others. The author reveals the significance of each idioglossa for the implementation of the main concepts of the work, which form its ideological core and indicate the author’s mental and cognitive attitudes aimed at depicting the life of the Karamazov family which reflects the tragedies of the contradictory Russian life. The research results can be applied in the theory of author’s lexicography; in the process of creating mental maps of the Russian language personality based on the description of author’s idioglossas; in teaching university philological courses.

Key words: F.M. Dostoevsky, idioglossa, structure of idioglossa, sound content, phonosemantics, meanings and categories of text.

Citation. Kolesnikova S.M., Burskaya E.A., Shatalova O.V., Ledeneva V.V. Means of Representation of the Idioglossas “Children”, “Family”, “Life” in the Novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 47-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>

**СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДИОГЛОСС «ДЕТИ», «СЕМЬЯ», «ЖИЗНЬ»
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»****Светлана Михайловна Колесникова**

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Алексеевна Бурская

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Ольга Викторовна Шаталова

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Валентина Васильевна Леденева

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы основные идиоглоссы романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» – ментально-когнитивные категории (по Ю.Н. Караулову), константы авторских линий в тексте – и описаны средства их репрезентации (фоносемантические, лексические, фразеологические и синтаксические). В ходе исследования фонетических оболочек и смыслов слов, формирующих рассмотренные идиоглоссы, доказано, что их репрезентация как психолингвистический феномен передает черты языковой личности писателя, его картину мира и систему ценностей. Авторский выбор точных лексем и их синтагматических партнеров, входящих в исследуемые идиоглоссы, демонстрирует гармонизацию природы языкового знака: а) звучание поддерживает значение; б) смыслы 'дети', 'семья', 'жизнь' являются взаимозависимыми. Новизна исследования обусловлена тем, что в нем определены смысловые компоненты идиоглосс «Дети» (С.М. Колесникова), «Семья» (В.В. Леденева), «Жизнь» (О.В. Шаталова) и способы их репрезентации; на основе компьютерного фоносемантического анализа слов охарактеризована их звуковая содержательность (Е.А. Бурская); установлены отношения гармонии или дисгармонии языкового знака и выражаемого в тексте Ф.М. Достоевского идейно-эстетического содержания (С.М. Колесникова). В результате показана значимость каждой идиоглоссы для воплощения основных концептов произведения, составляющих его идейное ядро и указывающих на ментально-когнитивные установки автора – изобразить жизнь семьи Карамазовых как зеркало трагедий противоречивой русской жизни. Применение результатов исследования возможно в теории авторской лексикографии, в процессе создания ментальных карт русской языковой личности, в преподавании вузовских филологических курсов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, идиоглосса, структура идиоглоссы, звуковая содержательность, фоносемантика, смыслы и категории текста.

Цитирование. Колесникова С. М., Бурская Е. А., Шаталова О. В., Леденева В. В. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 47–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.4>

Введение

Почти столетие русистика активно изучает язык и стиль авторов художественных произведений в традициях, которые заложены В.В. Виноградовым в ставших классическими работах «Этюды о стиле Гоголя», «О теории литературных стилей», «К построению теории поэтического языка», «О художествен-

ной прозе», развивая их с учетом достижений антропоцентризма (см., например: [Язык художественной литературы..., 2016]). Современная авторская лексикография позволяет оценить масштабы деятельности лингвистов в области целостного описания идиолексикон или представления языковых средств воплощения идейно-художественного содержания отдельных произведений [Гиндин, 2014; Леде-

нева, 2015; Русская авторская лексикография..., 2003].

Языку Ф.М. Достоевского посвящено немало исследований [Аругюнова, 1994; Варзин, 2014; Кожевникова, 2002; и др.], в том числе есть описания ключевых слов в текстах писателя [Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев, 2005; Кожевникова, 1991; 2001а; 2001б; и др.]; все чаще лингвисты обращаются к вопросам взаимодействия основных понятий национального менталитета и концептуальных положений автора, анализируя соотношение с позиций не только когнитивных, но и психолингвистических [Выготский, 1987; Колесникова, 2016, 2019; Леонтьев, 1965; 1969; 2007; Сигал, 2010; Сорокин, 1978; 1985; Уфимцева, 1968; и др.], культурологических [Варзин, 2014; Харина, 2007; Шепелева, 2001; и др.]. Однако в современной русистике еще недостаточно полно охарактеризованы слова и их смыслы, в том числе и звуковая содержательность [Бурская, 2016], в структуре идиоглосс, то есть ментально-когнитивных категорий (по Ю.Н. Караулову) того или иного художественного текста как психолингвистического явления, в то время как идиоглоссами представляются типичные психологические установки автора, детерминировавшие процесс создания текстовой ткани, образной системы произведения и т. д.

Цель нашего исследования – посредством характеристики смысловых компонентов идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе «Братья Карамазовы» определить и описать языковые и психолингвистические способы авторской репрезентации (представления) образов, «идеальных объектов», их свойств, типов отношений и характера действий, поступков персонажей.

Для ее достижения требуется решение следующих задач:

– установить текстовые смыслы, проявляющиеся в романе «Братья Карамазовы» основу концептуальных значений каждой идиоглоссы;

– охарактеризовать разноуровневые средства выражения смыслообразующих понятий в их обусловленности авторскими установками как константами идиостиля;

– описать средства репрезентации ментально-когнитивных установок Ф.М. Достоевского, создавшего образы семьи Карама-

зовых, обрисовавшего типы отношений между героями как зеркало трагедий противоречивой русской жизни.

Материал и методы

Когнитивные технологии активно применяются при интерпретации смыслов и категорий текста (см., например: [Столяр, 2019; Kolesnikova, Burskaya, Chibisova, 2020]), однако считаем целесообразным использовать комплексный анализ идиоглосс («Дети», «Семья», «Жизнь») в романе «Братья Карамазовы», который осуществляется посредством исследования компонентов, входящих в их структуры, и рассмотрения способов их репрезентации. Анализируются в основном значения имен существительных и прилагательных, внутренние свойства знака, семантического признака и семантического компонента, так как именно эти грамматические категории в различном оформлении существуют во всех языках [Колесникова, 2016]. По справедливому замечанию А.М. Пешковского, «все непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств опредмечено» [Пешковский, 1956, с. 73], а глагол «сцепляет» речь с мыслью. Различия между глаголом и именем определяются методом системного анализа конкретного лексического наполнения выражаемых ими «признаков» (в широком смысле слова), их семантических отношений. Именно качественные различия значений находят отражение в языке писателя. Семный состав знаменательных слов способствует определению способов репрезентации рассматриваемых идиоглосс через ряд зависимостей: 1) фоновое значение – мыслительный образ – речевой смысл; 2) понятие – семантическая категория – функция – форма языкового знака.

Благодаря фоносемантическим наблюдениям над частотными вербальными экспликаторами понятий, отражаемых идиоглоссами (см. градуальную шкалу, демонстрирующую фоносемантическую картину слова, построенную с использованием сервиса фоносемантического анализа слов (СФАС)), определяется уровень адекватности восприятия реципиентом текста смыслов, заложенных в звуковой оболочке отобранных авто-

ром средств идиолекта, раскрытие которых обеспечивает понимание ключевых идей произведения.

Ведущими методами исследования выступают феноменологический, аксиологический, психокультурный, описательно-аналитический и контекстологический, метод системного анализа, компьютерного анализа, абстрагирования, мысленного моделирования, восхождения от абстрактного к конкретному, а также методы экспериментального исследования (наблюдения, сравнения, измерения и фоносемантического анализа).

Результаты

Идиоглосса «Дети» и ее репрезентанты

Идиоглосса «Дети» и ее репрезентация в языке Ф.М. Достоевского определяются через пару аксиологических понятий, создающих градуальную оппозицию («векторно-антонимический комплекс»), передающую «такой тип отношений, при которых внутренние члены (синонимы)... характеризуются различной степенью (“градусом”) одного и того же признака, а внешние, крайние члены оппозиции (антонимы) представляют собой состоявшийся переход в новое качество, состояние, явление или процесс» [Колесникова, 2016, с. 32]: *любовь – ненависть, сострадание – жестокость, дружба – соперничество* и т. п. В таком лингвометодическом представлении выделяется свойство предмета, явления, действия, выполняющего функцию константного компонента.

Качественно-количественная характеристика выражаемого значения анализируемых языковых единиц представляется в виде градуальной шкалы, передающей самое существенное в их семантической интерпретации. На данной шкале появляются показатели, относительно которых определяется условный «градус» того или иного признака и обнаруживается его субъективная и объективная оценка. Отличительную черту семантики исследуемых языковых единиц и градуальной шкалы оценок составляет динамика их качественно-количественной характеристики.

Приведем примеры, содержащие репрезентанты рассматриваемой идиоглоссы (иллю-

стративный материал из текста романа «Братья Карамазовы», а также отдельные контексты из других произведений):

(1) Чистые в душе и сердце мальчишки, почти еще **дети**, очень часто любят говорить в классах между собою и даже вслух про такие вещи, картины и образы, о которых не всегда заговорят даже и солдаты, мало того, солдаты-то много не знают и не понимают из того, что уже знакомо в этом роде столь юным еще **детям** нашего интеллигентного и высшего общества;

(2) Не смущало его нисколько, что этот старец все-таки стоит перед ним единицей: «Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как **дети** божии, и наступит настоящее царствие Христово»;

(3) **Дети** в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны.

В контексте (2) для дополнительной характеристики смыслов к паре *бедные – богатые* автор вводит субстантивированные причастия *возвышающиеся – униженные*. В «Словаре антонимов русского языка» (Львов) противопоставление отражают пары *возвышать – унижать* (несов. в.) и *возвысить – унижить* (сов. в.), но Ф.М. Достоевский в ходе создания текста «смешивает» образования от глаголов несовершенного и совершенного видов, подчеркивая завершенность процесса для одних (*униженные*) и продолжающиеся, в данном контексте нелицеприятные, действия (*возвышающиеся*) – для других. Противопоставление реализовано и на основе столкновения сем ‘активный’ и ‘пассивный’ в значениях репрезентантов.

Таким образом, в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» идиоглосса «Дети» репрезентируется аксиологическими понятиями (*любовь – ненависть, сострадание – жестокость, дружба – соперничество*), передающими такой тип отношений, при которых определяется художественно значимый в произведении мотив «оборванного детства» и отражается новая качественная характеристика детства – гибельность раннего взросления; взросление представляется как скрытое и нелюдимое. Образ детей

(ребенка) восходит к образу Христа (*дети божи*, и наступит настоящее царствие Христово), в чем отражено авторское сострадательное отношение к детям при понимании амбивалентной оценки их как составляющей семьи и релевантного признака жизни в национальном менталитете.

Идиоглосса «Семья» и ее репрезентанты

Ключевые понятия идиоглоссы «Семья» позволяют представить аксиологические ряды слов-признаков, репрезентирующих в языке Ф.М. Достоевского ее «явные» и «скрытые» смыслы: *гармония – дисгармония, единство – противостояние* и т. д.:

(4) – Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя **семья**, мои две дочери и мой сын...;

(5) ...И если отец в силах и в состоянии будет ответить и доказать ему, – то вот и настоящая **семья**, не на предвзвешенной лишь мистическом утверждающаяся, а на основаниях разумных, самоотчетных и строго гуманных.

В романе «Братья Карамазовы» номинации *семья* Ф.М. Достоевский предпочитает слово *семейство* (в том числе в метонимическом значении ‘среда, пространство, место существования и развития человека’). Помеченное как «устаревшее» в современных словарях, для писателя именно оно было актуальным, о чем свидетельствует количество контекстов с каждым из однокорневых слов: *семейство* (37) в романе почти в три раза превышает по числу употреблений слово *семья* (13), а проблематика и прагматические задачи книги первой «История одной семейки» обусловили использование иронического разговорного слова *семейка* для формирования позиции реципиента текста в отношении образа Карамазовых, прежде всего – *отца семейства*. Фразеологизм *отец семейства* несет характеризующую нагрузку с пейоративной оценкой персонажа:

(6) Посмотрите на этого несчастного, разнужданного и развратного старика, этого «**отца семейства**», столь печально покончившего свое существование.

Наименее представлены взаимозаменяемые номинанты *семья / семейство* во второй части романа, а сцены суда в четвертой

части актуализируют слово *семья*, в семантике которого становятся значимыми потенциальные семы ‘проблема’, ‘трагедия’, отражая миропонимание писателя.

Средства предикации, прежде всего глагольная лексика, в качестве контекстуальных партнеров слов *семья* и *семейство* (в очевидной идентичности их семантики в узусе в период создания романа) позволяют Ф.М. Достоевскому разносторонне раскрыть сущность понятия, портретировать свое представление о семье (как силе и первейшей из формирующих личность человека общественной среде). Семья / семейство – это то, чем человек *обладает* как достоянием:

(7) ...Пожилой и почтенный статский советник, **обладавший семейством** и взрослыми дочерьми;

или не имеет его:

(8) ...Но собственного **семейства** у того [дяди] **не было**.

Семья может стать обременением его частной жизни, подвести к бедности:

(9) ...Был в несчастьи, отставлен от службы, но не гласно, не по суду, сохранив всю свою честь, многочисленным **семейством обременен**...

Семья / семейство у Ф.М. Достоевского – та среда обитания, в которой человек может расти и формироваться как психологическая, языковая, социальная личность:

(10) ...**Растут** они все-таки в **чужой семье** и на **чужих** милостях;

(11) ...Особенно полюбил младшего из них, Алексея, так что тот долгое время даже и **рос** в его **семействе**;

вести в ее рамках свою бытовую жизнь:

(12) В нижнем этаже **проживали** два женатые сына Самсонова со своими **семействами**...

Писатель дает представление о том, что кровные узы доминируют в формировании чувства родного (семейного), высвечивая в человеке его биологическое начало, что выражено субстантивным предикатом *помет* – ‘единовременный приплод некоторых животных’ (МАС):

(13) Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя **семья**, мои две дочери и мой сын, – **мой помет-с**.

Семья / семейство по традиции объединяет всех под общим кровом:

(14) ...В знакомой уже нам **комнате**, в которой **обитало семейство** известного нам отставного штабс-капитана Снегирева...;

(15) Вообще **дом** был построен на **большую семью**, и господ и слуг можно было бы поместить впятеро больше...

Семья может включать людей, близких не только по крови, но и по душевной организации, основываться на широко понимаемом чувстве привязанности, когда некто «как родной» или «как бы родной»:

(16) Очутившись в доме своего благодетеля и воспитателя, Ефима Петровича Поленова, он до того **привязал к себе** всех в этом **семействе**, что его решительно считали там как бы за **родное** дитя;

на любви к ближнему, что присуще христианству:

(17) Почему не быть слуге моему как бы мне родным, так что **приму** его наконец в **семью** свою и возрадуюсь сему?

По Достоевскому, семья цементируется любовью и пониманием ее непреходящей ценности как основы общества:

(18) Но если отцеубийство есть предрассудок и если каждый ребенок будет допрашивать своего отца: «Отец, зачем я должен любить тебя?» – то что станет с нами, что станет с основами общества, куда денется **семья**?

Писатель использует элементы юридического дискурса, который эксплицирует его ценностные установки и в социальном масштабе – **семья** есть основа национального единства и своеобразия:

(19) Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей России, ее основ, ее **семьи**, ее всего святого!

Отсюда следует и такое свойство настоящей семьи, как умение постоять за своих:

(20) Но к счастью, **вступилось семейство** Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу.

Семья / семейство, по Достоевскому, действует, реагирует, проявляет себя естественным образом совокупно в различных ситуациях:

(21) И вот в это-то время, **семейством** его супруги **получилось известие** о смерти ее в Петербурге;

ср.:

(22) Проезд стоил очень недорого, и дамы не позволили ему заложить свои часы, – подарок **семейства** благодетеля пред отъездом за границу. Определенные семейные, родовые качества, в чем не сомневался писатель, обусловлены генетически или воспитанием, традициями, делом / бизнесом, даже общим проживанием, и об этом говорит смысловое наполнение контекстуальных партнеров рассматриваемых слов, например указание на приверженность греху сладострастия:

(23) Ведь в вашем **семействе сладострастие** до воспаления доведено.

Опыт автора и понимание им человеческой природы дали объективную возможность показать в романе на психолингвистической основе, что семейные узы и цементирующее их качество единства способны подвергаться внешним испытаниям:

(24) ...С **семьей** Ефима Петровича он **расстался** чуть ли не тринадцати лет, перейдя в одну из московских гимназий;

слабости природы людской, обуславливающие потерю привязанности, приводят к тому, что принадлежащее семье / семейству расплывается:

(25) Это мужик русский, труженик, своими мозольными руками заработанный грош сюда несет, **отрывая** его от семейства и от нужд государственных!;

(26) Своеобразный взгляд ваш на весь трагический эпизод, **разыгравшийся** в вашем семействе, уже известен нам по предварительному следствию.

Семья может отринуть кого-либо из своих членов (**проклятие честной семьи**). Писатель раскрыл трагические следствия семейного распада в образах романа. Характеристика **семейка** Ф.М. Достоевским ис-

пользуется для деградировавшей семьи Карамазовых.

Таким образом, идиоглосса «Семья» в языке Ф.М. Достоевского репрезентируется словами-признаками *гармония – дисгармония, единство – противостояние*. В тексте романа «Братья Карамазовы» передается миропонимание автора посредством актуализации слова *семья*, в семантике которого значимыми выступают потенциальные семы 'проблема', 'трагедия'.

Идиоглосса «Жизнь» и ее репрезентанты

Идиоглосса «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» репрезентируется аксиологическим рядом слов-понятий: *счастье – несчастье, смысл – бессмыслие* и др.:

(27) Несмотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось с событием и выделило беглянке приданое, между супругами началась самая беспорядочная **жизнь** и вечные сцены;

(28) Но действительно Федор Павлович всю **жизнь** свою любил представляться...;

(29) Когда она померла, мальчик Алексей был по четвертому году, и хоть странно это, но я знаю, что мать запомнил потом на всю **жизнь**...;

(30) ...Отцу, который всю **жизнь** его игнорировал... но все же всю **жизнь** боялся, что и сыновья, Иван и Алексей, тоже когда-нибудь придут да попросят денег.

Жизнь отражается в любом художественном тексте в многообразии своего проявления и формального выражения [Шаталова, Леденева, Алексеева, 2018]. В психолингвистических исследованиях слово *жизнь*, «обозначающее онтологическую, бытийную категорию» [Васильева, 2020, с. 32], фиксируется в языковом сознании.

Понятие 'жизнь' в своей структуре содержит множество смыслов: анализ синтагматических связей слова *жизнь* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» обнаруживает, что жизнь представляет собой динамический процесс существования человека (*моя жизнь; его жизнь; ваша, наша жизнь*), наделенного телом и духом (*жизнь чрезвычайно тревожная и «кутящая», бесшабашная* противопоставлена *жизни пра-*

ведной, монастырской, добродетельной); жизнь – это процесс существования общества в целом и отдельных групп людей как представителей социума (*частная жизнь*):

(31) Это **моя частная жизнь**, и я не позволю вторгаться **в мою частную жизнь**.

Жизнь имеет смысл (*смысл жизни, главная цель жизни*), вызывает интерес (*взять от жизни все*), она определяется по специфическим для конкретного общества признакам, в качестве которых могут выступать национальные (*русская жизнь*), возрастные (*в двадцать лет жизни*), социальные (*холостая, вольная жизнь – брачная*). 'Жизнь' как витальное понятие связана с пространством и временем (*раз в жизни, раз или два в жизни, никогда в жизни, несколько раз в жизни – на всю жизнь; мгновение жизни – каждый день моей жизни; в последний день жизни, последний вечер жизни, последние часы жизни, роковые минуты его жизни, грустные минуты жизни, тягостные и роковые дни своей жизни, в предсмертную минуту жизни*). Жизнь в понимании автора и в рефлексиях его героев характеризуется смысловой целостностью, представляя собой замкнутый круг, где конец и начало совпадают (*завтра жизнь кончится и начнется; бесконечная жизнь*), где земное бытие переходит в неземное (*земная жизнь* противопоставлена *загробной, вечной, будущей, грядущей*):

(32) Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, **ан перед ним – будущая жизнь**;

(33) **Жизнь моя земная соприкасается уже с новой, бесконечной, неведомой, но близко грядущей жизнью**, от предчувствия которой трепещет восторгом душа моя, сияет ум и радостно плачет сердце...

В жизни выделяются определенные фазы (*половина жизни – целая жизнь; вторая половина жизни, веселой жизни в молодости, конец жизни*), этапы (*прошлая жизнь – действительная – будущая жизнь*), отрезки (*обыкновенные случаи жизни – отличительные случаи жизни*).

С понятием 'жизнь' связаны образы, которые более полно и глубоко раскрывают смыслы, заложенные в слове (*жизнь – стра-*

дание, жизнь – свечка, жизнь – загадка, жизнь – рай):

(34) Ну и страдают, конечно, но... все же зато живут реально, не фантастически, ибо **страдание-то и есть жизнь**;

(35) Недаром же мы поэт, недаром же мы **прожигали нашу жизнь, как свечку** с обоих концов;

(36) О нет, нет, я не смею и подумать об этом, но **будущая жизнь – это такая загадка!** И никто-то, ведь никто на нее не отвечает! **Жизнь есть рай**, ибо стоит только нам захотеть понять, и тогда же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем.

В романе лексему *жизнь* сопровождают слова признакового характера, которые наполняют ее содержание уточняющими смыслами: *жизнь веселая, радостная, счастливая, новая, обновленная*. В качестве семантического сопровождения выступают и глагольные лексемы (*жизнь мелькнет, жизнь протекает, посягнуть на жизнь, лишит себя жизни, кончит жизнь, любить жизнь, спасти жизнь*), и имена существительные (*жажда жизни, полнота, жизни, счастье жизни, блага жизни, отращение к жизни, право на жизнь*).

Двойственность «загадочной русской души» показана Ф.М. Достоевским через оппозиции (*страшная школа жизни – счастливая жизнь*), автор представляет разрушительную силу жизни и в то же время ее созидательную мощь. Однако побеждает жизнеутверждающая основа, которая есть в каждом человеке:

(37) **Я жить хочу, я жизнь люблю! Жизнь люблю, слишком уж жизнь полюбил, так слишком, что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчик, за жизнь выпьем, за жизнь предлагаю тост!** Почему я доволен собой? Я подл, но доволен собой. **Что может быть дороже жизни! Ничего, ничего!** Ах, деточки, ах, милые друзья, **не бойтесь жизни! Как хороша жизнь**, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!

Таким образом, в романе «Братья Карамазовы» идиоглосса «Жизнь» репрезентируется аксиологическим рядом слов с признаковым характером (*счастье – несчастье, смысл – бессмыслие*), уточняющими ее смысловое содержание (*страшная школа*

жизни – счастливая жизнь). В качестве слов-сопроводителей выступают глагольные и именные лексемы (*жизнь – мелькнет, протекает, любить, спасти, кончить, посягнуть на..., лишит себя...; жажда..., полнота..., счастье..., блага..., отращение к..., право на...*). Победу одерживает жизнеутверждающая сила, свойственная каждому человеку.

Результаты экспериментальной работы

В связи с тем, что идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» отражают элементы языковой личности Ф.М. Достоевского, представляется перспективным исследование звукодержательного аспекта использованной им лексики с применением сервиса фоносемантического анализа слов [Бурская, 2016; Kolesnikova, Burskaya, Chibisova, 2020].

Слова *дети, мальчики* противопоставлены лексеме *солдаты* (см. пример (1)). Сравним фоносемантические признаки для указанных пар слов с тем, чтобы выявить, существует ли противопоставление звуковой содержательности данных контекстуальных антонимов: *мальчики* – нежный (2.36) – слабый (3.58) – безопасный (2.45) – (маленький) (3.24) – (женственный) (2.52) – (горячий) (2.59); *солдаты* – (грубый) (3.49) – (сильный) (2.6) – (устрашающий) (3.07) – большой (2.42) – мужественный (3.59) – холодный (3.53). Для слова *солдаты* оценка на 5-балльной шкале «нежный – грубый» (3.49) оказывается в нейтральной зоне (грубый – 3.49; ее диапазон – от 2.5 до 3.5), и интересующий нас признак определяется программой как «не выражен». Однако при сопоставлении этой оценки с результатом для оппозиции «мальчики» (2.36 – нежный) становится очевидным, что оценка (3.49) оказывается на противоположной стороне шкалы, тяготеет к признаку «грубый», что дает нам основание говорить о поддержке значения звучанием внутри каждой лексемы и, в свою очередь, о противопоставлении звучания не только по понятийному признаку (они обычно описываются толковыми словарями), но и по фоносемантическому для этих окказиональных антонимов. Типичная фоносемантическая картина устанавливается и по другим шкалам (признаки,

оценки которых попали в нейтральную зону, выделены скобками).

Для контекстуальных антонимов *дети – солдаты* получены следующие оценки: *дети* – маленький (3.72) – женственный (2.5) – горячий (2.46); *солдаты* – большой (2.42) – мужественный (3.59) – холодный (3.53).

При сравнении оценок (качественно-количественных показателей, «градусов») звукодержательности для данной пары лексем очевидно противопоставление языковых единиц в фоносемантическом аспекте, то есть обнаруживается поддержка значения звучанием в каждом из этих слов.

Синонимы *дети – народ, ангелы* (по Ф.М. Достоевскому) окказиональные и противопоставляются по смыслу содержанию лексемы *безжалостный*. Все качественно-количественные (градуальные) характеристики анализируемых слов находятся в полной гармонии друг с другом; *народ* – хороший (2.25), большой (1.9), активный (2.42), сильный (2.01), красивый (2.44), громкий (2.12), храбрый (2.11), могучий (2.03); *ангелы* – ни один из признаков не находится в значимой зоне; все характеристики – в зоне «не выражено». Ф.М. Достоевский противопоставляет данным лексемам (внутри идиоглоссы «Дети») прилагательное *безжалостный* как окказиональный антоним, см.: в значимой зоне оказывается только одна шкала «веселый»; все остальные признаки находятся в нейтральной зоне, не выражены. Фоносемантическая характеристика этого слова не проявлена, за исключением шкалы «веселый». В рассматриваемую идиоглоссу можно включить противопоставление *дети – взрослые, старики*. Ср. их фоносемантику: *дети* – маленький (3.72), светлый (2.34), активный (2.28), веселый (2.35), добрый (1.83); *старики* – маленький (3.69), слабый (3.77), низменный (3.52), тихий (3.76), хилый (3.67); *взрослые* – большой (2.18), грубый (3.56), мужественный (3.74), сильный (2.1), величественный (2.33), могучий (2.22). Таким образом, обнаруживается соответствие между звучанием и значением.

В приведенном выше лингвистическом материале выделяются противопоставления: *богатый – бедный* и *возвышающиеся – униженные*. Ср. *бедный* – на большинстве признаков градуальных шкал оценки фоносе-

мантики для этой лексемы оказываются в нейтральной зоне и квалифицируются как «не выражено», но при объединении этих слов в антонимичную пару *бедный – богатый* четко проявляется их противопоставление не только по понятийному, но и фоносемантическому аспекту с поддержкой значения звучанием. На основе качественно-количественных характеристик на градуальной фоносемантической шкале оценок определяются фоносемантические отношения – (не)поддержание значения звучанием.

Фоносемантические отношения в анализируемой паре антонимов *богатый – бедный* демонстрируют поддержку значения звучанием. Для описания звуковой содержательности лексемы *богатый* выделены следующие признаки: большой (2.29) – грубый (3.82) – активный (2.48) – сильный (2.37) – величественный (2.47) – могучий (2.07) – яркий (2.41). Оценки по указанным шкалам находятся в значимых зонах и демонстрируют гармоничные отношения между всеми аспектами лексического значения слова. При сопоставлении данных по градуальным шкалам в паре *богатый – бедный* обнаруживаются гармоничные отношения по всем признакам, несмотря на то что большинство оценок для слова *бедный* оказались в нейтральной зоне и определяются «невыраженными», и только при соединении данных лексем в антонимичную пару возникает фоносемантическая антонимия. По ряду признаков, несмотря на то что оценки практически по всем шкалам оказались в нейтральной зоне, внутри нее наблюдается слабая тенденция к противоречию между звучанием и значением по шкалам «большой – маленький», «активный – пассивный», «сильный – слабый», «могучий – хилый», в целом реализуется тенденция к поддержке значения звучанием. Это присуще шкале «великий – низменный». Поскольку фоносемантика двух указанных слов слабо выражена, полагаем, что автором использованы данные антонимы-окказионализмы в качестве дополнительных, а не основных противопоставлений.

В паре окказиональных антонимов *возвышающиеся – униженные* по ряду признаков, несмотря на то что практически по всем градуальным шкалам оценки оказались в нейтральной зоне, наблюдается слабая тенден-

ция к противоречию между звучанием и значением: шкалы «большой – маленький», «активный – пассивный», «сильный – слабый», «могучий – хилый».

Следующую значимую для понимания смыслов идиоглоссы «Дети» антонимическую пару в тексте представляют определительные наречия *вместе – порознь*, которые градуируются и выполняют функцию «указания на степень величины признака или оценку признака субъекта речи» [Колесникова, 2016, с. 116]. Согласно словарю антонимов, у лексемы *вместе* наличествуют четыре оппозиции: *врозь, порознь, отдельно, раздельно* (Львов). Ф.М. Достоевский предпочел употребить лексему *порознь*. Оценки звукодержательности у представленных оппозиций оказались в нейтральной зоне, то есть не выражены, за исключением шкал «мужественный» и «страшный» для слова *порознь*. Фоносемантические оценки для лексемы *вместе* оказываются в нейтральной зоне, что может интерпретироваться одним признаком – «не выражен». И только при соединении этих слов в пару может обнаруживаться слабая тенденция к поддержке понятийной антонимии еще и антонимией фоносемантической, однако разнесенность оценок на шкалах по всем выделенным нами признакам минимальна.

Итак, фоносемантические характеристики лексем, выявленные нами при анализе идиоглоссы «Дети», позволяют сделать вывод о том, что Ф.М. Достоевский употребляет не только устоявшиеся, но и окказиональные антонимы; авторский текст отличает психологически, глубоко мотивированный подбор антонимической лексики, причем явно прослеживается соответствие между звучанием и значением слов, что, возможно, помогает читателю воспринимать текст более эмоционально, а автору – имплицитно выдвинуть оценку.

В идиоглоссу «Семья» включается пара *гармония – дисгармония*, дифференцированная префиксом, что детерминирует следующую картину: *гармония* – большой (2.43), мужественный (3.84), сильный (2.23), простой (2.43), могучий (2.34); *дисгармония* – яркий (2.46), активный (2.49), добрый (2.4). Проявляется соответствие между звучанием и значением. Очевидного противопоставления не наблюдается.

В паре *единство – противостояние* наблюдается следующая картина: *единство* – хороший (2.26), светлый (2.31), простой (2.33), красивый (2.37). Внутри слов обнаруживается гармония между звучанием и значением. См.: *противостояние* – в значимой зоне только одна характеристика «простой» (2.47). Проявляется тенденция к поддержке значения звучанием. В паре *эмоциональный – рациональный* устанавливаются следующие характеристики: *эмоциональный* – хороший (2.43), большой (2.27), красивый (2.41), безопасный (2.48); *рациональный* – мужественный (3.57), холодный (3.52). Проявляется соответствие между звучанием и значением.

Фоносемантический анализ лексемы *жизнь* выявляет следующую картину: из 25 шкал оценки только четыре цифровых показателя попадают в значимую зону: храбрый (2.26), злой (3.65), шероховатый (3.91) и страшный (3.72). По остальным градуальным шкалам оценки оказались в нейтральной зоне и характеризуются как «невыраженные». Ср.:

(35) Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую? (Достоевский. Белые ночи).

А.Е. Кунильский пишет о смысловом равенстве этого сложного понятия *бессмертию* [Кунильский, 2007]. Данное понятие вербализуют и лексемы с корнем *-жи-*: *живой, живознание, «живите больше»* (имеется в виду цитата из романа «Бесы», принадлежащая Степану Трофимовичу Верховенскому).

Поскольку фоносемантически слово *жизнь* отражает напряженную, почти лишенную радости и наполненную драматизмом содержательную сторону соответствующего понятия практически во всех произведениях Ф.М. Достоевского – «храбрый, злой, шероховатый, страшный», то считаем важным высказать утверждение о том, что звуковая содержательность лексем рассматриваемого ряда находится в полном соответствии с идейным содержанием повествований автора и с его представлением о жизни в целом. В.В. Зеньковский, характеризуя мировоззрение Ф.М. Достоевского, упоминает: «Зло в человеке, зло в истории, мировые страдания могут ли быть... оправданы и приняты? <...> ...Достоевский не со стороны, а изнутри но-

сил в себе и всю проблематику культуры, все ее мечты и идеалы, ее вдохновения и радости, ее правду и неправду» [Зеньковский, 1991, с. 226].

Сравним звуко содержание лексем *живой* и *живознание*. *Живой*: большой (2.48), грубый (3.74), сложный (3.61), отталкивающий (3.58), страшный (3.84), храбрый (2.1), злой (3.77), могучий (2.36); *живознание*: большой (2.47), грубый (3.56), тяжелый (3.53), страшный (3.73), храбрый (2.18), злой (3.6), могучий (2.46).

Фоносемантически слова весьма объемны и передают драматизм понятийной содержательности текстов Ф.М. Достоевского, что проявляет тенденцию к гармонизации языкового знака на всех его уровнях, включая понятийный и звуко содержательный.

Живая жизнь, как уже упоминалось выше, в каком-то смысле приравнивается писателем в его произведениях к одному из значений слова *бессмертие*, звуко содержательность которого стерта, не так насыщена: безопасный (2.44), веселый (2.32); оценки по остальным шкалам оказались в нейтральной зоне; градуальная шкала оценок характеризуется невыраженностью признака.

Наличием префикса *бес-* отличается и другая пара аксиологических понятий идиоглоссы «Жизнь» – «смысл – бессмыслие». Данный префикс, хотя с трудом можно предположить его большое влияние на изменение фоносемантической картины данного слова, тем не менее позволил значительно уменьшить количество выраженных признаков на оценочных шкалах для второго компонента антонимичной пары. Например, слово *смысл* фоносемантически весьма содержательно, и в значимую зону попадают признаки по всем 25 шкалам: хороший (1.86), большой (1.83), светлый (1.64), активный (1.9), сильный (1.75), простой (1.84), быстрый (1.92), безопасный (1.75), величественный (1.9), яркий (2.08), добрый (2.14), могучий (1.79), подвижный (2.13). У его антонима *бессмыслие* в значимой зоне есть оценки только по 12 шкалам, а остальные признаки не выражены; в значимой зоне не представлены, например, признаки «большой, активный, сильный, красивый, величественный, храбрый, могучий». Хотя на шкалах остальные признаки в данной антонимической паре не измени-

лись и являются идентичными, их цифровые показатели для слова *бессмыслие* смещаются к нейтральной зоне, что дает основание утверждать наличие тенденции к соответствию звучания и значения и в данной паре оппозитивов.

Антонимы *счастье – несчастье* также реализуют идиоглоссу «Жизнь». «Счастье не в счастье, а лишь в его достижении», – утверждал Ф.М. Достоевский (Достоевский. Дневник писателя).

Фоносемантические оценки для лексемы *счастье* позволяют говорить о соответствии между звучанием и значением: нежный (2.43), светлый (2.2), активный (2.5), простой (2.35), легкий (2.09), веселый (2.46).

Оппозит *несчастье* отличает лишь наличие префикса *не-*, что тем не менее лишило данную лексему в паре *счастье – несчастье* значимых оценок по шкалам «активный – пассивный», «простой – сложный», «веселый – грустный»: оценки по градуальным шкалам оказываются в нейтральной зоне и характеризуются как невыраженные, то есть стираются, нивелируются в коллективном бессознательном. Однако в значимых зонах оказались признаки «хороший (2.46), красивый (2.29), безопасный (2.25), добрый (2.24)», что говорит об отсутствии поддержки значения звучанием, о противоречии между ними. Для объяснения этого факта необходимо обратиться к этимологии данного слова: *счастье* – «первонач. доля, совместное участие (: СЪ)» (Фасмер, с. 186). Иными словами, отсутствие «доли» в совместном участии не является драматичным фактом в сознании носителей языка, поэтому и содержательность звучания данной лексемы характеризуется весьма позитивно: хороший (2.46), светлый (2.36), красивый (2.29), безопасный (2.25), добрый (2.24).

Проведенный звуко содержательный анализ использованной автором лексики (звуковой оболочки слов) не только передает психолингвистические особенности языковой личности писателя и его индивидуальную языковую картину мира, но и демонстрирует гармонизацию знака языка, что отразилось в подборе повествователем именно данных единиц идиолекта: в целом все аспекты их значения находятся в соответствии друг с другом (звучание поддерживает значение).

Заключение

Смыслы трех важных идиоглосс романа «Братья Карамазовы» – «Дети», «Семья», «Жизнь» – рассмотрены через их репрезентации не только посредством слов, но и посредством их фоносемантических характеристик, воплощающих важные для автора смыслы. Проведенный комплексный анализ использованной автором лексики, представляющей каждую идиоглоссу, показал, что и лексические значения репрезентантов, и их фоносемантическая специфика отражают психолингвистические черты языковой личности писателя, его феноменальность, обрисовывая идиолект, при этом контекст демонстрирует гармонизацию природы языкового знака, что оценивается по подбору точных лексем, входящих в рассмотренные идиоглоссы: 1) идиоглосса «Дети» представлена аксиологическими понятиями, языковые средства репрезентации которых определяют мотив «оборванного детства» и дают новую качественную характеристику детства (гибельность раннего взросления); образ детей приближен к образу Христа; 2) идиоглосса «Семья» репрезентируется словами-признаками, в семантике которых значимыми выступают потенциальные семы 'проблема', 'трагедия', передающие миропонимание повествователя; 3) идиоглосса «Жизнь» репрезентируется аксиологическим рядом глагольных и именных слов, уточняющих ее смысловое содержание и передающих жизнеутверждающую силу, свойственную человеку.

Точное прочтение и акцентуация тех или иных смыслов романа Ф.М. Достоевского обеспечивается звукодержательностью использованной писателем лексики. Значимость звуковой оболочки конкретных репрезентантов проявляется прежде всего в отборе единиц и их синтагматических партнеров. Внутренние (психолингвистические) установки авторского выбора лексики, образующей идиоглоссы, указывают на стремление писателя найти адекватные его языковой картине мира средства репрезентации нужных для воплощения замысла романа «Братья Карамазовы» смыслов – явных, актуализируемых или порождаемых различными ассоциациями. Благодаря реализации этих установок все аспекты значения таких единиц гармонизируются в контексте: звучание поддержи-

вает значение, а смыслы 'дети', 'семья', 'жизнь' раскрываются как взаимозависимые, что позволяет судить об обусловленности данной связи спецификой языковой личности автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1994. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М. : Наука. С. 302–316.
- Бурская Е. А., 2016. Фоносемантические оппозиции в творчестве поэтов Серебряного века (на материале поэтических текстов Игоря Северянина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». № 4. С. 18–26.
- Варзин А. В., 2014. Идеологический знак в полифоническом контексте: Достоевский о свободе вечной и преходящей // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 14–18 дек. 2012 г.) : избр. докл. и тез. М. : Фонд Достоевского. С. 350–356.
- Васильева С. П., 2020. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков // Научный диалог. № 1. С. 27–44.
- Выготский Л. С., 1987. Психология искусства. М. : Педагогика. 345 с.
- Гиндин С. И., 2014. От писательской лексикографии – к текстологии писателя. В.Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над «Пушкинским словарем» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 73, № 1. С. 37–50.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев Д. Н., 2005. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Яз. слав. культуры. 544 с.
- Зеньковский В. В., 1991. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ч. 2. Л. : Эго. С. 226–227.
- Кожевникова Н. А., 1991. Система точек зрения в романах Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» // Русский язык в СССР. № 11. С. 31–37.
- Кожевникова Н. А., 2001а. «Давеча» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность : материалы XV Междунар. Старорусских чтений 2000 г. Старая Русса : Изд-во Новгор. гос. объедин. музея-заповедника. С. 96–101.
- Кожевникова Н. А., 2001б. Сквозные слова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово Достоевского. 2000 : сб. ст. М. : Азбуковник. С. 146–171.
- Кожевникова Н. А., 2002. Сравнения и метафоры Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность.

- менность : материалы XVI Междунар. Старо-русских чтений 2001 г. (Старая Русса, 23–26 мая 2001 г.). Старая Русса : Дом-музей Достоевского. С. 123–124.
- Колесникова С. М., 2016. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка : монография. 2-е изд., испр. М. : ФЛИНТА. 231 с.
- Колесникова С. М., 2019. Идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019) : тр. и материалы / под ред. М. Л. Ремневой, О. В. Кукушкиной. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 239–240.
- Кунильский А. Е., 2007. О возникновении концепта «Живая жизнь» у Ф.М. Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. № 44. С. 72–73.
- Леденева В. В., 2015. Слово Лескова. М. : ИИУ МГОУ. 260 с.
- Леонтьев А. А., 1965. Слово в речевой деятельности. М. : Изд-во АН СССР. 246 с.
- Леонтьев А. А., 1969. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М. : Изд-во МГУ, 1969. С. 56–61.
- Леонтьев А. А., 2007. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. 4-е изд., стер. М. : КОМКНИГА. 312 с.
- Пешковский А. М., 1956. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз. 512 с.
- Русская авторская лексикография XIX–XX веков : Антология, 2003 / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М. : Азбуковник. 512 с.
- Сигал К. Я., 2010. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица / отв. ред. В. А. Виноградов. М. : Ключ-С. 92 с.
- Сорокин Ю. А., 1978. Взаимодействие реципиента и текста: теория и практика // Функционирование текста в лингвокультурной общности. М. : Ин-т языкознания. С. 67–102.
- Сорокин Ю. А., 1985. Психолингвистические аспекты изучения текста. М. : Наука. 168 с.
- Столяр Е. Д., 2019. Формирование смыслов оценочного характера в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 2. С. 41–48.
- Уфимцева А. А., 1968. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука. 272 с.
- Харина О. В., 2007. Правда, истина в романах Ф.М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 28 с.
- Шаталова О. В., Леденева В. В., Алексеева Л. Ф., 2018. Сопоставительное изучение и преподавание русского языка как иностранного: лингвистический, литературоведческий и лингводидактический аспекты / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : ИИУ МГОУ. 184 с.
- Шепелева С. Н., 2001. Лексема «Душа» в творчестве Достоевского: особенности словоупотребления // Слово Достоевского. Идиостиль и картина мира. М. : ЛЕКСПУС. С. 488–539.
- Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования, 2016 : сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф. памяти Н.А. Кожевниковой. М. : Азбуковник. 795 с.
- Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A., 2020. The Concept “Family” in the Russian and Chinese Linguoculture: Cognitive, Phonosemantic and Educational Aspects // Revista Inclusiones: Trabajo En Eguiposin Tronteras / Revista de Humanidades y Ciencias Sociales. Vol. 7. Numero Especial. P. 658–673.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Достоевский Ф. М. Белые ночи // Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1982. Т. 1. С. 161–212.
- Достоевский Ф. М. Бесы // Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1982. Т. 8. С. 5–442. Т. 9. С. 5–214.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда, 1982. Т. 11. С. 5–620 ; Т. 12. С. 5–314.
- Львов – Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. М. : Рус. яз., 1985. 384 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 4 т. URL: <http://febweb.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 25.05.2019).
- Сервис фоносемантического анализа слов. URL: psitechnology/net/servisfonosemantika/php (дата обращения: 25.05.2019).
- Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Азбуковник, 2008– . А–В. 2008. 961, [1] с.; Г–З. 2010. 1048, [2] р.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996. Т. 3. 832 с.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1994. Istina i sudba [Truth and Fate]. *Ponyatie sudby v kontekste raznykh kultur* [Concept of Fate in the Context of Different Cultures]. Moscow, Nauka Publ., pp. 302-316.

- Burskaya E.A., 2016. Fonosemanticheskie oppozitsii v tvorchestve poetov Serebryanogo veka (na materiale poeticheskikh tekstov Igorya Severyanina [Phono-Semantic Oppositions in the Poetry of the Silver Age (Basing on I. Severyanin's Works)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya Filologiya»* [Bulletin of the MSRU. Series: Russian Philology], no. 4, pp. 18-26.
- Varzin A.V., 2014. Ideologicheskiy znak v polifonicheskom kontekste: Dostoevskiy o svobode vechnoy i prekhodyashchey [An Ideological Sign in a Polyphonic Context: Dostoevsky on Eternal and Transitory Freedom]. *IV Mezhdunarodnyy simpozium «Russkaya slovesnost v mirovom kulturnom kontekste» (Moskva, 14–18 dek. 2012 g.): izbr. dokl. i tez.* [IV International Symposium “Russian Literature in the World Cultural Context” (Moscow, December 14–18, 2012). Selected Papers and Abstracts]. Moscow, Fond Dostoevskogo, pp. 350-356.
- Vasileva S.P., 2020. Opyt vyyavleniya spetsifiki obydenного yazykovogo soznaniya russkikh po dannym assotsiativnykh slovarey XX–XXI vekov [Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX–XXI Centuries]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], no. 1, pp. 27-44.
- Vygotskiy L.S., 1987. *Psikhologiya iskusstva* [The Psychology of Art]. Moscow, Pedagogika Publ. 345 p.
- Gindin S.I., 2014. Ot pisatel'skoj leksikografii – k tekstologii pisatelya. V.Ya. Bryusov i suprugy Bal'monty v rabote nad «Pushkinskim slovarem» [From Author Lexicography to Textology: V.Y. Bryusov and Balmonts Working at the Pushkin Dictionary]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 73, no. 1, pp. 37-50.
- Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev D.N., 2005. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 544 p.
- Zenkovskiy V.V., 1991. *Istoriya russkoj filosofii. V 2 t. T. 1. Ch. 2* [The History of Russian Philosophy. In 2 Vols. Vol. 1. Pt. 2]. Leningrad, Ego Publ., pp. 226-227.
- Kozhevnikova N.A., 1991. Sistema toчек zreniya v romanakh Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» i «Bratya Karamazovy» [The System of Points of View in Dostoevsky's Novels “Crime and Punishment” and “The Brothers Karamazov”]. *Russkiy yazyk v SSSR* [Russian Language in the USSR], no. 11, pp. 31-37.
- Kozhevnikova N.A., 2001a. «Davecha» v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [“Davecha” in the Novel by F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment”]. *Dostoevskiy i sovremennost: materialy XV Mezhdunar. Starorusskikh chteniy 2000 g.* [Dostoevsky and Modernity: Proceedings of the 15th International Congress. Old Russian Readings 2000]. Staraya Russa, Izd-vo Novgorodskogo gosudarstvennogo obyedinennogo muzeya-zapovednika, pp. 96-101.
- Kozhevnikova N.A., 2001b. Skvoznye slova v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» [Through Words in F.M. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”]. *Slovo Dostoevskogo. 2000: sb. st.* [Dostoevsky's Word. 2000. Collection of Articles]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 146-171.
- Kozhevnikova N.A., 2002. Svrneniya i metafory F.M. Dostoevskogo [Comparisons and Metaphors of F.M. Dostoevsky]. *Dostoevskiy i sovremennost: materialy XVI Mezhdunar. Starorusskikh chteniy 2001 g.* [Dostoevsky and Modernity. Proceedings of the 16th International Staraya Russa Readings 2001]. Staraya Russa, Dom-muzey Dostoevskogo, pp. 123-124.
- Kolesnikova S.M., 2016. *Gradualnost: svyazi i otnosheniya v sisteme russkogo yazyka: monografiya* [Graduality: Connections and Relations in the System of the Russian Language. Monograph]. Moscow, FLINTA Publ. 231 p.
- Kolesnikova S.M., 2019. Idioglossy «Deti», «Semya», «Zhizn» v romane F.M. Dostoevskogo «Bratya Karamazovy» [Idioglossia “Children,” “Family,” “Life” in the novel of F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. Remneva M.L., Kukushkina O.V., eds. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 20–23 marta 2019): tr. i materialy* [Russian Language: Historical Development and Modern Times. 6th International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, March 20–23, 2019. Proceedings and Materials]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, pp. 239-240.
- Kunilskiy A.E., 2007. O vznikenii kontsepta «Zhivaya zhizn» u F.M. Dostoevskogo [On the Origin of the Concept “Living Life” in F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 44, pp. 72-73.

- Ledeneva V.V., 2015. *Slovo Leskova* [Leskov's Word]. Moscow, IJU MGOU. 260 p.
- Leontev A.A., 1965. *Slovo v rechevoy deyatelnosti* [The Word in Speech Activity]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 246 p.
- Leontev A.A., 1969. Smysl kak psikhologicheskoe ponyatie [Meaning as a Psychological Concept]. *Psikhologicheskie i psikholingvisticheskie problemy vladeniya i ovladeniya yazykom* [Psychological and Psycholinguistic Problems of Language Proficiency and Mastery]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 56-61.
- Leontev A.A., 2007. *Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic Units and the Generation of Speech Utterance]. Moscow, KOMKNIGA Publ. 312 p.
- Peshkovskiy A.M., 1956. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Uchpedgiz. 512 p.
- Karaulov Yu.N., ed., 2003. *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov: Antologiya* [Russian Author's Lexicography of the 19th – 20th Centuries: Anthology]. Moscow, Azbukovnik Publ. 512 p.
- Sigal K.Ya., 2010. *Slovosochetanie kak lingvisticheskaya i psikholingvisticheskaya edinitsa* [The Phrase as a Linguistic and Psycholinguistic Unit]. Moscow, Klyuch-S Publ. 92 p.
- Sorokin Yu.A., 1978. Vzaimodeystvie retsipienta i teksta: teoriya i praktika [Interaction of the Recipient and the Text: Theory and Practice]. *Funktsionirovanie teksta v lingvokulturnoy obshchnosti* [Functioning of the Text in the Linguistic and Cultural Community]. Moscow, Institut yazykoznaniiya, pp. 67-102.
- Sorokin Yu.A., 1985. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta* [Psycholinguistic Aspects of Text Study]. Moscow, Nauka Publ. 168 p.
- Stolyar E.D., 2019. Formirovanie smyslov ocenochного kharaktera v yazyke [Value Meanings Creation in Language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], iss. 2, pp. 41-48.
- Ufimceva A.A., 1968. *Slovo v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [The Word in the Lexico-Semantic System of the Language]. Moscow, Nauka Publ. 272 p.
- Harina O.V., 2007. *Pravda, istina v romanakh F.M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Truth, Verity in the Novels of F.M. Dostoevsky. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 28 p.
- Shatalova O.V., Ledeneva V.V., Alekseeva L.F., 2018. *Sopostavitelnoe izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo: lingvostilisticheskii, literaturovedcheskii i lingvodidakticheskii aspekty* [Russian as a Foreign Language: Comparative Study and Teaching of the Russian Language as a Foreign Language: Linguo-Stylistic, Literary and Linguo-Didactic Aspects]. Moscow, IJU MGOU. 184 p.
- Shepeleva S.N., 2001. Leksema «Dusha» v tvorchestve Dostoevskogo: osobennosti slovoupotrebleniya [The Lexeme “Soul” in the Work of Dostoevsky: Features of Word Usage]. *Slovo Dostoevskogo. Idiostil i kartina mira* [Dostoevsky's Word. Idiostyle and Picture of the World]. Moscow, LEKSRUS Publ., pp. 488-539.
- Yazyk khudozhestvennoy literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. konf. pamyati N.A. Kozhevnikovoy* [The Language of Fiction: Traditional and Modern Research Methods, 2016: Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the International Conference in Memory of N.A. Kozhevnikova], 2016. Moscow, Azbukovnik Publ. 795 p.
- Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A., 2020. The Concept “Family” in the Russian and Chinese Linguoculture: Cognitive, Phonosemantic and Educational Aspects. *Revista Inclusiones: Trabajo En Eguiposin Tronteras / Revista de Humanidades y Ciencias Sociales. Vol. 7. Numero Especial*, pp. 658-673.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Dostoevskiy F.M. Belye nochi [White Nights]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works. In 12 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 1, pp. 161-212.
- Dostoevskiy F.M. Besy [Demons]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Collection of Works. In 12 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 8, pp. 5-442; vol. 9, pp. 5-214 p.
- Dostoevskiy F.M. Bratya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Collection of Works. In 12 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 11, pp. 5-620; vol. 12, pp. 5-314.
- Lvov M.R. *Slovar antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Antonyms of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985. 384 p.
- Evgeneva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. URL: <http://feb->

web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp (accessed 25 May 2019).
Servis fonosemanticheskogo analiza slov [Service of Phonosemantic Analysis of Words]. URL: psitechnology/net|servisfonosemantika/php (accessed 25 May 2019).
Karaulov Yu.N., ed. *Slovar yazyka Dostoevskogo. Idioglossariy* [Dictionary of the Dostoevsky

Language. Idioglossary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008– . A–V, 2008. 961, [1] p.; G–Z, 2010. 1048, [2] p.
Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996, vol. 3. 832 p.

Information About the Authors

Svetlana M. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St, 1, Bld. 1, 119991 Moscow, Russia, asya28@list.ru, SPIN-code: 8449-0514, <https://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

Elena A. Burskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, 117997 Moscow, Russia, burlena12@yandex.ru, SPIN-code: 4357-1980, <https://orcid.org/0000-0001-5167-365X>

Olga V. Shatalova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Slavic Philology, Dean, Faculty of Russian Philology, Moscow State Regional University, Fridrikha Engelsa St, 21a, 105005 Mytishchi, Russia, olshatalova@rambler.ru, SPIN-code: 7917-6050, <https://orcid.org/0000-0002-2937-997X>

Valentina V. Ledeneva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Modern Russian named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University, Fridrikha Engelsa St, 21a, 105005 Mytishchi, Russia, ledenevavv@yandex.ru, SPIN-code: 5574-4989, <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>

Информация об авторах

Светлана Михайловна Колесникова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия, asya28@list.ru, SPIN-код: 8449-0514, <https://orcid.org/0000-0002-8640-0974>

Елена Алексеевна Бурская, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, 117997 г. Москва, Россия, burlena12@yandex.ru, SPIN-код: 4357-1980, <https://orcid.org/0000-0001-5167-365X>

Ольга Викторовна Шаталова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянской филологии, декан факультета русской филологии, Московский государственный областной университет, ул. Фридриха Энгельса, 21а, 105005 г. Мытищи, Россия, olshatalova@rambler.ru, SPIN-код: 7917-6050, <https://orcid.org/0000-0002-2937-997X>

Валентина Васильевна Леденева, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка им. профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет, ул. Фридриха Энгельса, 21а, 105005 г. Мытищи, Россия, ledenevavv@yandex.ru, SPIN-код: 5574-4989, <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.5>

UDC 81'373.612.2:81'1:008
LBC 81.006.3

Submitted: 01.10.2020
Accepted: 02.12.2020

CONCEPTUAL BASIS FOR METAPHORICAL IMAGE INTERPRETATION IN DIFFERENT LINGUOCULTURES¹

Elena A. Yurina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia;
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Olesya V. Avramenko

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The article considers Russian and English figurative words and expressions that demonstrate metaphorization of bakery products images. The cognitive basis of metaphorical projections, universal and specific models of figurative analogies are revealed. The material includes 36 English units metaphorically motivated by 12 names of bakery products (*biscuit, bun, cake, cookie, doughnut, dumpling, muffin, pancake, pie, pudding, tart, toast*) and 98 Russian figurative units motivated by 16 culinary names (*baranka, blin, bublik, bulka, kalach, karal'ka, keks, kovrizhka, krendel', lepushka, pampushka, pirog, pljushka, ponchik, pyshka, suhar*). The speech material consists of the corpus data and includes 167 Russian and 109 English contexts. The analysis methodology is based on the cognitive metaphor theory, the semasiological theory of lexical and phraseological figurativeness, methods of contrastive analysis, linguocultural commenting and corpus research techniques. Static salient criteria of bakery products were revealed (round, spherical, ring-shaped, flat; specific colour; lush, soft, elastic, crumbly structure; high temperature; sweet, pleasant taste), as well as process and dynamic characteristics associated with cooking and food intake procedures. It is proved that these criteria in both linguistic cultures are grounded at the source of figurative characteristics of some human body parts, figure and hairstyle, social and political life phenomena, animate and inanimate objects. The results of the study contribute to metaphorology, linguoculturology, cognitive semantics and pragmatics, comparative lexicology and phraseology; they can be used in teaching of Russian and English as foreign languages, as well as in lexicographic practice.

Key words: figurative vocabulary, phraseology, cognitive metaphor, gastronomic metaphor, linguoculture, Russian language, English language.

Citation. Yurina E.A., Avramenko O.V. Conceptual Basis for Metaphorical Image Interpretation in Different Linguocultures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 63-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.5>

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ¹****Елена Андреевна Юрина**Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия;
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия**Олеся Владимировна Авраменко**

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Рассмотрены образные слова и выражения русского и английского языков, демонстрирующие метафоризацию образов хлебобулочных изделий. Выявлены когнитивные основания метафорических проекций, универсальные и специфические модели образных аналогий. Материал включает английские и русские образные единицы, метафорически мотивированные кулинарными наименованиями. Речевой материал извлечен из корпусов английского и русского языков. Методология анализа базируется на когнитивной теории метафоры, семасиологической теории образности; использованы приемы контрастивного анализа, лингвокультурологического комментирования и корпусного исследования. Установлены салиентные признаки сдобы, имеющие статический характер (круглая, шарообразная, кольцеобразная, плоская форма; характерный цвет; пышная, мягкая, упругая, рассыпчатая структура; высокая температура; сладкий, приятный вкус), а также процессуально-динамические признаки, связанные с процессами приготовления и поглощения. Показано, что на основании этих признаков в обеих лингвокультурах образно описываются отдельные части тела, фигура, прическа человека, явления социально-политической жизни, объекты живой и неживой природы. Результаты проведенного исследования вносят вклад в метафорологию, лингвокультурологию, когнитивную семантику и прагматику, сопоставительную лексикологию и фразеологию; могут быть полезны в преподавании русского и английского языков в иностранной аудитории, а также в лексикографической практике.

Ключевые слова: образная лексика, фразеология, когнитивная метафора, гастрономическая метафора, лингвокультура, русский язык, английский язык.

Цитирование. Юрина Е. А., Авраменко О. В. Когнитивные основания интерпретации метафорического образа в разных лингвокультурах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 63–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.5>

Введение

Когнитивный подход к исследованию метафоры позволяет вскрыть закономерности концептуализации окружающего мира по принципу аналогии. Как правило, в качестве источника метафорических проекций выступает предметная область, данная человеку в ощущениях, чувственно воспринимаемая и входящая в зону телесного опыта [Lakoff, Johnson, 1980]. Работы, выполненные в русле метафорологического направления на материале конкретных языков [Evans, 2010; Glucksberg, 2001; Kovecses, 2010; и др.], а также контрастивные исследования [Berrada, 2007; Yu, 2008; и др.] подтверждают этот тезис. Актуальность изучения метафоры как когнитивной модели на современном этапе

усиливается в связи с необходимостью решения задач по исследованию нейрофизиологических процессов и психической организации человека, моделированию искусственного интеллекта в контексте цифровизации и развития IT-технологий, направленных, в частности, на декодирование и производство человеческой речи технологическими устройствами, создание программ по автоматическому переводу речи с одного языка на другой.

Богатой областью-источником метафоризации является кулинарная сфера, так как еда и процессы, связанные с приготовлением и поглощением пищи, играют центральную роль в повседневной жизни человека и духовной культуре общества, будучи символически нагруженными и задействованными как в архаических обрядово-ритуальных практиках,

так и в современных культурных традициях [Юрина, Помаролли, 2017].

В конце XX – начале XXI в. пищевая метафора стала широко изучаться российскими и зарубежными лингвистами на материале отдельных национальных языков (русского, английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, китайского, японского, корейского, арабского) и их диалектов, а также в сопоставительном аспекте с применением методов когнитивной лингвистики. В англоязычных работах зарубежных авторов описаны средства репрезентации пищевой метафоры в разных языках и их диалектах [Bergada, 2007; Newman, 1997; Song, 2009; Yamaguchi, 2009; и др.], рассмотрены частные метафорические модели в области пищевой метафоры («человек – пища», «жизнь – пища», «эмоции – пища» и др.) [Faycel, 2012; Lin, Derner, 2016], охарактеризована концептуализация определенной понятийной области (секс и похоть) через призму метафоры еды и питья [Wirtz, 2013], проанализирована метафора пищи в определенном типе дискурса (подростковые журналы, женские журналы) [Rodríguez, 2007], проведен сопоставительный анализ пищевой метафоры (на материале английского и персидского языков) [Khajeh, Imran-Но, Tan, 2014a; 2014b].

В отечественной лингвистике пищевая метафора широко исследуется в лингвокультурологическом [Юрина, 2013], структурно-семантическом и аксиологическом [Боровкова, 2015], лексикографическом [Грекова, 2017] и когнитивном аспектах [Живаго, 2017]. Особый интерес представляют сопоставительные исследования, в которых пищевая метафора рассматривается на материале русского и английского [Авраменко, 2016; Кирсанова, 2013], русского и французского [Дормидонтова, 2015], русского и итальянского [Помаролли, 2017], русского, английского и немецкого [Марушкина, 2012], русского, английского и итальянского языков [Юрина, Авраменко, Помаролли, 2017].

Объекты, процессы, ситуации, относящиеся к сфере ЕДА, образуют в сознании представителей разных языков и культур устойчивые образы, на базе которых создаются мгновенные ассоциативные связи при характеристике и оценке различных явлений окружаю-

щего мира, которые подкреплены устойчивыми нейронными связями, сформированными телесным опытом.

Пищевая метафора как когнитивная модель концептуализации знания во многом имеет универсальный характер и представлена в разных языках и культурах. При этом существуют различия в ее образном воплощении на уровне языковых средств и их дискурсивных реализаций, что обусловлено социально-историческими, природно-климатическими, духовно-религиозными различиями, влияющими на формирование кулинарной традиции, гастрономических предпочтений, устойчивых образно-символических комплексов. В связи с этим появляется необходимость детального сопоставительного изучения образных средств разных языков, транслирующих ту или иную концептуальную метафору и/или демонстрирующих метафорическую концептуализацию определенной понятийной области.

Контрастивное исследование концептуальных оснований метафорических проекций в двух или нескольких языках позволит выявить универсальные и культуроспецифические особенности образного мышления носителей разных языков и культур, а в практическом отношении послужит средством повышения межкультурной компетенции.

Исследование, результаты которого отражены в статье, направлено на изучение универсальных и культуроспецифических аспектов метафоризации пищевой сферы, репрезентированных системой образных единиц лексико-фразеологического состава (слов и выражений с метафорической семантикой) русского и английского языков. Из всего многообразия языковых средств метафорической интерпретации в исследовательский фокус попали слова и выражения, называющие различные явления окружающего мира по аналогии с хлебобулочными изделиями; предметом анализа выступают свойства данных продуктов, процессы их приготовления и поглощения как основания метафорических проекций.

Для достижения поставленной цели осуществлена выборка единиц из толковых словарей и лингвистических корпусов (в анализ включены как отдельные лексические единицы, так и фразеологизмы, в семантике которых отражены ситуации приготовления и по-

глощения изделий из теста), исследовано языковое и текстовое воплощение метафорических образов хлебобулочных изделий в современной русской и английской речи. Изделия из теста охарактеризованы с точки зрения присущих им качеств и свойств, которые подлежат метафорическому переосмыслению и образно представляют объекты, не относящиеся к сфере ЕДА. Выявлены универсальные и культуроспецифические особенности метафорического означивания.

Материал и методы

Материалом исследования послужили образные слова, метафорически мотивированные наименованиями хлебобулочных изделий (*блин / pancake* 'об округлых и плоских предметах', *булка / bun* 'об округлых и мягких предметах', *баранка* 'о предметах в форме кольца', *toast* 'о теплых предметах' и т. п.), и фразеологические единицы, отражающие процессы приготовления и поглощения изделий из теста (*откусить / откусывать от пирога* 'незаконно присвоить денежные средства, имущество', *eat humble pie* (букв. «есть пирог унижения») 'признать свою неправоту и при этом чувствовать стыд и неловкость' и т. п.). Всего было проанализировано 36 образных слов и выражений английского языка, мотивированных 12 наименованиями хлебобулочных изделий (*biscuit, bun, cake, cookie, doughnut, dumpling, muffin, pancake, pie, pudding, tart, toast*), и 98 метафорических единиц русского языка, мотивированных 16 наименованиями этих продуктов (*баранка, блин, бублик, булка, калач, каралька, кекс, коврижка, крендель, лепешка, пампушка, пирог, плюшка, пончик, пышка, сухарь*). О метафоризации образов хлеба в русском и английском языках см.: [Авраменко, 2016].

Источником русского лексического и фразеологического материала послужил трехтомный «Словарь русской пищевой метафоры», вышедший в издательстве Томского университета. Англоязычные единицы отбирались из онлайн-словаря «The Free Dictionary by Farlex», интегрирующего обширный фонд словарей современного английского языка. Контекстный материал был извлечен из Национального корпуса русского языка и корпуса Гло-

бального английского языка на веб-основе (Corpus of Global Web-Based English). Собранный материал лексикографически обработан и представлен в цифровом «Полиязычном словаре метафор», размещенном на портале metdict.ru. Всего было отобрано и проанализировано 167 русских и 109 английских контекстов. Привлечение корпусных данных позволило собрать актуализированный в современной речи языковой материал.

В работе применяются методы сопоставительной лексикологии (семасиологии), когнитивного метафорического моделирования, корпусного исследования и лингвокультурологического комментирования. При анализе используется методика, синтезирующая системно-структурный и когнитивный подходы, позволяющая проводить сопоставление на уровне соотносительных фрагментов образных систем двух языков.

Результаты и обсуждение

При анализе процессов метафоризации в русле когнитивного подхода исследовательский фокус может перемещаться от сферы-мишени, когда основное внимание сосредоточено на вопросах метафорического воплощения концепта или идеи, к сфере-источнику, где значимыми оказываются объекты, порождающие образные аналогии и их салиентные («выпуклые», зафиксированные в языковом сознании и образных единицах) признаки. Если первый подход реализуется, в частности, в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (the Conceptual Metaphor Theory), то второй наиболее ярко представлен в теории атрибутивной категоризации (the Attributive Categorization View / Model, the Class-inclusion theory, the Category inclusion theory)² [Glucksberg, 2001; McGlone, 1996; Ritchie, 2013], согласно которой при восприятии, интерпретации и понимании метафоры в речи «человеку необходимо быть знакомым и с категорией-источником, чтобы сделать вывод о том, какие категории источник может представлять» [Новицкая, 2019, с. 84]. Придерживаясь второго подхода, представим салиентные признаки хлебобулочных изделий статического и динамического характера, послужившие когнитивным основанием для ме-

тафорического сближения концептов из области ЕДА с различными категориями явлений, подлежащих образной характеристике в языке и речи.

К числу значимых топологических свойств хлебобулочных изделий (форма, размер, конфигурация, пропорции), задействованных в процессах метафоризации в русском и английском языках, относятся в определенных комбинациях такие признаки, как ‘плоский’, ‘объемный’, ‘округлый’, при этом округлая форма реализована как сплошной плоский круг, сплошной объемный шар или полусфера, объемная кольцеобразная окружность с отверстием посередине. Эталонами плоской формы в русской культуре являются блин и лепешка, в английской – *pancake*, они используются для метафорической характеристики плоских объектов:

(1) Все-таки непонятно, как разумная женщина может нацепить на себя белый шерстяной **блин** (В. Синицына);

(2) In my early teens I was flat as a **pancake** (К. Price) – Будучи подростком, я была плоская как блин (у меня не было груди)³.

Блин и *pancake* метафорически характеризуют плоский и ровный ландшафт местности:

(3) Леса чередовались с желтыми громадными полями, ровными, **как блин** (Ю. Петкевич);

(4) That's a place that has a mild climate, and is geographically **flat as a pancake** (D. Alpert) – Это то место, которое имеет мягкий климат и географически плоское, как блин.

Если *блин* обозначает в первую очередь объекты округлой и плоской формы, то *pancake* выражает абстрагированный от предметного образа динамический признак компрессии. Например, в русском языке через образ блина характеризуются металлические диски, небесные светила (солнце, луна), лицо человека. В английском языке по аналогии с *pancake* выражаются ситуации, связанные с давлением, раздавливанием, сплющиванием: *pancake landing* ‘посадка самолета «на брюхо»’, *pancake block* ‘блок в американском футболе’:

(5) Fortunately he managed to make a ‘**pancake**’ **landing** on the water (A. Hayward) – К счастью, ему

удалось совершить блинное приземление («на брюхо») на воду.

В русском языке динамический признак сплющивания ассоциируется с образом лепешки: *раздавить в лепешку, я из тебя лепешку сделаю* и т. п. Таким образом, лексическими эквивалентами являются *блин* и *pancake*, а образно-метафорическими аналогами – *pancake* и *лепешка*. Метафоризация рус. *блин* охватывает большее количество аспектов, чем англ. *pancake*, частично пересекаясь с данной английской метафорой.

Эталонами шарообразной формы выступают в русской лингвокультуре булка / булочка, пампушка, в английской – bun, которые также отражают представления о пышной, пористой, эластичной структуре, обуславливающей мягкость. Такая комбинация признаков сформировала устойчивую ассоциативную связь с мягкими и упругими на ощупь частями тела человека (живот, женская грудь, ягодицы и бедра) в обеих лингвокультурах:

(6) Вика... вложила мягкие **булки** грудей, обтянутых розовым трикотажем, в жесткие, железного цвета ладони, покачала их на весу (Л. Улицкая);

(7) You will be able to burn fats, achieve those fabulous six packs you want, plus shapely **buns** and thighs (Achieving Fabulous Physique) – Вы сможете сжечь жиры, достичь эти сказочные шесть кубиков, которые Вы хотите, плюс изящные булочки (попка) и бедра.

Для характеристики полного тела человека в русском языке используются метафоры *булка / булочка, бублик, пампушка, пончик* и *пышка*, салиентными признаками которых являются округлость и мягкость. При использовании указанных метафор в отношении фигуры женщины они выражают положительную оценку:

(8) Ему тоже нравятся девушки, похожие на **булочки** (М.Н. Задорнов).

В английском языке культуроспецифической является образная аналогия между маффином (небольшим кексом) с верхушкой куполообразной формы и фигурой человека, у которого жировые складки на животе свисают поверх узкой юбки или брюк (*muffin belly, muffin top*).

Данные метафоры в речи отрицательно характеризуют называемые объекты. В русском языке ряд метафор, используемых в описании объемных, пышных частей тела человека и его полной фигуры, значительно шире, чем в английском языке. Однако в английском для описания полного лица человека используются две метафоры *bun* и *pudding*, при этом в русском языке нет их прямых аналогий. Метафора *bun* также используется для наименования прически в виде собранных и скрученных в тугую пучок волос на голове, актуализируя признак округлой формы:

(9) Her black hair was drawn into a tight **bun** (J.K. Rowling) – Ее черные волосы были собраны в тугую булочку (строгий пучок).

В русском языке метафоры *пампушка* и *плюшка* (маленькие круглые мягкие булочки), помимо фигуры человека, называют пышные и мягкие наощупь предметы:

(10) Разувшись, мы усаживаемся на длинные шерстяные валики, подкладываем под поясицы какие-то то ли думочки, то ли **пампушки** (А. Иличевский).

Эталонами кольцеобразной формы являются баранка, бублик и калач в русской лингвокультуре и *doughnut* (пончик) – в английской. Соответствующие им метафоры характеризуют предметы и физические явления, имеющие форму кольца, в том числе вентиль, руль автомобиля в русском языке:

(11) Крохотная спортивная **баранка** чутко реагирует на движения водителя («Автопилот»);

аксессуар для прически и емкость подобной формы в английском языке:

(12) The first beams of hadrons circulated all the way round the colossal 27km magnetic vacuum **doughnut** (The Register) – Первые лучи адронов циркулировали по всему периметру очень большого 27-километрового магнетического вакуумного пончика (камеры ускорителя).

Пустое пространство (дырка) в центре баранки, бублика и *doughnut* ассоциируется с чем-либо незначительным, не имеющим смысла и ценности, противопоставляемым чему-либо важному и значимому:

(13) Как говорится, две консервные банки плюс **дыра от баранки!** (В. Богомолов);

(14) I will unfortunately always keep my eye upon **the doughnut** and not upon **the hole** (A Collection of Culinary Quotes) – Я буду всегда, к сожалению, следить за пончиком (чем-либо важным), а не за дыркой от пончика (незначительным).

В русской лингвокультуре бублик, калач и каралька являются эталонами формы для предметов в виде полукольца (*каралька колбасы*), соответствующие им метафорические единицы используются для описания согнутых частей тела, всего тела человека или животного (*хвост бубликом*, *свернуться калачиком*, *поджать ноги калачиком*, *завернуться как каралька*), а также называют пышные прически округлой формы с закрученными на голове волосами или косами (*косы завернутые бубликами*, *каралька из косы*).

В число салиентных признаков хлебобулочных изделий входят параметры структуры вещества, отражающие комбинации признаков ‘мягкий’, ‘свежий’, ‘упругий’, которые выступают как требуемые и положительно оцениваемые потребителем качества. Они противопоставлены признакам ‘сухой’, ‘черствый’, ‘хрупкий’, которые приобретает продукт с течением времени или в силу нарушения технологии приготовления. В большей степени данные свойства представлены в метафорах русского языка при характеристике сухого, неэмоционального, равнодушного человека (*сухарь*). Подобные аналогии актуализируются в речевых сравнительных оборотах и авторских метафорах:

(15) Вот кабель, взгляните, чуть согнул – и сломался, а резина крошится, как **черствая булка**... (В. Песков);

(16) Mrs. Hanson is described as being ‘as brittle as a **biscuit** with skin like a paper hankie’ (G. Legge) – Миссис Хэнсон описывается как ‘хрупкая как печенье с кожей как бумажный платочек’.

Одним из салиентных признаков такого изделия, как *sake* (торт), в английской лингвокультуре является его устойчивая плотная структура, которая вызывает образную ассоциацию с куском некоторого затвердевшего или спрессованного вещества, например мыла или льда (*cake of soap*, *cake of ice*).

Температурные параметры хлебобулочных изделий (теплый, горячий), обусловленные способом их приготовления (печь, жарить), в английском языке задействованы для образной характеристики теплых согревающих предметов:

(17) Red mittens to keep My hands warm as **toast**
On cold winter days (CanTeach: Songs & Poems) – Красные варежки для того, чтобы сохранять мои руки теплыми как тост в холодные зимние дни.

В русском материале встретились контексты, в которых сильный жар ассоциируется с горячим блином:

(18) Солнце поджигало; на голову точно **горячий блин** положили (В. Шукшин).

Некоторые цветовые признаки хлебобулочных изделий закрепились в образных наименованиях сложного цвета или комбинированной окраски. Например, в русскоязычной лингвокультуре золотисто-коричневатая поверхность прожаренного блина и пропеченной булочки ассоциируется с румяным лицом, светлая мякоть свежей булочки характеризует приятный и здоровый цвет кожи:

(19) Он был толстенький, кругленький, и лицо у него было румяное и кругленькое, как **блин** (Н. Носов);

(20) Вся, как **булочка** белая, щечки розовые, реснички уже темные (Г. Бакланов).

В англоязычной культуре комбинированный светло-коричневый или желто-серый цвет ассоциируется с печеньем:

(21) Ground clearance: clears small rocks Colors: Medium Crumb or Stale **Biscuit**, with Brown Gravel or Chimney Soot interiors (Subaru Advertising Over The Years) – Дорожный просвет: проедет по щебню; Цвета: средней крошки или черствого печенья (светло-коричневого), с интерьером цвета коричневого гравия или сажи;

а поверхность черничного маффина выступает эталоном для описания окраски предметов и объектов, имеющих темно-синие вкрапления:

(22) Basophils typically have a “**blueberry muffin**” appearance (Connective Tissue) – Базофилы обычно имеют внешний вид черничного маффина.

Помимо внешних признаков, в основе метафорических проекций могут лежать вкусовые свойства кулинарных изделий. В английском языке сладкие, нежные, приятные на вкус хлебобулочные изделия ассоциируются с милыми, дорогими и любимыми людьми, обычно женщинами и детьми (*love muffin* «любимый маффин»), используются для обращения к ним (*cutie pie* «очаровательный пирог», *sweetie pie* «сладкий пирог»), демонстрируя нежное отношение говорящего:

(23) Abbey is a gorgeous lady and Sophia is a little **cutie pie** (Abbey Crouch’s daughter Sophia) – Эбби – очаровательная женщина и София – **милый пирожок** (маленькая милашка);

(24) Sharon said of her baby granddaughter: “She’s gorgeous. She is like a **love muffin**” (Sharon Osbourne) – Шерон сказала о своей маленькой внучке: «Она очаровательная. Она как маффинчик (такая хорошенькая)».

Тост, который традиционно употребляется на завтрак с разнообразными добавками, метафорически характеризует популярного человека, любимого в определенном обществе или месте (*to be the toast of somebody, somewhere* «быть тостом кого-л., где-л.»). В русском языке вкусные, сладкие, сдобные калач и плюшка ассоциируется с чем-либо привлекательным, ценным и желанным (*хочешь есть калачи, не сиди / лежи на печи*).

Метафоризация процессов создания и употребления хлебобулочных изделий отражена в семантике русских и английских фразеологизмов, внутренняя форма которых демонстрирует ситуации формирования блюд из теста (только в англ.: *over-egg the pudding* (букв. «переложить яйца в пирог») ‘испортить что-л., пытаясь усердно исправить это’; *in apple-pie order* (букв. «быть в порядке в виде яблочного пирога») ‘быть в организованном порядке’; выпекание (в англ.: *bun in the oven* (букв. «булка в духовке») ‘быть беременной’; в рус.: *ни роги печет сапожник* ‘кто-л. выполняет работу непрофессионально и некачественно’), проверки на готовность (только в англ. *have a finger in every pie* (букв. «иметь палец в каждом пироге») ‘быть вовлеченным во много разных дел и иметь влияние на них’) и употребления в пищу (в англ.: *eat humble pie* (букв.

«есть пирог с потрохами») ‘признать свою неправоту и при этом чувствовать стыд и неловкость’; в рус.: *откусить кусок от пирога* ‘в ситуации конкуренции получить часть чего-л. ценного, выгодного, приносящего доход’). Этапы и фазы этих процессов представлены в идиоматике обоих языков, однако сама система образов существенно варьируется в силу различий в гастрономических традициях.

Выводы

Сопоставительный анализ показал, что к числу универсальных метафорических моделей относятся следующие: 1) плоская форма продуктов (*блин, лепешка, pancake*) характеризует плоские или расплюснутые предметы, ровный ландшафт местности; 2) округлая форма и пышная структура (*булка / булочка, пампушка, bun*) – округлые, полные, мягкие и упругие части тела; 3) кольцеобразная форма *пончика, баранки, бублика и doughnut* – объекты подобной формы; 4) пустота в центре выражает представление о чем-либо незначительном, неважном (*дырка от бублика, donut hole*); 5) горячая выпечка (*toast, блин*) характеризует теплые и горячие предметы; 6) поедание пирога (*откусить кусок от пирога / a share (slice) of the pie*) ассоциируется с получением материальной выгоды; 7) удовольствие от поглощения вкусной сдобы (*плюшками баловаться / cake and ale*) – с весельем, наслаждением.

К русским культуроспецифическим моделям относятся следующие: 1) шарообразная форма (*булка, бублик, пампушка, пончик, пышка*) характеризует фигуру человека, пышные и мягкие на ощупь предметы; 2) изогнутая форма (*бублик, калач, каралька*) характеризует объекты в форме полукольца, ассоциируется с согнутыми частями тела, пышной прической округлой формы с закрученными на голове волосами; 3) цвет пропеченной корочки (*блин*) характеризует румяное лицо человека; светлая мякоть свежей выпечки (*булочка*) – приятный и здоровый цвет кожи; 4) приятная на вкус сдоба (*калач*) – привлекательные, желанные объекты; 5) выпекание пирогов (*пирог печет сапожник*) ассоциируется с работой, требующей

проявления профессиональных качеств; выпекание блинов (*печь как блины*) – с быстрым производством однотипных изделий, изготовлением в большом количестве; 6) засушивание сухарей (*суши сухари*) – с необходимостью быть готовым к самым неблагоприятным обстоятельствам.

Среди английских культуроспецифических моделей были выявлены следующие: 1) шарообразная форма (*bun, pudding*) характеризует круглое полное лицо, округлую и объемную прическу; 2) куполообразная форма маффина (*muffin belly, muffin top*) – фигуру человека с жировыми складками на животе и по бокам; 3) плотная структура торта (*cake of soap, cake of ice*) ассоциируется с твердым спрессованным веществом; 4) цвет печенья (*biscuit*) выступает эталоном бледно-коричневого, желто-серого цвета; поверхность черничного маффина (*blueberry muffin*) характеризует окраску предметов, имеющих темно-синие вкрапления; 5) приятная на вкус сдоба (*muffin, sweetie pie, cutie pie*) ассоциируется с любимыми и дорогими людьми; 6) избыточное добавление ингредиентов (*over-egg the pudding*) – с излишним усердием; 7) аккуратное раскладывание яблок на пирог (*apple-pie order*) – со строго организованным порядком; 8) приготовление пирога (*as easy as a pie*) – с простым процессом, не требующим специфических умений и навыков; 9) выпекание булки (*bun in the oven*) – с вынашиванием ребенка; 10) поджаривание тоста (*toast oneself*) – с обогреванием частей тела; 11) проверка пирога на готовность посредством погружения в него пальца (*to have a finger in every pie / to have a finger on too many pies*) – с вовлеченностью субъекта одновременно в несколько разных дел.

Заключение

В русской и английской (британской и американской) лингвокультурах на основании аналогии с процессами приготовления и поглощения хлебобулочных изделий переосмысливается внешний вид человека, его темперамент и эмоции, социальное общение, финансовая и политическая деятельность. В различных средствах русского и английского языков отразился опыт приготовления и по-

глощения хлебобулочных изделий, различные свойства этих продуктов. Номинации выпечки и сдобы активно метафоризируются, входят в состав образных фразеологизмов и используются в экспрессивно-характеризующей функции для выражения положительного или отрицательного отношения (нежности или оскорбления), наглядного описания внешнего вида человека, его физических и психических состояний.

К числу когнитивных оснований метафорических проекций относятся: размер, форма, цвет, вкус, температурные и структурные признаки изделий из теста, способы их приготовления и поглощения. Обнаружены универсальные и культуроспецифические метафорические модели, присутствующие в каждой из рассматриваемых лингвокультур. Универсальные модели базируются преимущественно на чувственно воспринимаемых признаках хлебобулочных изделий и ощущениях от их поглощения. Различия обнаруживаются в большей степени в образных основаниях идиом, при этом английская фразеология демонстрирует большее разнообразие и детализацию процессуальных аспектов приготовления выпечки.

Высокая частотность употребления исследуемых образных слов и выражений в современных текстах, выявленная по данным корпусного исследования, свидетельствует об активном функционировании этих метафорических образов в речи современных носителей русского и английского языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.)

The study was supported by the Russian Science Foundation in the framework of research project no. 18-18-00194 “The Figurative System of the Russian Language in the Polydiscursive Space of Modern Communications” (2018–2020).

² Подробный обзор зарубежных направлений в исследовании метафоры представлен в: [Новицкая, 2019].

³ Здесь и далее перевод примеров выполнен О.В. Авраменко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраменко О. В., 2016. Образы хлебобулочных изделий как основание метафорических проекций в русском и английском языках // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск : Изд-во Том. ун-та. Вып. 17. С. 255–260.
- Боровкова А. В., 2015. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. № 396. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/396/1.
- Грекова М. В., 2017. Образы посуды в русской метафорической картине мира (когнитивно-дискурсивный и лексикографический аспекты) // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2 (179). С. 18–24. DOI: 10.23951/1609–624X-2017-2-18-24.
- Дормидонтова О.А., 2015. Структурные особенности именной гастрономической метафоры (на материале русского и французского языков) // Функционально-прагматический аспект в исследованиях романских языков : межвузов. сб. науч. тр. М. : Моск. гос. обл. ун-т. С. 32–37.
- Живаго Н. А., 2017. Метафоризация образов тепловой обработки пищи в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (187). С. 32–38. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-32-38.
- Кирсанова Е.М., 2013. Сопоставление семантики гастрономических идиом в русском и английском языках как составная часть предпереводческого анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 9 (669). С. 123–135.
- Марушкина Н.С., 2012. «Гастрономические» фразеологические единицы как средство формирования концепта ЕДА // Преподаватель XXI века. № 2-2. С. 355–358.
- Новицкая И. В., 2019. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. № 46. С. 76–101.
- Помаролли Дж., 2017. Представление хлеба в образном словарном составе русского и итальянского языков // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та. Вып. 18, т. 1 : Лингвистика. С. 284–288.
- Юрина Е. А., 2013. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау : Келешек-2030. 238 с.

- Юрина Е.А., Авраменко О.В., Помаролли Дж., 2017. Универсальные аспекты метафоризации образов зерна и хлеба в русском, английском и итальянском языках // Вестник ТГПУ. № 11 (188). С. 135–139.
- Юрина Е. А., Помаролли Дж., 2017. Библиейская символика хлеба в образных средствах русского и итальянского языков // Язык и культура. № 39. С. 84–106.
- Berrada K., 2007. Food Metaphors: A Contrastive Approach // *Metaphorik.de*. Т. 13. P. 1–38.
- Evans V., 2010. Figurative Language Understanding in LCCM Theory. *Cognitive Linguistics*. Vol. 21, iss. 4. P. 601–662. DOI: 10.1515/cogl.2010.020.
- Faycel D., 2012. Food Metaphors in Tunisian Arabic Proverbs // *Rice Working Papers in Linguistics*. Vol. 3, iss. 12. P. 1–23.
- Glucksberg S., 2001. *Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms*. N. Y. : Oxford University Press. 134 p.
- Khajeh Z., Imran-Ho A., Tan K. H., 2014a. A Cross-Cultural Account of the Metaphor Conceptualisations of Thought as Food in Persian // *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. Vol. 22, iss. 4. P. 1115–1131.
- Khajeh Z., Imran-Ho A., Tan K. H., 2014b. Emotional Temperament in Food-Related Metaphors: A Cross-Cultural Account of the Conceptualisations of Anger // *3 L: Language. Linguistics. Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. Vol. 20, iss. 1. P. 33–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.17576/3L-2014-2001-03>.
- Kovecses Z., 2010. *Metaphor and Emotion*. Cambridge : Cambridge University Press. 41 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live by*. Chicago : The University of Chicago Press. 256 p.
- Lin C. Y. H., Depner S. C., 2016. Food Metaphors in Taiwan Hakka // *Embodiment in Language* / ed. by S. C. Depner. Singapore : Springer. P. 7–20.
- McGlone M. S., 1996. Conceptual Metaphors and Figurative Language Interpretation: Food for Thought? // *Journal of Memory and Language*. Vol. 35, iss. 4. P. 544–565.
- Newman J., 1997. Eating and Drinking as Sources of Metaphor in English // *Cuadernos de Filología Inglesa. Special Volume on Cognitive Linguistics*. № 6 (2). P. 213–231.
- Ritchie L. D., 2013. *Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics)*. Cambridge : Cambridge University Press. 230 p.
- Rodríguez I. L., 2007. The Representation of Women in Teenage and Women’s Magazines: Recurring Metaphors in English // *Estudios Ingleses de la Universidad Complutense*. № 15 (1). P. 15–42.
- Song J., 2009. What (Not) to Eat or Drink: Metaphor and Metonymy of Eating and Drinking in Korean // *The Linguistics of Eating and Drinking* / ed. by J. Newman. Amsterdam : John Benjamins Publishing Co. P. 195–227.
- Wirtz T., 2013. *Eat Me! – A Cross-Cultural, Cross-Linguistic Analysis of Conceptual Metaphors for Lust and Sex*. Munich : GRIN Verlag. 28 p.
- Yamaguchi T., 2009. Literal and Figurative Uses of Japanese EAT and DRINK // *The Linguistics of Eating and Drinking* / ed. by J. Newman. Amsterdam : John Benjamins Publishing Co. P. 153–173.
- Yu N., 2008. *Metaphor from Body and Culture* // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. by Raymond W. Gibbs Jr. Cambridge : Cambridge University Press. P. 247–261.

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.06.2020).

Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е. А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015 – . Т. 1 : Блюда и продукты питания. 2015. 428 с. ; Т. 2 : Гастрономическая деятельность. 2017. 546 с. ; Т. 3 : Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности. 2019. 454 с.

Corpus of Global Web-Based English. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (date of access: 01.06.2020).

The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (date of access: 02.06.2020).

REFERENCES

Avramenko O.V., 2016. *Obrazy hlebobulochnykh izdeliy kak osnovanie metaforicheskikh proekciy v ruskom i angliyskom yazykakh* [Images of Bakery Products as the Basis of Metaphorical Projections in Russian and English]. *Aktualnye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literature]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, iss. 17, pp. 255-260.

Borovkova A.V., 2015. *Pishchevaya metafora kak sredstvo vyrazheniya ocenki i cennostey (na materiale obraznoy leksiki i frazeologii russkogo yazyka)* [Food Metaphor as a Means of Expressing Evaluation and Values (Based on Figurative Lexis and Phraseology of the Russian Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 396, pp. 5-13. DOI: 10.17223/15617793/396/1.

- Grekova M.V., 2017. Obrazy posudy v russkoy metaforicheskoy kartine mira (kognitivno-diskursivnyy i leksikograficheskiy aspekty) [Images of Dishes in Russian Metaphorical Picture of the World (Cognitive-Discursive and Lexicographic Aspects)]. *Vestnik tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 2 (179), pp. 18-24. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-2-18-24.
- Dormidontova O.A., 2015. Strukturnye osobennosti imennoy gastronomicheskoy metafory (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov) [Structural Features of the Nominal Gastronomic Metaphor (Based on the Material of the Russian and French Languages)]. *Funkcionalno-pragmaticheskiy aspekt v issledovaniyakh romanskikh yazykov: mezhvuzov. sb. nauch. tr.* [Functional-Pragmatic Aspect in the Research of Romance Languages. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, pp. 32-37.
- Zhivago N.A., 2017. Metaforizatsiya obrazov teplovoy obrabotki pishchi v russkom yazyke [Metaphorization of Thermal Processing Images in Russian Language]. *Vestnik Tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no.10 (187), pp. 32-38. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-32-38.
- Kirsanova E.M., 2013. Sopostavlenie semantiki gastronomicheskikh idiom v russkom i angliyskom yazykakh kak sostavnaya chast' predperevodcheskogo analiza [Semantics Comparison on Russian and English Food Idioms as Part of Pre-Translation Text Analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 9 (669), pp. 123-135.
- Marushkina N.S., 2012. «Gastronomicheskie» frazeologicheskie edinitzy kak sredstvo formirovaniya kontsepta EDA [“Gastronomic” Idioms as the Means of Forming Food Concept]. *Prepodavatel XXI veka*, no. 2-2, pp. 355-358.
- Novitskaya I.V., 2019. Teoriya kontseptualnoy metafory i razvitie alternativnykh kontsepciy v ramkakh kognitivnogo napravleniya metaforologii (po materialam sovremennoy anglistiki) [The Conceptual Metaphor Theory and the Development of Alternative Theories Within the Cognitive Approach to Metaphor (A Review of European and American Metaphor Studies)]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 46, pp. 76-101.
- Pomarolli Dzh., 2017. Predstavlenie hleba v obraznom slovarnom sostave russkogo i italyanskogo yazykov [The Image of Bread as It Is Represented in Russian and Italian Figurative Language]. *Aktualnye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literature]. Tomsk, Izd-vo Tomского universiteta, iss. 18, vol. 1: Lingvistika [Linguistics], pp. 284-288.
- Yurina E.A., 2013. *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Tasty Metaphors: Food Tradition in the Mirror of Language Images]. Kokshetau, Keleshek-2030 Publ. 238 p.
- Yurina E.A., Avramenko O.V., Pomarolli Dzh., 2017. Universalnye aspekty metaforizatsii obrazov zerna i hleba v russkom, angliyskom i italyanskom yazykakh [The Images of Grain and Bread in Russian, English and Italian Languages: Universal Aspects of Metaphorization]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 11 (188), pp. 135-139.
- Yurina E.A., Pomarolli Dzh., 2017. Bibleyskaya simbolika khleba v obraznykh sredstvakh russkogo i italyanskogo yazykov [The Biblical Symbolism of Bread in Figurative Means of Russian and Italian Languages]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 39, pp. 84-106.
- Berrada K., 2007. Food Metaphors: A Contrastive Approach. *Metaphorik.de*, vol. 13, pp. 1-38.
- Evans V., 2010. Figurative Language Understanding in LCCM Theory. *Cognitive Linguistics*, vol. 21, iss. 4, pp. 601-662. DOI: 10.1515/cogl. 2010.020.
- Faycel D., 2012. Food Metaphors in Tunisian Arabic Proverbs. *Rice Working Papers in Linguistics*, vol. 3, iss. 12, pp. 1-23.
- Glucksberg S., 2001. *Understanding Figurative Language: From Metaphors to Idioms*. New York, Oxford University Press. 134 p.
- Khajeh Z., Imran-Ho A., Tan K.H., 2014a. A Cross-Cultural Account of the Metaphor Conceptualisations of Thought as Food in Persian. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 22, iss. 4, pp. 1115-1131.
- Khajeh Z., Imran-Ho A., Tan K.H., 2014b. Emotional Temperament in Food-Related Metaphors: A Cross-Cultural Account of the Conceptualisations of Anger. *3 L: Language. Linguistics. Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, vol. 20, iss. 1, pp. 33-48. DOI: <http://dx.doi.org/10.17576/3L-2014-2001-03>.
- Kovecses Z., 2010. *Metaphor and Emotion*. Cambridge, Cambridge University Press. 41 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, The University of Chicago Press. 256 p.

- Lin C.Y.H., Depner S.C., 2016. Food Metaphors in Taiwan Hakka. Depner S.C., ed. *Embodiment in Language*. Singapore, Springer, pp. 7-20.
- McGlone M.S., 1996. Conceptual Metaphors and Figurative Language Interpretation: Food for Thought? *Journal of Memory and Language*, vol. 35, iss. 4, pp. 544-565.
- Newman J., 1997. Eating and Drinking as Sources of Metaphor in English. *Cuadernos de Filología Inglesa. Special Volume on Cognitive Linguistics*, no. 6 (2), pp. 213-231.
- Ritchie L.D., 2013. *Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics)*. Cambridge, Cambridge University Press. 230 p.
- Rodríguez I.L., 2007. The Representation of Women in Teenage and Women's Magazines: Recurring Metaphors in English. *Estudios Ingleses de la Universidad Complutense*, no. 15 (1), pp. 15-42.
- Song J., 2009. What (Not) to Eat or Drink: Metaphor and Metonymy of Eating and Drinking in Korean. Newman J., ed. *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Co., pp. 195-227.
- Wirtz T., 2013. *Eat Me! – A Cross-Cultural, Cross-Linguistic Analysis of Conceptual Metaphors for Lust and Sex*. Munich, GRIN Verlag. 28 p.
- Yamaguchi T., 2009. Literal and Figurative Uses of Japanese EAT and DRINK. Newman J., ed. *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Co., pp. 153-173.
- Yu N., 2008. Metaphor from Body and Culture. Raymond W., Gibbs Jr., eds. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 247-261.

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed 1 June 2020).
- Borovkova A.V., Grekova M.V., Zhivago N.A., Yurina E.A. *Slovar russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta, 2015– , vol. 1: Blyuda i produkty pitaniya [Dishes and Food], 2015. 428 p.; vol. 2: Gastronomicheskaja dejatel'nost' [Gastronomic Activity], 2017. 546 p.; vol. 3: Subyekt, obyekt i instrumenty gastronomicheskoy deyatel'nosti [Subject, Object and Tools of Gastronomic Activities], 2019. 454 p.
- Corpus of Global Web-Based English*. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (accessed 1 June 2020).
- The Free dictionary by Farlex*. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed 2 June 2020).

Information About the Authors

Elena A. Yurina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia; Professor, General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, yourina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>

Olesya V. Avramenko, Junior Researcher, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia, Avramenko.ov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3237-1004>

Информация об авторах

Елена Андреевна Юрина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия; профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, yourina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>

Олеся Владимировна Авраменко, младший научный сотрудник, лаборатория общей и сибирской лексикографии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия, Avramenko.ov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3237-1004>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.6>

UDC 81'367:81'1:008
LBC 81.003

Submitted: 05.10.2020
Accepted: 24.12.2020

HORSE AND MARE IN ENGLISH, KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Marina V. Pimenova

Institute of Foreign Languages, Saint Petersburg, Russia

Amantay Sh. Zhilkubaeva

East Kazakhstan State University named after S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan

Feruza Sh. Bekmurzaeva

Military Institute (Engineering) of the Military Academy of Logistics, named after Army General A.V. Khrulev,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The purpose of the article is to compare the linguocultural meanings of the zoomorphic image of a horse / mare. The horse / mare is an important constituent of life, as indicated by the significant amount of vocabulary assigned to the names of this animal in the compared language pictures of the world, the variety of manifestations of the horse in human life, the role in the agricultural, military, and domestic spheres. Six main areas were identified where vocabulary related to the vital activity, functioning of horses, their biological and physiological characteristics is used as a result of the analysis of three linguistic cultures shows: biological gender; age; breed; horse suit; allures – types of horse movement; location and conditions of detention. The asymmetry of the implementation of linguocultural meanings in the studied language pictures of the world is noted. The thematic group “Biological gender” combines 25 signs. The thematic group “Age” includes 14 signs. The thematic group “Breed” consists of 11 signs. The thematic group “Color of the horse” includes 18 signs. The thematic group “Allures – types of horse movement” comprises 8 signs. In the thematic group “Place and Conditions of Detention” 10 signs are presented. The article contains 6 tables to illustrate the comparison. The lexical units of the English, Kazakh, and Russian languages are described, the differential features of the analyzed words and phrases with the meaning “horse”, “mare” are established, the results of a comparative study of three linguocultures are summarized.

Key words: image, zoomorphisms, hippolexis, language picture of the world, linguistic culture.

Citation. Pimenova M.V., Zhilkubaeva A.Sh., Bekmurzaeva F.Sh. Horse and Mare in English, Kazakh and Russian Language Pictures of the World. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 75-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.6>

УДК 81'367:81'1:008
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 05.10.2020
Дата принятия статьи: 24.12.2020

КОНЬ И ЛОШАДЬ В АНГЛИЙСКОЙ, КАЗАХСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Марина Владимировна Пименова

Институт иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Россия

Амантай Шаймардановна Жилкубаева

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Феруза Шухратовна Бекмурзаева

Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения
им. генерала армии А.В. Хрулева, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Цель статьи – охарактеризовать лингвокультурные смыслы зооморфного образа коня / лошади. Как показывает проведенное исследование, в казахской, русской и английской культурах конь / лошадь является важной составляющей жизни и быта, на что указывает значительное количество лексических единиц, используемых в сравниваемых языках для названий этого животного и его качеств. Авторами выявлено 6 субсфер, признаки которых дифференцируют номинации лошадей: 1) биологический пол; 2) возраст; 3) порода; 4) масть; 5) аллюр; 6) место и способ содержания. Отмечена асимметрия реализации лингвокультурных смыслов в изучаемых языковых картинах мира. В тематическую группу «Биологический пол» объединены 25 признаков. Тематическая группа «Возраст» включает в себя 14 признаков. Тематическая группа «Порода» состоит из 11 признаков. Тематическую группу «Масть» формируют 18 дифференциальных признаков. К тематической группе «Аллюр» отнесено 8 признаков. В тематической группе «Место и способ содержания» представлено 10 признаков. Для иллюстрации проводимого сопоставления в статье приведены 6 таблиц. М.В. Пименовой выполнено описание лексических единиц английского языка, установлены дифференциальные признаки исследуемых слов и словосочетаний со значением «лошадь», «конь», осуществлено обобщение результатов сопоставительного исследования трех лингвокультур. А.Ш. Жилкубаевой описаны лексические единицы казахского языка, установлены дифференциальные признаки казахских слов и словосочетаний, обозначающих коня и лошадь. Ф.Ш. Бекмурзаевой описаны лексические единицы русского языка, определены дифференциальные признаки русских слов и словосочетаний со значением «лошадь», «конь», осуществлено обобщение данных трех лингвокультур в виде таблиц.

Ключевые слова: образ, зооморфизмы, ипполексика, языковая картина мира, лингвокультура.

Цитирование. Пименова М. В., Жилкубаева А. Ш., Бекмурзаева Ф. Ш. Конь и лошадь в английской, казахской и русской языковых картинах мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 75–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.6>

Введение

В современной лингвистике проблема взаимоотношения языка и мышления рассматривается с акцентом на исследование языковой картины мира и лингвокультуры. Народы, говорящие на разных языках, сохраняют национальные стереотипы мышления, закрепленные языковые ассоциации, что детерминировано экстралингвистическими условиями быта и культуры. Еще Эдвард Сепир – один из основателей этнолингвистики – писал о том, что мир, в котором живут общественные образования, говорящие на различных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками [Sapir, 1931, p. 578].

Значительное количество лексических единиц, обозначающих это животное в сравниваемых языках, указывает на необходимость анализа в рамках теории ментальности [Колесов, Пименова, 2016]. По определению В.В. Колесова, «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены

в традиционных символах данной культуры» [Колесов, 1995, с. 15]. Категории и формы родного языка связаны с архетипами: «ментальные архетипы складывались исторически, по определенным, генетически важным принципам, которые и следует описать» [Колесов, 1995, с. 15]. Теория ментальности позволяет соотнести такие понятия, как *культурный фон слова, лингвострановедческий потенциал слова, этнокультурная специфика семантики слова*, которые входят в область лингвокультурологии [Пименова, 2012]. Поиск общих и отличительных черт ипполексики (от греч. *ἵπλος* – лошадь) русского, английского и казахского языков составляет основную задачу проводимого исследования в данной статье. Целью статьи является характеристика лингвокультурных смыслов зооморфного образа коня / лошади в рассматриваемых языках.

Материал и методы

Материалом исследования послужили лексемы, обозначающие коня / лошадь и их качества в русском, английском и казахском языках. Материал для исследования взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgpora.ru), Британского национального корпуса (<https://www.english-corpora.org/bnc>),

интернет-источников, посвященных особенностям селекции и содержания лошадей, а также представляющих ипполексику разных языков (см. список источников). Специфика сравниваемых языковых картин мира обнаруживается в том, что некоторые признаки описываемого животного вербализуются отдельными словами, а некоторые – представлены описательно. Из материала исследования исключены описания таких пород лошадей, как *башкирская лошадь*, *ахалтекинец*, *якутская лошадь* и т. п., так как их названия отражают иноязычные языковые картины мира.

Основными методами, применяемыми в работе, выступают описательный, сопоставительный, интерпретативный, типологический. Типологическими для сравниваемых лингвокультур считаются такие дифференциальные признаки, которые выражены одним словом или устойчивым сочетанием слов.

Результаты и обсуждение

Различные языки включают особый лексический пласт – ипполексику. В сравниваемых языковых картинах мира этот пласт объемлен и занимает значимое место среди зоолексики. Ипполексику является сферой-источником для образования метафор. Научно-технический прогресс изменил образ жизни многих народов. Гужевого транспорт постепенно вытеснялся другими видами транспорта, в том числе механическим, однако семантический след остается в метафорах, которыми называются механические виды транспорта. Казахи автомобиль называют *темір тұлпар* «железный скакун». Русские *железным конем* называют мотоцикл (*оседлать железного коня* «сесть на мотоцикл»), автомобиль (*Белый «железный конь» остановил трамвай на Садовой, застряв посреди перекрестка с Невским* (Фонтанка.ру. 17.03.2020. НКРЯ)). В английском языке сочетанием *iron horse* обозначают велосипеды (американская компания, производящая их, так и называется – «Iron Horse Bicycles»; в 2011 г. был изобретен горный велосипед *Iron Horse Maverick 2.2* и внедрен в промышленность), мотороллеры, мотоциклы, скутеры (в 2020 г. появилась новая модель мотоцикла *Ariel Ace Iron Horse 2020*; разработчик – сомерсетская фирма «Ariel»).

В данной статье ипполексику делится на несколько тематических групп в зависимости от того, какой признак животного она актуализирует: биологический пол; возраст; порода; масть; аллюр; место и способ содержания.

Биологический пол

В каждом из исследуемых языков существует дифференциация животного по признаку пола. Мужская особь называется англ. *horse* – каз. *жылқы* – рус. *конь*, женская – англ. *mare* – каз. *бие* – рус. *кобыла*.

Для сравниваемых лингвокультур актуальными являются такие биологические и функциональные признаки коня, как ‘производительность’ (англ. *stallion* – каз. *айғыр* – рус. *жеребец*), ‘холощенный конь’ (англ. *gelding* – каз. *ат* – рус. *мерин*), ‘скакун’ (англ. *steed* – каз. *тұлпар* – рус. *скакун*), ‘(не)объезженность’ (англ. *untrained / trained steed* – каз. *күйсіз күлік* – рус. *необученный / необъезженный / объезженный скакун*).

Для казахской лингвокультуры значимыми являются такие признаки коня, как: ‘конь благородных кровей’ (*арғымақ*), ‘крупный / выносливый / сильный конь’ (*қазанат*), ‘самый быстрый конь’ (*саңлақ*), ‘быстро скачущий конь’ (*сәйгүлік*), ‘конь, неиспользуемый в качестве производителя по возрасту’ (*сәуір*), ‘мерины / молодые кони’ (*саяқ*).

Лошадь имеет другие функции, соответственно, значимыми будут другие признаки. В трех лингвокультурах она характеризуется признаком ‘взрослая / готовая к воспроизводству особь’ (англ. *not foal mare* – каз. *бедеу бие* – рус. *нежеребившаяся кобыла*).

В язык входит то, что актуально для его носителей. «Лингвальный мир отражен в языковой картине мира. Этот мир создан самим человеком: познавая природу и себя, люди описывали окружающую среду» [Пименова, 2018, с. 92]. В Казахстане сохранился традиционный уклад жизни, связанный с коневодством, и это нашло отражение в казахской языковой картине мира. В казахской лингвокультуре зафиксированы разнообразные признаки, связанные с воспроизводством животных. Для этого в казахском языке существуют несколько слов, обозначающих нюансы смысла, несвойственные для русской и английской лингвокультур:

құнажын «матка на третьем году», қасаба «кобыла-долгожительница», құлық «кобыла-первородка», қысыр «бесплодная кобыла», қысырақ «только что вошедшая в табун, не ожеребившаяся молодая кобыла», мама бие «много раз ожеребившаяся кобыла», наз бедеу «неожеребившаяся красивая кобыла», саба бие «кобыла с большим животом, несколько раз ожеребившаяся кобыла».

Обнаруживается некоторое сходство казахской и английской лингвокультур, актуальным является признак 'необъезженная лошадь': англ. *brumby* и каз. *неук*. Маленькая, но выносливая лошадь в казахском языке имеет особое наименование – *мәстек*, соотносимое, но не идентичное

английскому слову *pony*. Для английской лингвокультуры актуальным становится признак 'нерожавшая кобыла' – *maiden*.

В таблице 1 представлены обобщенные данные по признаку 'биологический пол'.

Таким образом, для коня в сравниваемых лингвокультурах характерны признаки силы, выносливости, скорости. Общими для коня и лошади в трех языковых картинах мира являются признаки 'воспроизводства' и 'объезженности / необъезженности'. В данной тематической группе заметно выделяется количество казахской лексики, ее представляющей, где лошадь различается по признакам, связанным с эстетическим впечатлением.

Таблица 1. Тематическая группа «Биологический пол»

Table 1. Thematic group “Biological gender”

№ п/п	Английский язык	Казахский язык	Русский язык
1	<i>horse</i>	<i>жылқы</i>	<i>конь</i>
2	<i>stallion</i>	<i>айғыр</i>	<i>жеребец</i>
3	<i>horse of noble blood</i>	<i>арғымақ</i>	<i>конь благородных кровей</i>
4	<i>gelding</i>	<i>ат</i>	<i>мерин</i>
5	<i>gray gelding</i>	<i>боз ат</i>	<i>сивый мерин</i>
6	<i>(un)trained steed</i>	<i>күйсіз күлік</i>	<i>(не)объезженный скакун</i>
7	<i>big / hardy / strong horse</i>	<i>қазанат</i>	<i>крупный / выносливый / сильный конь</i>
8	<i>steed</i>	<i>тұлпар</i>	<i>скакун</i>
9	<i>pony</i>	<i>мәстек</i>	–
10	–	<i>саңлақ</i>	–
11	–	<i>сәйгүлік</i>	–
12	–	<i>сәурік</i>	–
13	–	<i>саяқ</i>	–
14	<i>mare</i>	<i>бие</i>	<i>кобыла</i>
15	<i>not foal mare</i>	<i>бедеу бие</i>	<i>неожеребившаяся кобыла</i>
16	<i>brumby</i>	<i>неук</i>	<i>необъезженная лошадь</i>
17	<i>barren mare</i>	<i>қысыр</i>	<i>бесплодная кобыла</i>
18	–	<i>құлық</i>	–
19	–	<i>құнажын</i>	–
20	–	<i>қасаба</i>	–
21	–	<i>қысырақ</i>	–
22	<i>maiden</i>	–	–
23	–	<i>мама бие</i>	–
24	–	<i>наз бедеу</i>	–
25	–	<i>саба бие</i>	–

Возраст

Лингвокультурологически значимыми для казахов выступают признаки ‘самец-трехлетка’ (*дөнен*), ‘кобылица-трехлетка’ (*байтал*), ‘лошадь-пятилетка’ (*бесті*), ‘кобыла-долгожительница’ (*қасаба*), ‘ожеребившаяся лошадь на третьем году’ (*құнажын*). Как видим, акцент дифференциации делается на признаках возраста, когда и конь, и лошадь готовы к воспроизводству, причем для особей женского пола дифференциация более детальная.

Для русской и английской лингвокультур актуален возрастной признак коня и лошади до четырех лет. По-английски такой конь называется *colt*, по-русски – *жеребчик*. Молодую лошадь по-английски называют *filly*, по-русски – *кобылка*.

Взрослые особи противопоставляются молодняку: англ. *foal* – каз. *құлын* – рус. *жеребенок*. Лошади в естественных условиях долго кормят своих жеребят – два или три года. Отсюда в казахском языке особо выделенный признак ‘молодняк-сосун на втором или третьем году’ (*арда емген*). Дифференциальный признак ‘отнятый от молока кобылицы жеребенок’ выражается в английском языке словом *weanling*, в русском – *отъемыш*.

Годовалого жеребенка в сравниваемых языковых картинах мира выделяют особо: англ. *yearling* – каз. *тай* и рус. *стригунок*. В Вологодской области отмечено особое имя *селёток* «жеребенок в возрасте до года» [Сабурова, 2018, с. 10]. Для казахов актуальны такие признаки, как ‘жеребенок в возрасте более шести месяцев, но менее года’ (*жабагы*), ‘жеребенок на третьем году’ (*құнан*).

Функциональные признаки коня и лошади – ‘труд’ и ‘воспроизводство’ – утрачиваются по достижении определенного возраста. Разные породы коней живут разное количество лет. В русском языке старый конь имеет специальные обозначения, связанные с биологическим полом: *кляча* и *одр*. В английском и казахском языках эти понятия выражаются гипонимами: *nag* и *тұғыр* соответственно (табл. 2).

Обобщим полученные результаты.

В казахской языковой картине мира актуальны пять возрастов коня: после полугода, год, два, три и пять лет; три возраста лошади: три, пять лет и долгожительность, которое у каждой породы имеет свои особенности. Для русской языковой картины мира важен годовалый возраст жеребенка и возраст готовности к воспроизводству взрослых особей – коня и

Таблица 2. Тематическая группа «Возраст»

Table 2. Thematic group “Age”

№ п/п	Английский язык	Казахский язык	Русский язык
	horse	жылқы	конь
1	<i>colt</i>	–	<i>жеребчик</i>
2	–	<i>дөнен</i>	–
	mare	бие	кобыла
3	–	<i>байтал</i>	<i>кобылица</i>
4	–	<i>бесті</i>	–
5	<i>brood mare</i>	<i>құнажын</i>	–
6	<i>filly</i>	–	<i>кобылка</i>
7	–	<i>қасаба</i>	–
8	foal	құлын	жеребенок
9	<i>weanling</i>	–	<i>отъемыш</i>
10	<i>yearling</i>	<i>тай</i>	<i>стригунок (селёток вологод.)</i>
11	–	<i>арда емген</i>	–
12	–	<i>жабагы</i>	–
13	–	<i>құнан</i>	–
14	<i>nag</i>	<i>тұғыр</i>	<i>кляча, одр</i>

лошади. Для английской языковой картины мира актуален признак взрослой особи и готовности к воспроизводству в совокупности с признаком биологического пола.

Порода

Все народы, использовавшие лошадей в быту, пытались улучшить их породу. Казахи предпочтению отдавали двум породам, приспособленным к условиям обитания в Великой степи: древней казахской породе (*жабы*) и помеси аргамака с казахской лошастью (*тумыш*).

В Англии существовала своя культура коневодства. Выращенные, разведенные, выведенные кони именуются гипонимом *bred*. В английском языке нашло отражение русское влияние на коневодческую отрасль: выведенных в России коней выделяли особо и называли *Russia-bred*.

Типология русских лошадей и, соответственно, их наименований менялась. Со времен Древней Руси существовало деление лошадей на *милостных*, *сумных* и *поводных*. *Милостные* лошади – те, которых предпочитали князья и высшие государственные и военные мужи. Такие лошади считались дорогим подарком, и иметь их могли не все. *Сумных* лошадей использовали для перевозки грузов. *Поводные* – лошади, которых вели на поводу, обычно в обозе. Основанием для классификации является признак ‘функциональное использование’ лошади.

Применение лошадей в Британии и Новом Свете несколько отличается от того, что было принято на Руси. В основу этой классификации также положен признак ‘функциональное использование’. Чистокровная верховая лошадь *Hack* легкого веса использовалась для прогулочной езды. Крупная, массивная лошадь большой силы *Hunter* считалась охотничьей, она обладала мощным прыжком. В хозяйстве нашла применение лошадь верхово-упряжного типа *Sob*. Она была приучена к седлу. Отличалась большей массивностью, чем охотничья лошадь.

Перечисленные выше типы соотносятся скорее с внешним видом, телосложением и применением конкретной лошади, а не с породой. Русские породы лошадей многочисленны (см., например, материал Н. Не-

хлебовой «10 наших коней»). Охарактеризуем некоторые из них.

Донская лошадь была выведена казаками из степной породы, улучшенная за счет персидских, туркменских, карабахских пород в XVII–XIX вв., использовалась в кавалерии и конной полиции. *Орловская* порода названа в честь ее создателя – графа Орлова-Чесменского; сейчас коренник русской тройки чаще всего именно *орловский рысак*. *Русская верховая порода* тоже была выведена графом Орловым-Чесменским; предназначение лошади – кавалерия и манежные соревнования; вновь появилась в конце XX века. *Русский рысак* был выведен от *орловского рыска* в начале XX в.; считается самой распространенной породой в России; эту породу еще называют *русская рысистая*. *Русский тяжеловоз* относится к типу тяжелоупряжных лошадей; способен тянуть до 26 тонн груза; живет до 25 лет и работает до самой старости. *Воронежский битюг* – по одной из версий, порода, выведенная в XVIII в. в Воронежской губернии крестьянами, жившими рядом с рекой Битюг; способен тянуть до 2 тонн груза; использовался в московских пожарных частях; в середине XX в. исчез. *Владимирский тяжеловоз* выведен в 30-х гг. XX в.; назван по месту выведения породы – Владимирская область; пахал тяжелую землю – суглинок, возил грузы; за 5 минут преодолевает 5 км с грузом в 1,5 тонны. *Вятская* лошадь – старейшая порода, появилась в XIV в. в результате естественного отбора; способна ходить по глубокому снегу; имеет миролюбивый нрав; раньше использовалась в почтовом извозе и в качестве пристяжных в русской тройке. *Буденновская* лошадь выведена для кавалерии по приказу С.М. Буденного в 40-х гг. XX века. *Терская порода* верховых лошадей отличает их по масти – они серебристые с отливом; считается самой молодой породой, обычно используется в цирковых представлениях, конкурсах, сейчас – в конном спорте.

Местом обитания *мезенской* лошади является север России – Архангельская область, Пинега и Ямало-Ненецкий автономный округ; порода появилась в результате естественного отбора; этих лошадей раньше называли *мазенки*, сейчас – *мезенки*; выносливые, морозостойкие, за 5 минут 24 секунды преодолевают 2 км с грузом 1,2 тонны по глубокому снегу.

Печорская лошадь считается результатом естественного отбора местных лошадей и приведенных староверами коней из Московской Руси в XVI–XVIII вв.; обитает в бассейне реки Печоры, включая приполярные зоны; хорошо приспособлена к движению по глубокому снегу, переносит морозы в 40–50 градусов.

Русские породы стали результатом и естественного, и искусственного отбора. Названия лошадиных пород связаны как с местом обитания, так и с именами инициаторов селекции. «Прагматичность картины мира – в том, что при номинации и характеристике животных актуализировались те признаки, наличие которых обеспечивало получение от животных максимальной практической пользы – молока, мяса, сала, шерсти, шкур, меха, навоза, тягловой силы и проч.» [Ильина, Сабурова, Сидорова, 2019, с. 59–60].

В Англии традиции коневодства восходят к давним временам. Самая известная из пород – английская верховая чистокровная лошадь, которую называют *Hackney Horse* (английская скаковая); история этой породы начинается с упряжного норфольдского рысака; ее представители относятся к аллюровым лошадям; проявляют признаки непокорства и буйства; сейчас используются в конном спорте. Порода стала результатом скрещивания местных лошадей с арабским скакуном Бейерлеем в XVII в., позднее – ахалтекинцем Дарлеем и бербером Годольфином. Считается самым быстрым конем в мире. *Cleveland Bay* (кливлендская

гнедая) – самая древняя британская порода; со времен Генриха II служила в королевской гвардии, считается самой лучшей каретной лошадью в Европе; постоянный участник в соревнованиях по драйвингу (упряжек). Король Генрих VIII дал имя другой породе – *Shire* (шайр) – боевым рыцарским коням, появившимся в графствах Линкольншир, Дербишир, Лестершир и Стаффордшир. Это самые большие лошади на Земле. Лошадей ниже 147,3 см в Великобритании именуют *Pony* (пони). Так называлась собственно порода пони, а также помеси пони с верховыми лошадьми.

Систематизируем материал, представив соотношение наименований пород лошадей, основанное на сходстве их свойств и сфере применения (табл. 3).

Поскольку русские конезаводчики уделяли большое внимание селекции лошадей, русская лингвокультура не ограничивается указанными именами 11 пород лошадей: *дончак, орловский рысак, русская верховая, русский тяжеловоз, буденновская лошадь, воронежский битюг, владимирский тяжеловоз, вятская лошадь, терская лошадь, мезенская лошадь, печорская лошадь*. К ним можно причислить *башикирскую лошадь, ахалтекинца, якутскую лошадь* и другие породы. Так как они выведены народами, населявшими Российскую империю, их считают русскими породами, но их названия представляют другие языковые картины мира.

В английской лингвокультуре отмечаются четыре основные породы лошадей, вы-

Таблица 3. Тематическая группа «Порода»

Table 3. Thematic group “Breed”

№ п/п	Английский язык	Казахский язык	Русский язык
	<i>breed</i>	<i>тұқымы</i>	<i>порода</i>
1	<i>Hackney Horse</i>	<i>жабы</i>	<i>дончак / донская лошадь / казачья степная</i>
2	<i>Cleveland Bay</i>	<i>тұмыш</i>	<i>орловский рысак</i>
3	<i>Shire</i>	–	<i>русская верховая / русский рысак / русская рысистая</i>
4	<i>Pony</i>	–	<i>русский тяжеловоз / русская тяжеловозная</i>
5	–	–	<i>буденновская лошадь</i>
6	–	–	<i>воронежский битюг</i>
7	–	–	<i>владимирский тяжеловоз</i>
8	–	–	<i>вятская лошадь</i>
9	–	–	<i>терская лошадь</i>
10	–	–	<i>мезенская лошадь / мазенка / мезенка</i>
11	–	–	<i>печорская лошадь</i>

веденные на территории Британии: *английская скаковая, кливлендская гнедая, пони и шайр*, прославившие английское коневодство. Британскую империю также населяли другие народы, кроме англичан, у которых были выведены свои породы лошадей, например *Jutland* «ютландская». О римском и французском влиянии на коневодство в Британии свидетельствуют заимствованные из латыни и французского языка слова, обозначающие породы, выведенные другими народами: *Camargue* «камаргская лошадь», *Poitou* «пуатуская лошадь», *Boulonnais* «булонская порода», *Percheron* «першерон», *Breton* «бретонская», *Ariegoise* «арьежская» и др. В данной статье они тоже подробно не описываются.

В казахской лингвокультуре отражено наличие двух пород лошадей, приспособленных для жизнедеятельности в степи, – *жабы* и *тумьи*. Именно эти породы считаются казахскими.

Масть

Масть считается важным признаком коня / лошади, что закреплено в соответствующих лексемах и словосочетаниях.

Вороным конь называется по цвету воронового крыла – он черный. Если в русской лингвокультуре этот признак выражен образно, то в казахской и английской для его обозначения используются колоративы – *қара* и *black* соответственно. Английская лингвокультура все же использует похожий с русским образ: *вороной конь* по-английски *Raven black horse* «воронья масть, не выгорающая на солнце», где *Raven* букв. «ворон».

Образным является наименование серой масти коня – *серый в яблоках*, англ. *dapple grey*. В казахской лингвокультуре эта масть названа посредством колоратива: *сұр. Буланой* называется светло-рыжая лошадь с темным хвостом и гривой (по-английски *buckskin*). Светло-рыжая лошадь с белой (светло-серой) гривой и хвостом в русском языке именуется *соловой*, в английском – заимствованным из испанского словом *palomino*, на западе США – *sorrel*, в казахском – *тұзды*. Рыжая масть коня в английской ассоциируется с цветом каштана: *chestnut*.

Сказочный конь из русского фольклора *Сивка-Бурка, вещая каурка* совмещает в себе совершенно различные цвета – сизый, седой

(*сивый*), темно-красный (*бурый*), коричневый (*каурый*). Сложный лингвокультурный смысл не понимается нашими современниками. Он прочитывается только через сохраненную в сказке заговорную формулу: *Сивка-Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой*. «Сивка-бурка символизирует время; в имени “заложено” время солнечного года (зима и лето). В славянском календаре есть месяцы, в названиях которых скрыты смыслы, нами уже не замечаемые; в этих смыслах трудно увидеть признаки листа и травы: *травень* – это май, *листопад* – это ноябрь. Эта привязка к месяцам подтверждает высказанное предположение о двух временах года в славянской картине мира: с мая начиналось лето, с ноября (листопада) – зима» [Пименова, 2018, с. 125].

Часть сказочного имени русского коня – *Бурка* выражает значение темно-рыжей или темно-красной масти. В английском такая масть обозначается цветом запекшегося каштана: *liver chestnut*, в казахском языке – словом *қоңыр*.

Гнедой конь по-казахски зовется *торы*, по-английски – *bay*. Гнедых коней, появившихся в результате естественного отбора, в Англии называют *wild bay* – «дикая» гнедая. *Гнедой* с большими белыми или желтоватыми пятнами около морды конь, чаще малорослый, по-русски называется *мухортым*, по-английски – *rot*, по-казахски – устойчивым выражением *кер ат*. *Чалая* масть коня предполагает преобладание светлых волос на коже животного при любом ее окрасе (англ. *roan*, каз. *аққу*).

Специфическими для русской и английской лингвокультур являются такие названия масти коня, как *пегая, игрневая, мышастая, саврасая, каурая, чубарая*. Русское и английское коневодство оказали значительное влияние друг на друга, отсюда – взаимопроникновение смыслов, относящихся к этой сфере.

Пегая лошадь (амер. *pinto*) – та, у которой на темной коже есть большие белые пятна неправильной формы. *Игрневый* конь – бурый или рыжий со светло-серым или дымчатым хвостом и гривой круглый год. Цвет масти такого коня в английской лингвокультуре ассоциируется с цветом льна и каштана: *flaxen chestnut*. *Мышастая* лошадь имеет серый цвет шерсти; голени, грива и хвост у нее черные, шея обязательного цвета золы. Если в русском языке масть ассоциируется с цветом другого

животного – мыши, то в английской – как с цветом мыши (брит. разг. *mouse* – «мышастая»), так и с цветом неба (брит. *blue* – «мышастая»).

Саврасый конь – рыжеватый с черными хвостом, гривой и его ноги понизу черные, живот заметно светлее спины, по спине может идти темная полоса. В английской лингвокультуре отмечено слово *dun*, обозначающее как группу мастей на основе «дикого» гена (*мышастая, саврасая, кауряя*), так и саврасую, гнедо-саврасую масть. Кроме того, саврасая масть в английском передается образными языковыми средствами: розово-саврасая, саврасая с персиковым оттенком лошадь – *apricot dun*, гнедо-саврасая – *bay dun*, светло-саврасая с почти белым корпусом – *buttermilk dun*, светло-саврасая – *yellow dun*.

Рыжеватая лошадь с рыжегато-коричневой гривой и хвостом с темными суставами на ногах в русском языке называют *каурой* (или *кауркой* в русских народных сказках), в английском описательно – *red dun*.

Если конь имеет белую шерсть с темными пятнами любого цвета, то он в русском языке называется *чубарым*. В американском

английском отмечено два варианта названий чубарой масти, отличающейся от русской: это заимствованное слово из языка местного населения Америки *appaloosa* (амер. «чубарая»). Второе слово относится к пони: *appu* (амер. разг. «чубарая (о пони)»).

В английском коневодстве есть две особые масти коня, одна из которых – тигровая – обозначается словом *brindle*. У такого коня по всему корпусу идут узкие темные полосы. Вторая масть – крапчатая: брит. *speckled* – «в гречку».

Специфика казахской лингвокультуры отображается в слове со значением такой масти коня, как *шабдар* (по-казахски букв. «персики»). *Шабдар* – рыжий конь, у которого светлые, белые грива и хвост.

Существует общий комплексный признак конской масти, который выражается описательно в сравниваемых лингвокультурах: англ. *gray gelding* – каз. *боз ат* – рус. *сивый мерин* («масть» + «охлажденность»). Синкретизм соответствующего понятия указывает на отсутствие предпочтения данной масти в сравниваемых лингвокультурах: чтобы конь такой масти не размножался, его холостили (табл. 4).

Таблица 4. Тематическая группа «Масть»

Table 4. Thematic group “Colour”

№ п/п	Английский язык	Казахский язык	Русский язык
	<i>colour</i>	<i>түр ат</i>	<i>масть</i>
1	<i>gray gelding</i>	<i>боз ат</i>	<i>сивый мерин</i>
2	<i>rot</i>	<i>кер ат</i>	<i>мухортый</i>
3	<i>buckskin</i>	<i>құла</i>	<i>буланый</i>
4	<i>bay / wild bay</i>	<i>торы</i>	<i>гнедой</i>
5	<i>black</i>	<i>қара</i>	<i>вороной</i>
6	<i>dapple grey</i>	<i>сұр</i>	<i>серый в яблоках</i>
7	<i>liver chestnut</i>	<i>қоңыр</i>	<i>бурый / бурка</i>
8	<i>palomino / sorrel</i>	<i>тұзды</i>	<i>соловый</i>
9	<i>roan</i>	<i>аққу</i>	<i>чалый</i>
10	<i>flaxen chestnut</i>	–	<i>игрневый</i>
11	<i>blue</i>	–	<i>мышастый</i>
12	<i>red dun</i>	–	<i>каурый / каурка</i>
13	<i>pinto</i> (амер.)	–	<i>негий</i>
14	<i>brindle</i>	–	–
15	<i>chestnut</i>	–	–
16	–	<i>шабдар</i>	–
17	–	–	<i>саврасый</i>
18	–	–	<i>чубарый</i>

Как показывает сопоставление названий мастей коней, русская и английская лингвокультуры богаче в этом отношении: 15 слов со значением масти. В русских диалектах до сих пор сохраняются эти названия, используемые как клички коня: «В номинациях лошадей широко используется и масть животного: *буслая, серая, гороховая, русак, вороной, лысан, рыжуха, карюха, ягушка, пеганушка* и др.» [Ильина, Сабурова, Сидорова, 2019, с. 52].

В казахской лингвокультуре отмечено 10 слов и устойчивых сочетаний со значением «масть коня». Эти слова до сих пор широко используются в современном казахском языке.

Аллюр

В коневодстве важны виды походки коня, которые называют заимствованным словом *аллюр* (фр. *allure* «походка, бег»). В русской традиции виды походки коня именуется словом *ходы*. Обычно выделяют пять основных видов походки: *рысь, иноходь, галоп, в карьер, шаг*.

В английском языке существует слово *trot* для обозначения короткой рыси у лошади, которое было заимствовано русским языком в виде кальки. Иноходь по-английски называется *pace*, медленная иноходь – *ambler*, четырехтактная иноходь – *stepping pace*, трусца – *jogging*, шаг – *walk*. Существует слово для обозначения специального аллюра в езде вестерн – *jog*. Заимствованное из французского слово *galop* перешло в английский и русский языки. По-казахски галоп – *өтірік*.

В казахской лингвокультуре иноходец называется *жорға*. В этом языке отобразились

такие виды аллюров коня, как *өтірік, жорға, карьерге, жортақ, жүгіру, баспалдақ*.

В русской лингвокультуре слов, называющих аллюры, больше. К ним относятся уже упомянутые *рысь, иноходь, галоп, в карьер, шаг*, дополненные словами *рысца, трусца*. При этом слово *карьер* заимствовано из французского языка как русским, так и в казахском языке (табл. 5).

Из восьми видов походки коня в английской лингвокультуре специальные названия имеют только шесть: *gallop, pace / ambler, trot, jogging, walk, jog*; в казахской тоже шесть видов походки: *жорға, жортақ, жүгіру, өтірік, баспалдақ, карьерге*; в русской лингвокультуре – семь: *иноходь, рысь, рысца, трусца, шаг, галоп, в карьер*.

Место и способ содержания

Сравниваемые лингвокультуры отражают особенности содержания коней. Географически удаленные друг от друга Англия, Россия и Казахстан различаются климатом, укладом жизни, культурой, что наложило отпечаток на языки.

Русская и английская традиции селекции лошадей закрепили ряд слов со значением «место содержания» коней. В английском – это *stud / farm*, в русском языке – *конезавод* «племенное хозяйство». Во многих усадьбах в России и Англии для коней были построены *конюшни* (англ. *stable*, амер. *barn*), где каждую лошадь держали в отдельном стойле (англ. *stall*), которое называли по-русски *денник*, по-английски *box / loose-box*, где лошадей кор-

Таблица 5. Тематическая группа «Аллюр»

Table 5. Thematic group “Allure”

№ п/п	Английский язык	Казахский язык	Русский язык
	<i>allures</i>	<i>жету</i>	<i>ходы</i>
1	<i>gallop</i>	<i>өтірік</i>	<i>галоп</i>
2	<i>pace / ambler</i>	<i>жорға</i>	<i>иноходец / иноходь</i>
3	<i>jogging</i>	<i>жүгіру</i>	<i>трусца</i>
4	<i>walk</i>	<i>баспалдақ</i>	<i>шаг</i>
5	–	<i>карьерге</i>	<i>в карьер</i>
6	<i>trot</i>	–	<i>рысь / короткая рысь</i>
7	–	<i>жортақ</i>	<i>рысца</i>
8	<i>jog</i>	–	–

мили в *яслях* – кормушке (англ. *manger*). Стадо коней в казахском языке – *табын* (рус. *табун / гурт*, англ. *herd*). Слово *herd* в английском языке заимствовано и восходит к тюркскому слову *орда*. Русское слово *табун* также имеет тюркское происхождение.

Казахи до сих пор следуют национальным традициям сезонного содержания коней. Существует два пастбища: летнее (*джайла, жайлау, эйлаг* «летовка») и зимнее (*тебіндеу* «тебеневка»).

На пастбищах лошадей делят следующим образом: формируется гурт кобылиц с одним жеребцом из табуна (по-русски – *косяк*, по-казахски – *үйір*), мерингов объединяют в отдельный табун (по-казахски – *саяқ жылқы*).

Русская культура размещения лошадей в конюшнях подобна английской. Однако летом в России их принято выпасать на пастбищах. Этот способ содержания лошадей сближает русскую лингвокультуру с казахской (табл. 6).

Русскую, казахскую, английскую и многие другие лингвокультуры объединяет то, что в них конь / лошадь занимает значимое место в системе образов и символов. На это указывают образные признаки концепта *конь* в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гюльсары!», мифосимволизм лошади / коня обнаруживается в русской языковой картине мира [Бекмурзаева, 2018; 2020]. В качестве примеров назовем *птицу-тройку* – известный символ России, *Сивку-Бурку* из русских сказок, крылатого коня казахского эпоса *Тұлпар*. У казахов есть выражение *Ат – жігіттің қанаты* (Конь – крылья джигита). По казахским преданиям, звезды Ақбозат и Көкбозат – это кони,

взлетевшие в небо. У англичан еще в XV в. *Horsa* было именем собственным. В британской истории известен король Кента *Horsa* (др.-англ. *Horsa* «лошадь»), правивший в IV веке. На юге Англии в графстве Оксфордшир недалеко от местечка Уффингтон есть холм с геоглифом белой скачущей лошади, считающейся духом-охранителем данной местности.

Выводы

Как показало исследование ипполексики, сфера коневодства занимает важное место в английской, казахской, русской лингвокультурах. В этой сфере выделяется несколько субсфер: биологический пол; возраст; порода; масть; аллюр; место и способ содержания. Каждая из указанных субсфер имеет как универсальные, так и специфические дифференциальные признаки, характеризующие одну из анализируемых лингвокультур.

Установлена асимметрия реализации лингвокультурных смыслов в сравниваемых языковых картинах мира. Тематическая группа «Биологический пол» включает 25 признаков, из них 24 представляют казахский язык (что указывает на подавляющее количество лексики из казахского языка), 14 – английский, 12 – русский. Слова, обозначающие животного, четко разграничивают половые признаки в сопоставляемых лингвокультурах: англ. *horse – mare*, каз. *жылқы – бие*, рус. *конь – кобыла* (мужской – женский пол соответственно).

В тематическую группу «Возраст» объединены 14 признаков: 11 – из казахского язы-

Таблица 6. Тематическая группа «Место и способ содержания»

Table 6. Thematic group “Place and method of detention”

№ п/п	Английский язык	Казахский язык	Русский язык
1	<i>stud / farm</i>	–	<i>конезавод</i>
2	<i>stable / barn</i> (амер.)	–	<i>конюшня</i>
3	<i>stall</i>	–	<i>стойло</i>
4	<i>box / loose-box</i>	–	<i>денник</i>
5	<i>manger</i>	–	<i>кормушка / ясли</i>
6	–	<i>джайла, жайлау, эйлаг</i>	–
7	–	<i>тебіндеу</i>	–
8	<i>herd</i>	<i>табын</i>	<i>гурт / табун</i>
9	–	<i>үйір</i>	<i>косяк</i>
10	–	<i>саяқ жылқы</i>	–

ка, по 7 признаков из английского и русского языков. К тематической группе «Порода» отнесены 11 признаков, из них 11 – из русского языка, 4 – из английского языка, 2 – из казахского языка. Эта группа тесно связана с традицией селекции животных в изучаемых лингвокультурах. Тематическую группу «Масть» образуют 18 дифференциальных признаков, из них: 15 не полностью совпадающих признаков английского и русского языков, 10 признаков казахского языка. Тематическая группа «Аллюр» состоит из 8 признаков: 7 признаков вербализуются словами из русского языка, 6 признаков – словами из английского и казахского языков. Тематическая группа «Место и способ содержания» представлена 10 признаками: 7 признаков – из русского языка, 6 – из английского, 5 – из казахского.

Из исследуемых лингвокультур казахская оказалась наиболее устойчивой к бытовым, культурным и техническим изменениям в обществе – в Казахстане сохранилась традиция разведения лошадей. В России и Англии эта традиция воссоздается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекмурзаева Ф. Ш., 2018. Образные признаки концепта *конь* в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов : Международная научно-практическая конференция. 12 декабря 2018 г., Казань : сб. материалов / сост.: Ф. Х. Миннуллина, А. Ф. Ганиева, Л. Р. Надыршина. Казань : Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова. С. 58–62.
- Бекмурзаева Ф. Ш., 2020. Мифосимволическая составляющая анималистического концепта *лошадь / конь* в русской языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 22, № 1. С. 216–225.
- Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Сидорова Т. А., 2019. КОНЬ / ЛОШАДЬ в языковой картине мира севернорусского крестьянина // Вестник Череповецкого государственного университета. № 4 (91). С. 50–64.
- Колесов В. В., 1995. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск : ПГУ. С. 13–24.
- Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М. : Флинта : Наука. 136 с.
- Пименова М. В., 2012. Языковая картина мира. М. : Флинта : Наука. 108 с.
- Пименова М. В., 2018. Этногерменевтика русской сказки. М. : ИНФРА-М. 355 с. (Науч. мысль).
- Сабурова Л. В., 2018. Домашние и дикие животные в языковой картине мира Вологодского крестьянина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сабурова Людмила Вадимовна. Вологда. 19 с.
- Sapir E., 1931. Conceptual Categories in Primitive Language // Science. Vol. 74. P. 578.

ИСТОЧНИКИ

- Английские лошади. URL: https://web-zoopark.ru/loshadi/anglijskie_loshadi.html (дата обращения: 29.05.2020).
- Британский национальный корпус. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (дата обращения: 29.05.2020).
- Какие бывают масти у лошадей? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dc83dd7e482af743b16869f/kakie-byvaiut-masti-u-loshadei-znaesh-li-ty-masti-loshadei-davaite-vmeste-razberem-5e8f998f1689ed0953533f34> (дата обращения: 22.05.2020).
- Казахские пословицы о лошади – Мақал, мәтелдер туралы ат, жылқы. URL: http://proverb.kazakh.ru/horse/index.php?sort=cnt&CODE=horse&PAGEN_1=3 (дата обращения: 26.05.2020).
- Көтерме – древний и малоизвестный обычай казахов. URL: <https://365info.kz/2018/06/kotermedrevnij-i-maloizvestnyj-obyhaj-kazahov> (дата обращения: 21.05.2020).
- Коннозаводство : Мезенская порода лошадей. URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/konevodstvo/577.html> (дата обращения: 22.05.2020).
- Курпякова Н. Доминанты культурной жизни номадов // Казахстанская правда. 2019. 17 янв. URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/dominanti-kulturnoi-zhizni-nomadov> (дата обращения: 24.05.2020).
- Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 22.05.2020).
- Нехлебова Н. 10 наших коней: от орловского рысака до Коня-Горбунка // Огонек. 2019. 8 июля (№ 26 (5571)). С. 30. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4019330> (дата обращения: 27.05.2020).
- Оразбек Е. Роль жайлау в системе кочевого скотоводства казахов. URL: <https://e-history.kz/media/upload/1466/2014/08/26/593a325bb0bac839afb450360a4424a5.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).
- Печорская лошадь. URL: <http://konevodstvo.su/books/item/f00/s00/z0000017/st111.shtml> (дата обращения: 24.05.2020).

Словарь конно-спортивных терминов (англо-русский). URL: https://vk.com/topic-61330602_34063448 (дата обращения: 29.05.2020).

REFERENCES

- Bekmurzaeva F.Sh., 2018. *Obraznye priznaki kontsepta kon v povesti Ch. Aytmatova «Proshchay, Gulsary!»* [The Figurative Signs of the Horse Concept in the Novel by C. Aitmatov "Farewell, Gulsary!"]. Minnullina F.H., Ganieva A.F., Nadyrshina L.R., eds. *Vozrozhdenie natsionalnykh literatur vo vtoroy polovine XX veka i Chingiz Aytmatov: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. 12 dekabrya 2018 g., Kazan: sb. materialov* [The Revival of National Literatures in the Second Half of the XX Century and Chingiz Aitmatov: International Scientific-Practical Conference. December 12, 2018, Kazan. Proceedings]. Kazan, Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova, pp. 58-62.
- Bekmurzaeva F.Sh., 2020. *Mifosimvolicheskaya sostavlyayushchaya animalisticheskogo kontsepta loshad/kon v russkoy yazykovoy kartine mira* [The Mythosymbolic Component of the Horse Animal Concept in the Russian Language Picture of the World]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 22, no. 1, pp. 216-225.
- Ilyina E.N., Saburova L.V., Sidorova T.A., 2019. *KON / LOSHAD v yazykovoy kartine mira severnorusskogo krestyanina* [Horse in the Language World Picture of the North Russian Peasant]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 4 (91), pp. 50-64.
- Kolesov V.V., 1995. *Mentalnye kharakteristiki russkogo slova v yazyke i v filosofskoy intuitsii* [Mental Characteristics of the Russian Word in Language and in Philosophical Intuition]. *Yazyk i etnicheskij mentalitet* [Language and Ethnic Mentality]. Petrozavodsk, PGU, pp. 13-24.
- Kolesov V.V., Pimenova M.V., 2016. *Yazykovye osnovy russkoy mentalnosti* [The Linguistic Basis of the Russian Mentality]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 136 p.
- Pimenova M.V., 2012. *Yazykovaya kartina mira* [The Language Picture of the World]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 108 p.
- Pimenova M.V., 2018. *Etnogermenevtika russkoy skazki* [Ethnohermeneutics of a Russian Fairy Tale]. Moscow, INFRA-M Publ. 355 p. (Nauchnaya mysl [Scientific Thought]).
- Saburova L.V., 2018. *Domashnie i dikie zhivotny v yazykovoy kartine mira Vologodskogo*

krestyanina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Domestic and Wild Animal in the Linguistic Picture of the World of the Vologda Peasant. Cand. Philol. Sci. Abs. Diss.]. Vologda. 19 p.

Sapir E., 1931. *Conceptual Categories in Primitive Language*. *Science*, vol. 74, p. 578.

SOURCES

- Angliyskie loshadi* [English Horses]. URL: https://web-zoopark.ru/loshadi/angliyskie_loshadi.html (accessed 29 May 2020).
- Britanskiy natsionalnyy korpus* [British National Corpus]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (accessed 29 May 2020).
- Kakie byvayut masti u loshadey?* [What Are the Colors of Horses?]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dc83dd7e482af743b16869f/kakie-byvaiut-masti-u-loshadei-znaesh-li-ty-masti-loshadei-davaite-vmeste-razberem-5e8f998f1689ed0953533.0534> (accessed 22 May 2020).
- Kazakhskie posloviцы o loshadi – Maşal, mätelder turaly at, zhylyqy* [Kazakh Proverbs – Mazal, telder turaly / About the Horse – At, zhyly]. URL: http://proverb.kazakh.ru/horse/index.php?sort=cnt&CODE=horse&PAGEN_1=3 (accessed 26 May 2020).
- Koterme – drevniy i maloizvestnyy obyčaj kazakhov* [Köterme Is an Ancient and Little-Known Custom of the Kazakhs]. URL: <https://365info.kz/2018/06/koterme-drevnij-i-maloizvestnyj-obyčaj-kazahov> (accessed 21 May 2020).
- Konnozavodstvo: Mezenskaya poroda loshadey* [Horse Breeding: Mezen Breed of Horses]. URL: <http://www.goldmustang.ru/magazine/konevodstvo/577.html> (accessed 22 May 2020).
- Kurpyakova N. *Dominanty kulturnoy zhizni nomadov* [Dominants of the Cultural Life of Nomads]. *Kazahstanskaya pravda*, 2019, January 17. URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/dominanti-kulturnoi-zhizni-nomadov> (accessed 24 May 2020).
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed 22 May 2020).
- Nekhlebova N. *10 nashikh koney: ot orlovskogo rysaka do Konya-Gorbunka* [10 of Our Horses: From the Oryol Trotter to the Humpbacked Horse]. *Ogonek*, 2019, July 8, no. 26 (5571), p. 30. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4019330> (accessed 27 May 2020).
- Orazbek E. *Rol zhaylau v sisteme kochevogo skotovodstva kazakhov* [Role of Zhailau in the System of Nomadic Cattle Breeding of Kazakhs]. URL: <https://e-history.kz/media/up>

load/1466/2014/08/26/593a325bb0bac839afb450360a4424a5.pdf (accessed 29 May 2020).
Pechorskaya loshad [Pechora Horse]. URL: <http://konevodstvo.su/books/item/f00/s00/z0000017/st111.shtml> (accessed 24 May 2020).

Slovar konno-sportivnykh terminov (anglo-russkiy) [Dictionary of Equestrian Terms (English-Russian)]. URL: https://vk.com/topic-61330602_34063448 (accessed 29 May 2020).

Information About the Authors

Marina V. Pimenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Rector, Institute of Foreign Languages, 12-ya liniya VO, 13, 199178 Saint Petersburg, Russia, MVPimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Amantay Sh. Zhilkubaeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Kazakh, Russian Philology and Journalism, East Kazakhstan State University named after S. Amanzholov, 30-y Gvardeyskoy Divizii St, 34, 070002 Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan, dias_ai50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0606-9239>

Feruzha Sh. Bekmurzaeva, Lecturer, Department of Foreign Languages, Military Institute (Engineering) of the Military Academy of Logistics, named after Army General A.V. Khrulev, Zakharyevskaya St, 22, 191123 Saint Petersburg, Russia, bekmur-feruzha93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Информация об авторах

Марина Владимировна Пименова, доктор филологических наук, профессор, ректор, Институт иностранных языков, 12-я линия ВО, 13, 199178 г. Санкт-Петербург, Россия, MVPimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Амантай Шаймардановна Жилкубаева, доктор филологических наук, доцент кафедры казахской, русской филологии и журналистики, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, ул. 30-й Гвардейской Дивизии, 34, 070002 г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, dias_ai50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0606-9239>

Феруза Шухратовна Бекмурзаева, преподаватель кафедры иностранных языков, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, ул. Захарьевская, 22, 191123 г. Санкт-Петербург, Россия, bekmur-feruzha93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.7>

UDC 81'373.23
LBC 81.053.16

Submitted: 12.07.2020
Accepted: 02.12.2020

**NATIONAL-AND-CULTURAL SPECIFICITY OF BIBLICAL ANTHROPONYMS
IN THE COMPOSITION OF SPANISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS:
DYNAMIC ASPECT**

Oksana V. Fedosova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Marina V. Kutieva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a synchronous comparative analysis of the semantic structure of biblical anthroponyms *Matusalén / Mafusail (Methuselah)*, *Adán / Adam*, *Lázaro / Lazar* as part of the Spanish and Russian phraseological units. The research aims at determining and comparing the national-and-cultural specifics of biblical anthroponyms in the Spanish language worldview against the background of the Russian one, and elucidates the cognitive basis of this specificity. The methods of phraseological identification, vocabulary definitions analysis, functional-and-pragmatic interpretation have been used. The main methods applied are component, discursive, linguo-cultural and comparative analysis. It is concluded that national-and-cultural specificity of biblical-anthroponyms in the Spanish language picture of the world is manifested in the contradiction between the actual and etymological meanings of biblical anthroponyms, in the stylistic detraction of biblical images, their habitation and desacralization with the predominance of pejorative assessment. In Russian linguoculture, biblical anthroponyms mostly retain their original etymology, relate to moral categories and internal characteristics of a person, while in Spanish they are associated with external, physical characteristics. In everyday Spanish discourse, there is a further expansion and detraction in the semantics of bibleisms, their reinterpretation within the tendency to carnivality, resulting from implementation of humorous attitude to reality comprehension.

Key words: anthroponym, bibleism, phraseology, meaning, connotation, language worldview, national mentality.

Citation. Fedosova O.V., Kutieva M.V. National-and-Cultural Specificity of Biblical Anthroponyms in the Composition of Spanish and Russian Phraseological Units: Dynamic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 89-100. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.7>

УДК 81'373.23
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 12.07.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БИБЛЕЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ
В СОСТАВЕ ИСПАНСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ:
ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Оксана Витальевна Федосова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Марина Викторовна Кутьева

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен синхронный компаративный анализ семантической структуры библейских антропонимов *Matusalén / Мафусаил*, *Adán / Адам*, *Lázaro / Лазарь* в составе фразеологизмов ис-

панского и русского языков. В целях определения национально-культурной специфики библейских антропонимов в испанской языковой картине мира на фоне русской языковой картины мира, выяснения когнитивной основы такой специфики использованы методы фразеологической идентификации, словарных дефиниций, функционально-прагматической интерпретации, а также методы компонентного, дискурсивного, лингвокультурологического и компаративного анализа. Сделаны выводы о том, что национально-культурные особенности библеизмов-антропонимов в испанской языковой картине мира проявляются в противоречии между их актуальным и этимологическим значениями, в стилистическом снижении библейских образов, их обытовлении и десакрализации с преобладанием пейоративной оценки. В русской лингвокультуре библеизмы-антропонимы в основном сохраняют свои первоначальные значения, соотносятся с моральными категориями и внутренними характеристиками человека, тогда как в испанской лингвокультуре они ассоциируются с внешними, физическими признаками. В обиходном испанском дискурсе происходит дальнейшее расширение и снижение семантики библеизмов, их переосмысление в русле карнавальности как следствие реализации смеховой установки в интерпретации действительности.

Ключевые слова: антропоним, библеизм, фразеология, значение, коннотация, языковая картина мира, национальный менталитет.

Цитирование. Федосова О. В., Кутьева М. В. Национально-культурная специфика библейских антропонимов в составе испанских и русских фразеологизмов: динамический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 89–100. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.7>

Введение

Библейские образы и сентенции, бесспорно, отражают важнейшие концепты общехристианской культуры, как и всякой национальной культуры, развившейся в лоне христианства, независимо от его разновидности, и принявшей в качестве культурного кода тот вид мировоззрения, который был заложен в канонических книгах Старого и Нового Завета. В национальных языках данный культурный код наиболее наглядно отражен в так называемых библеизмах (антропонимах и топонимах библейского происхождения) и библейских фразеологизмах, которые в силу общей культурной основы имеют не национальный, а универсальный характер, что позволяет исследователям квалифицировать данные языковые единицы как «*européismos culturales*» [Corpas Pastor, 2003, p. 279], «*widespread idioms*» [Piigainen, 2005; 2012] или традиционно относить их к фразеологическим интернационализмам [Молотков, 1977, с. 219]. Их идентификация и интерпретация представителями разных культур имеют универсальный характер. Так, в большинстве языковых картин мира царь Ирод предстает аллегорией деспотизма и жестокости, апостол Фома – неверия, святой Иов, ставший редкой фигурой в современном русском дискурсе, – бесконечного терпения, а Самсон – силы и мужественности. Эти имена-универсалии входят в состав фра-

зеологических единиц (далее – ФЕ) в большинстве европейских языков.

Однако наряду с общей основой, определяющей универсальность значения ФЕ библейского происхождения, семантика, выраженная, как правило, антропонимом, часто по-разному преломляется в разных языковых картинах мира. Отталкиваясь от архетипа, библейские антропонимы как особый класс лексических единиц претерпевают разнообразные семантические сдвиги и приращения [Дубровина, 2002; Жолобова, 2004]. Данные процессы в языке определяются особенностями национальной ментальности и происходят, образно говоря, под ее «давлением», проявляясь прежде всего в обиходном дискурсе как наименее кодифицированном и подвижном с точки зрения изменения словарного состава. Отбор библейских образов и основанных на них фразеологизмов, а также их рекуррентность и вариативность неизбежно определяются особенностями национального мышления, характера и мировосприятия. Так, один и тот же библейский персонаж или сюжет в одном языке может дать жизнь высоко рекуррентному библейскому фразеологизму, а в другом языке воплотиться нефразеологическим образом или вообще кануть в Лету. Например, в испанской языковой картине мира силач Самсон стал денотативным источником фразеологизма *Más fuerte era Sansón y le venció el amor* (букв. ‘Самсон был сильнее, но и его

сразила любовь'), а младший сын Иакова и Рахили Вениамин – оборота *El Benjamín de la familia* (букв. 'Вениамин семьи'), обозначающего самого любимого и самого младшего члена семьи. Обе эти ФЕ не имеют эквивалентов в русской языковой картине мира.

Однако в большей степени национальная ментальность проявляет себя при переосмыслении библейских образов-антропонимов, что неизбежно проецируется на семантическую структуру идиоматических оборотов с компонентом-библейзмом, предопределяя их различия в национальных языках уже на уровне денотата. Это влечет за собой и различия в коннотативной составляющей денотативно-сигнификативного макрокомпонента ФЕ.

В рамках данной статьи мы поставили перед собой взаимосвязанные цели: определение национально-культурной специфики библейских антропонимов в испанской языковой картине мира в сопоставлении с русской языковой картиной мира и выявление когнитивной основы этой специфики. На достижение этих целей направлено решение следующих задач: 1) установить актуальные значения конкретных антропонимов-библейзмов и их коннотативную составляющую в испанских и русских фразеологизмах; 2) сопоставить семантическую структуру фразеологизмов библейского происхождения в испанском и русском языках; 3) определить основу структурно-семантических различий и коннотативной составляющей денотативно-сигнификативного макрокомпонента ФЕ в испанском и русском языках.

Методология и источники исследования

Обозначенные нами цели и задачи определили материал, источники и методы исследования. В качестве материала для анализа были выбраны библеизмы-антропонимы *Matusalén*, *Adán* и *Lázaro* как денотативно-сигнификативные макрокомпоненты ряда рекуррентных ФЕ современного испанского дискурса и их соответствия в русском языке.

Источниками материала послужили толковые и фразеологические словари русского и испанского языков, а также дискурсивный контент испанских интернет-форумов, совре-

менной испанской периодики, беллетристики и художественной литературы.

Основными методами исследования стали методы фразеологической идентификации, словарных дефиниций, компонентного анализа, интерпретации, дискурс-анализ, а также метод компаративного анализа, который позволяет выявить культурную специфику библейских антропонимов и основанных на них фразеологических единиц в национальных языковых картинах мира.

Результаты и обсуждение

Matusalén – *Мафусаил*

Рассмотрим в качестве примера испанский фразеологизм *ser más viejo que Matusalén* – букв. 'быть древнее, чем Мафусаил'¹, варианты: *vivir más años que Matusalén* – букв. 'жить дольше, чем Мафусаил' и *tener más años que Matusalén* – букв. 'иметь больше лет, чем Мафусаил'. Смысловое ядро данной ФЕ, ее интегральная сема выражены библеизмом-антропонимом *Matusalén* (*Мафусаил*), значение которого согласно «Словарю испанского языка Испанской Королевской Академии» (DRAE) определяется как «*hombre de mucha edad*» – «человек в преклонном возрасте» / «старый человек». Это же значение зафиксировано в двуязычных испанско-русских словарях в следующей трактовке: «древний старец; долгожитель» (БИРС, с. 498).

В современном испанском дискурсе наблюдается модификация в структуре семантики библеизма-антропонима *Matusalén* за счет подмены денотата путем метафорического переноса значения с человека на предмет при сохранении основной сигнификативной семы 'почтенный возраст'. Так, образ библейского старца используется для обозначения территорий проживания долгожителей: *tierra de Matusalén* (*Vizoso*) – букв. 'земля Мафусаила'; для того, чтобы подчеркнуть солидный срок выдержки алкогольного напитка: *Descubren que el ron cubano Matusalem tiene su origen en Lloret de Mar* (*El periódico*) – букв. 'Обнаружено, что местом происхождения кубинского рома-Мафусаила является испанская провинция Lloret de Mar'; этим же именем ис-

панские биологи назвали мутацию, тестируемую ими на мухах и наделяющую последних изрядной сопротивляемостью: *La mutación Matusalén otorga a la mosca de la fruta gran longevidad y Resistencia* (Carmena) – ‘Мутация Мафусаил увеличивает жизнь фруктовых мушек и их устойчивость к болезням’. Разгневанные испанские туристы в Индии не могли уснуть в душном номере из-за шума, производимого старым кондиционером. В своем отзыве они сравнивают этот бытовой прибор с Мафусаилом: *Aire acondicionado más viejo que Matusalén* (Rampratap Palace) – ‘Кондиционер древнее Мафусаила’. К образу Мафусаила обращаются журналисты испанской газеты «El País», анализируя предложенную правительством новую политику: *Ya podemos decir que la nueva política es más vieja que Matusalén* (El País) – ‘Теперь видно, что эта новая политика древнее Мафусаила’.

Задержавшийся на своем посту до преклонных лет, кубинский лидер Фидель Кастро также нередко удостоивался прозвища Мафусаил: *Bromeando en serio ¿Fidel Castro Matusalén? La Biblia nos cuenta en el libro de Génesis, que Matusalén, el hombre más viejo que ha existido sobre la tierra, vivió 969 años. Pues bien, hace ya como dos meses, más o menos, me parece haber leído en este mismo periódico, que el dictador cubano Fidel Castro, en la opinión de su médico personal, era un hombre muy fuerte y que viviría por lo menos 140 años. Esto si lo dejan... pues no creo que los isleños lo soporten tanto* (Sarbelio) – ‘Ну а если всерьез? Может быть Фидель Кастро, на самом деле, Мафусаил? В библейской книге Бытия говорится, что Мафусаил был самым старым человеком из всех, когда-либо живших на земле. Он прожил 969 лет. А я около двух месяцев назад читал, кажется, в этой же газете, что, по мнению личного врача Фиделя Кастро, он очень крепкий человек и проживет как минимум 140 лет. Но это, если ему позволят... не думаю, что жители острова будут его столько терпеть’.

Семантика библеизма «Мафусаил» в испанском национальном дискурсе распространяется не только на поле «человек», но также на семантическое поле «время», высвечивая в нем значения рудиментарности и архаичности. Так, К. Фор, автор женской истори-

ко-политической энциклопедии, считает обязательный женский домашний труд явлением, давно изжившим себя, и квалифицирует его как атрибут времен Мафусаила: *es preciso que la república de los soviets alivie el destino de la mujer trabajadora y la libere de obligaciones domésticas que se remontan a los tiempos de Matusalén* (Fauré, p. 452) – букв. ‘Необходимо, чтобы советская республика облегчила участь трудящейся женщины и освободила ее от обязанностей домашнего труда, которые восходят к временам Мафусаила’.

Количество вариантов использования библейских антропонимов в испанском дискурсе велико. Приведенные выше примеры показывают, насколько легко оперируют библеизмами испанцы, используя их в самых неожиданных контекстах для выражения как позитивной, так и негативной оценки, нередко переиначивая в смеховом аспекте, модифицируя первичную семантику образов и изначально заложенную в них коннотацию. В современном испанском дискурсе семантическая структура библейского антропонима *Matusalén* меняется: первичный денотативный компонент – «долгожитель» / «старый человек» – с заложенной в нем изначально мельоративной коннотацией, ассоциирующейся с такими чертами достигшего преклонных лет человека, как благочестие и мудрость, заменяется денотатом – неодушевленным объектом на основе единственного признака «старость». При этом коннотация в дискурсе приобретает, за редкими исключениями, прямо противоположный, пейоративный оттенок.

Отдельного комментария заслуживает пример, в котором упоминается Фидель Кастро. Здесь переосмысление связано с травестийностью, возникающей в результате совмещения несовместимых образов благочестивого библейского старца Мафусаила и лидера кубинской революции, убежденного коммуниста и атеиста. Коннотация, возникающая в результате такого наложения образов, обретает иронический характер и подразумевает негативную оценку, что раскрывается и в дополнительном комментарии со стороны автора высказывания Л. Сарбельо (Sarbelio).

Доказательством трансформации значения лексемы *Matusalén* в составе фразеоло-

гизма является тот факт, что она зафиксирована рядом словарей и других академических источников. В универсальной энциклопедии испанского языка «Сопена» (EUS) отражена расширенная семантика фразеологизма *ser más viejo que Matusalén* и указано, что основная сема этого антропонима – «быть старым» – распространяется не только на человека, но и на неодушевленные объекты: *ser una persona o cosa muy antigua o de mucha edad* – букв. «быть очень древним человеком или вещью». Этот фразеологизм приводится с пометой «*coloquial*», что свидетельствует о принадлежности данной ФЕ к разговорному стилю речи.

Словарь испанского языка «Саламанка» (DSLE) также указывает на принадлежность этой ФЕ к разговорному регистру, отмечая, кроме того, ее экспрессивный и зачастую сниженный характер: «*intensificador*», «*frecuentemente peyorativo*». В качестве синонимов приводятся слова *longevo* «долголетний, долговечный», *vetusto* «ветхий, дряхлый» и *vejestorio* «старикашка, старикан; старый хрыч; развалина». Два последних синонима имеют ярко выраженную экспрессивную, уничижительную окраску. Словарь испанского сленга «*Diccionario del Argot: El Sohez*» (DA) также включает антропоним *Matusalén* со значением «*muy viejo*» – ‘очень старый’ и с пометой «*exrg.*». Таким образом, испанские лексикографические источники, зафиксировав новое значение данной единицы, закрепили ее актуальное образное переосмысление.

Иную картину мы наблюдаем в русском языке, где представлена эквивалентная единица *Мафусаилов век / Мафусаиловы года*. Мы находим ее практически во всех толковых и фразеологических словарях. В «Новом толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой приведены следующие ее значения: 1. долгая жизнь; долголетие; 2. глубокая старость (Ефремова). В академическом «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой данная ФЕ фиксируется в вариантах – *жить Мафусаилов век / Мафусаиловы лета* (или *годы*) – с пометой «шутл.» в значении «жить чрезвычайно долго» (СРЯ, т. 4, 1988, с. 238). «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова снабжает данный фразеологизм пометой «устар.»,

которая указывает на то, что данная словарная единица вышла из активного употребления (ФСРЛЯ, с. 483). В «Большом словаре русских поговорок» фразеологическое выражение *жить / прожить Мафусаилов век* (*век Мафусаила*) в значении «о чем-либо исключительном долголетии» также характеризуется как книжное и устаревшее (БСРП, с. 421). Толкования с пометой, указывающей на устаревший характер и принадлежность книжному стилю, содержатся и в других современных толковых и фразеологических словарях русского языка. В некоторых лингвистических словарях, как видно из приведенных данных, имеется помета «шутл.», которая косвенно также относит данную словарную единицу к разговорной речи.

Особое место в толковании библейских антропонимов принадлежит специализированному «Энциклопедическому словарю библейских фразеологизмов», составленному К.Н. Дубровиной, которая выделяет два вектора в значении ФЕ (*прожить*) *Мафусаилов век / Мафусаиловы года*: 1) «исключительное долголетие кого-либо»; 2) «что-либо очень старое и ветхое» (ЭСБФ, с. 349–350). Автор этого словаря также указывает на книжный характер фразеологического оборота.

Действительно, в русской речевой культуре библейские антропонимы и основанные на них фразеологизмы традиционно относились к книжной речи. Если они и упоминались в разговорной речи, то не часто и, как правило, в шуточной форме, на что указывает помета «шутл.» в некоторых словарях. Однако следует отметить существенное различие между шуточным характером использования библейских антропонимов в русской разговорной речи и ироническим – в испанской: это различие заключается в наличии / отсутствии оценки и ее качестве. Исследуемые единицы в шуточном употреблении в русской разговорной речи выражают добрую насмешку без какой-либо оценки, позитивное отношение со стороны говорящего к предмету высказывания или его реципиенту; ирония же, как известно, всегда включает пейоративную оценочность, поскольку выражает скрытую насмешку.

В современном русском обиходном дискурсе рассматриваемую ФЕ и лежащий в ее

основе библеизм-антропоним следует считать уже вышедшими из активного употребления. Тем не менее и сегодня некоторые беллетристы изредка упоминают их: *Русским людям при такой политике надо бы жить мафусаилов век, чтобы всего дожидаться, но средняя продолжительность жизни в России отстает даже от слабо развитых стран Средней Азии* (Горская).

Таким образом, проведенный нами компаративный анализ показывает модификацию антропонима-библеизма *Matusalén* в составе испанской ФЕ. Искажение первичной семантики манифестируется в стилистическом снижении. В дискурсе данные ФЕ часто подвергаются смеховой трансформации и приобретают дополнительную уничижительную коннотацию. Под влиянием карнавальности, характеризующей коллективную испанскую ментальность, образ библейского старца Мафусаила в испанской картине языковой картине мира и дискурсе утратил свою благообразность, был лишен всяческого почтения и перемещен в сферу повседневной действительности, обслуживаемую разговорным стилем. Мы наблюдаем изменение денотативно-сигнификативного макрокомпонента ФЕ через расширение семантики денотата, когда первичный денотат – человек в почтенном возрасте, старик – заменяется каким угодно неодушевленным объектом. Применительно же к человеку в летах фразеологизм *ser más viejo que Matusalén* приобретает экспрессивно-уничижительную коннотацию, переводя библеизм *Matusalén* в разряд жаргонизмов и слов с ярко выраженной пейоративной окраской.

Adán – Адам

Библейский антропоним *Adán* в составе оборота *ser un Adán* согласно «Словарю испанского языка Испанской Королевской Академии» имеет значение «*hombre desaliñado, sucio o descuidado*» (DRAE) – «неряшливый, грязный, неаккуратный или неопрятный человек» и принадлежит разговорному регистру речи. В других словарях приводятся схожие значения: «*hagaroso*» – «оборванный, одетый в лохмотья» и «*hombre arático y descuidado*» – «апатичный, вялый, небрежный человек» (DLE), «*hombre sucio, que no cuida su aspecto*

exterior» (DSLE) – «грязный человек, не заботящийся о своем внешнем виде». Словарь испанского языка «Саламанка» отмечает не только принадлежность данной единицы разговорному стилю («*Uso / registro: coloquial*»), но и фиксирует у этого слова уничижительную коннотацию («*Pragmática: peyorativo*») (DSLE). Данный библеизм также включен в состав словаря жаргона испанского языка «*El Sohez*», где фиксируются его значения «*desaseado, desastrado, sucio*» (DA) – «нечистоплотный, оборванный, несчастный».

Антропоним-библеизм *Adán* выступает в качестве денотативно-сигнификативного макрокомпонента в ряде рекуррентных фразеологизмов испанского обиходного дискурса: *ser un Adán / adán* – букв. «быть Адамом / адамом», *estar hecho un Adán / adán* – букв. «стать Адамом / адамом»; «быть как Адам / адам», *parecer un Adán / adán* – букв. «казаться Адамом / адамом» (DDR; Wordreference). Например: *Estás hecho un adán: llevas una ropa sucia y sin planchar, no te afeitas desde hace cinco días y vas mal peinado* (Spanish Podcast) – «Ну ты адам! На тебе грязная, мятая одежда, и дней пять уж ты не брит и не чесан».

Оборот-сравнение с Адамом надежно укоренен в испанском обыденном узусе и встречается при воспроизведении живой разговорной речи в новеллистике. Приведем пример из творчества классика испанского нарратива Бенито Переса Гальдоса: *Isabelita y Alfonsín pasaron corriendo. Iban sofocados, sudorosos... «¡Hija, cómo estás!... – dijo Rosalía, deteniendo a la niña. – Tienes la cara como un cangrejo cocido... Ahora corre aire... métete en casa; no te constipes... ¿Y este granuja...? ¿Ve usted cómo viene?, todo roto y hecho un Adán. Mire usted qué rodillas... Si se le pusiera traje de hierro lo mismo lo rompería... (Pérez Galdós)* – «Изабелита и Альфонсин пробежали мимо, запыхавшиеся и потные. <...>. «Дочка, что с тобой?! – сказала Розалия, останавливая девочку. – Ты красная, как рак... А тут сквозняк! ... Иди в дом, не простудись! ... А этот безобразник...? Вы только поглядите на него! Весь рваный, чумазый (букв. «вылитый Адам»). Только посмотрите на его колени... На него хоть железный костюм надень, все равно порвет!»

Такой семантический поворот для русскоговорящего человека чреват когнитивным шоком, ведь аксиоматичной и само собой разумеющейся в русскоязычной стихии видится нам связь антропонима *Адам* с категориями наготы, первородного греха и/или давности лет. Так, лексикографические и академические источники свидетельствуют о том, что в русской языковой картине мира за библеизмом *Адам* закреплены следующие значения: 1) «человек вообще», «человек во плоти»; 2) «грешник»; 3) «человек, падкий на соблазн» (ТСЖВЯ т. 1, с. 5); «долгоживущий», «мужчина вообще», «современный мужчина», «спутник жизни», «близкий друг», «нагой человек» [Кузнецова, 2011; Цао, Фоменко, 2016]. Зафиксированы также устойчивое сочетание *от Адама* / разг. *с Адама* – «(начинать сообщение) с предыстории чего-либо, издавна», которое в современных словарях дается с пометами «шутл.» и «устар.» (ТСЖВЯ, т. 1, с. 5; СРЯ, т. 1, 1985, с. 24; Мокиенко), и речевой оборот *это было при Адаме* со значением «в старину» (ТСЖВЯ, т. 1, с. 5).

Так, библеизм *Адам* в русской языковой картине мира сохранил свои первичные ветхозаветные значения: «человек», «мужчина», «грешник», «нагой человек». В указанных значениях в современном обиходном дискурсе он не является рекуррентным, хотя и используется как название салонов одежды, журналов, фирм, причесок и даже кулинарных изысков. Фразеологизмы *Адамова голова* («череп»), *Адамовы слезы* («водка»), *Адамовы веки* («глубокая древность») (ЭСБФ, с. 20–23), *совлечь с себя ветхого Адама* («духовно обновиться») (ЭСБФ, с. 609), а также *от Адама / с Адама и Евы* («издавна») (ЭСБФ, с. 576), согласно словарным пометам, вышли из активного употребления и признаны устаревшими.

В испанском языке мы наблюдаем замену первичного денотата – «человек, мужчина, грешник, нагой человек» – денотатом, основанным на ассоциативных признаках: «грязный, лохматый, небритый, безвольный». Значимо и снижение регистра использования данной единицы вплоть до перемещения ее в разряд жаргонизмов. В испанском обиходном дискурсе антропоним *Adán* имеет ярко выраженную уничижительную коннотацию.

Lázaro – *Лазарь*

Семантически близким антропониму *Adán* в испанском языке оказался антропоним *Lázaro*. Это имя библейского персонажа, страдавшего проказой. Библеизм-антропоним *Lázaro* имеет значения: «lazarino, leproso»; «mendigo», «pobre andrajoso», «hombre muy pobre y vestido de andrajos» (DRAE; БИРС, с. 463; EUS) – «прокаженный»; «бедняк», «оборванец»; «нищий», «одетый в лохмотья». Это имя является смыслообразующим для ФЕ: *estar hecho un Lázaro* – букв. «быть, как Лазарь», «стать Лазарем». Ее вариант – *estar hecho un San Lázaro / sanlázaro* – реализует значения: 1) «быть покрытым язвами, ранами»; 2) «страдать редкой, трудно излечимой болезнью» (БИРС, с. 463; EUS). Для обыденного дискурса характерен семантический сдвиг с подменной денотата. Например: *Sacaron el perro del pozo y vieron que estaba hecho un lázaro* (EUS) – «Когда собаку достали из колодца, увидели, что она вся израненная». Другой вариант этой ФЕ: *estar más llagado que Lázaro / tener más llagas que un Lázaro* – букв. «иметь больше язв на теле, чем Лазарь». О таком страдальце скажут: *Debe tener una enfermedad rara porque está hecho un Lázaro/está más llagado que Lázaro y los médicos no lo pueden curar* (DELE, p. 257) – «Должно быть у него какая-то редкая болезнь (букв. «он стал, как Лазарь»), врачи не могут его вылечить». Семантически близким к вышеназванным ФЕ является фразеологизм *estar más pobre que Lázaro* в значении «быть очень бедным» (букв. «быть беднее, чем сам Лазарь»).

Таким образом, в рекуррентных ФЕ современного испанского дискурса антропоним-библеизм *Lázaro* актуализируется в значениях, связанных с семантическими полями болезни и бедности, заключая в себе дополнительно коннотацию ярко выраженной экспрессии. Все перечисленные ФЕ характеризуются принадлежностью разговорному регистру речевого общения, что отражено в лексикографических источниках.

Для русской национальной картины мира единственными устойчивыми в семантике библеизма *Лазарь* являются ассоциации, связанные с попрошайничеством, жалобами и со-

знательным самоуничижением. Согласно В.И. Далю, Лазарем называли «льстивого и жалобного попрошайку, особый тип нищего; лазарничать означало ластиться, подлещаться, льстиво выпрашивать, канючить, кланяться». Нищие, прося подаяния, пели особый стих – *пели Лазаря* (ТСЖВЯ, т. 2, с. 234). Таким образом, библеизм *Лазарь* в русской языковой картине мира приобрел нарицательное значение «нищий, попрошайка, льстец, пронира», что можно объяснить двойной этимологией. Как показывает в своей статье Ю.Б. Камчатнова, антропоним *Лазарь* был укоренен в русском языке не только через имя персонажа евангельской притчи, но и через народную этимологию, которая определяет все возникшие на его основе фразеологизмы: *наобум Лазаря / лазаря* (букв. ‘на авось’, ‘(на счастье) нищего или же на удачу пройдохи, льстеца’ (подробно см.: [Камчатнова, 2014, с. 10]).

Петь Лазаря – значит обманывать, притворяться, прикидываться бедным, больным, несчастным, стараясь разжалобить кого-то: *Лазаря петь* – «жаловаться на судьбу, прикидываться несчастным» с пометами «разг. неодобр.» (ТСРЯ, с. 444); «жаловаться на судьбу, просить чего-либо, самоуничижаться» (ЭСКСВ); «жаловаться на свою судьбу, участь, прикидываясь несчастным, обиженным; стремиться разжалобить кого-л., вызвать сочувствие, сострадание» с пометами «разг. неодобр.» (СФСРЯ, с. 205).

Таким образом, библейский образ Лазаря в русской языковой картине мира актуализирован через ФЕ в значении «нищий» в проявлении своих низменных и отвергаемых обществом моральных качеств – паразитизма, попрошайничества, обмана, самоуничижения и жалоб с целью получения выгоды. Это внутреннее значение образа обуславливает присущие ему ярко выраженную уничижительную окраску и отрицательную оценку. В испанской же языковой картине мира библейский антропоним *Lázaro* актуализирован в значениях «больной» и «бедный», отражающих внешнее проявление этих признаков: «покрытый язвами» и «плохо одетый, оборванный». Он включает в себя дополнительную экспрессию, но не содержит какой-либо оценочной коннотации.

Заключение

Проведенный нами анализ показал, что структура библейских антропонимов *Matusalén / Мафусаил, Adán / Адам, Lázaro / Лазарь* в составе ФЕ испанского и русского языков имеет существенные различия, в основе которых лежат различия в ценностном подходе к интерпретации одних и тех же образов Священного Писания. Так, образы Мафусаила и Адама в испанской языковой картине мира претерпели, по сравнению с библейским источником, значительную трансформацию, которая коснулась коннотативной и стилистической сферы соответствующих лексем. Семантический сдвиг в обоих случаях произошел в сторону снижения образности и расширения семантики вплоть до переноса значений на предметы быта. Рассмотренные нами библейские антропонимы подверглись травестийному переосмыслению в духе народной карнаваловой культуры, в результате чего антропонимы переместились в разряд сниженной разговорной и даже обценной лексики. В то же время для русского языка характерна приверженность изначальной, библейской трактовке образов, которая сохранилась в денотативно-сигнификативных макрокомпонентах соответствующих ФЕ русского языка, включая коннотативную и стилистическую сферы.

Образ Лазаря отражает иную тенденцию переосмысления. В испанской языковой картине мира он сохранил свои базовые значения: 1) человек, больной проказой; тяжело больной человек; 2) очень бедный человек, одетый в лохмотья. При этом в русской языковой картине мира имела место семантическая трансформация библейского образа Лазаря под влиянием народной этимологии: антропоним становится стилистически сниженным и приобретает негативную коннотацию.

Важно отметить также различия в рекуррентности рассматриваемых библейских ФЕ в соответствующих лингвокультурах. В испанском дискурсе, в первую очередь обиходном и публицистическом, они являются живыми и рекуррентными, о чем свидетельствуют наличие нескольких или многих вариантов каждой такой ФЕ и постоянное пополнение их новыми фразеологическими синонимами, в

результате чего происходит дальнейшее расширение и снижение семантики библеизмов, их переосмысление в русле карнавальности, где трагедийность обнаруживает себя в переименовании первичных смыслов, в соединении несоединимого, в карнавальном антропоморфизме. В то же время для современного русского дискурса они архаичны и лишь изредка встречаются в книжной речи.

Все выявленные различия в использовании рассмотренных ФЕ являются культурно и национально обусловленными. В русской национальной ментальности библеизмы не утратили своего сакрального значения, восходящего к Священному Писанию, а потому их семантика осталась неизменной. Именно сакральность этой категории слов первоначально являлась для них своеобразной «охранной грамотой», не допуская их стилистического снижения и семантического искажения. В советский же период библеизмы сначала потеряли свою актуальность и культурную значимость в связи с несоответствием коммунистической идеологии, а впоследствии многие из тех, что включают в свой состав компонент-антропоним, и вовсе забылись. Понимание и употребление библеизмов – ветхозаветных имен в советском обществе характеризовало интеллектуальную элиту.

Речевую культуру испанцев, напротив, отличает тенденция к десакрализации и сменовому переосмыслению религиозных образов, что обусловлено национальными особенностями испанской коллективной ментальности, которая является карнавальной в своей основе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее перевод наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубровина К. Н., 2002. Контекстуальные значения слов и их перевод на русский язык (на материале поэзии Ф. Гарсиа Лорки) // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 3. С. 161–167.
- Жолобова А. О., 2004. Творческое преобразование фразеологизмов в тексте // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 58–59.
- Камчатнова Ю. Б., 2014. О выражении «наобум Лазаря» // Вестник литературного института им. А.М. Горького. № 1. С. 10–19.
- Кузнецова И. В., 2011. Динамика русских устойчивых сравнений с именами библейских персонажей // Вестник Новгородского государственного университета. № 63. С. 99–102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-russkih-ustoychivyh-sravneniy-s-imenami-biblejskih-personazhey> (дата обращения: 30.06.2020).
- Молотков А.И., 1977. Основы фразеологии русского языка. Л. : Наука. 283 с.
- Цао Л., Фоменко И. Б., 2016. Семантика библеизма Адам на страницах современных СМИ // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. Т. 7. № 3-2. С. 109–113.
- Corpas Pastor G., 2003. Acerca de la (in)traducibilidad de la fraseología // Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos. Madrid : Iberoamericana. P. 275–310.
- Piirainen E., 2005. Europeanism, Internationalism or Something Else? Proposal for a Cross-Linguistic and Cross-Cultural Research Project on Widespread Idioms in Europe and Beyond // Hermes. Journal of Linguistics. Vol. 35. P. 45–75.
- Piirainen E., 2012. Widespread Idioms in Europa and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units. N. Y. : Peter Lang. 591 p.
- ИСТОЧНИКИ**
- Горская – Горская Н. Власть нулей. В 2 т. Т. 2. М. : ЛитРес, 2017. 750 с. URL: <https://myrt.ru/read/494973-vlast-nuley-tom-2.html> (дата обращения: 29.06.2020).
- Carmena – Carmena E. El creacionismo ¡vaya timo!: Carta a un crédulo. Madrid : Laetoli, 2012. 154 p.
- El País – El País. 2018. 13 Sep. URL: https://elpais.com/elpais/2018/09/13/la_voz_de_inaki/1536821744_355831.html (date of access: 28.06.2020).
- El Periódico – El Periódico. 2019. 14 de junio. URL: <https://www.elperiodico.com/es/extra/20190614/el-ron-cubano-matusalem-tiene-su-origen-en-lloret-de-mar-7505531#:~:text=El%20ron%20cubano%20Matusalem%2C%20reconocido,poblaci%C3%B3n%20de%20la%20Costa%20Brava> (date of access: 30.06.2020).
- Fauré – Fauré Ch. Enciclopedia histórica y política de las mujeres: Europa y América. Madrid : Ediciones AKAL, 2010. 944 p.

- Pérez Galdos* – Pérez Galdos B. La de Bringas. 2003 // Biblioteca virtual universal. URL: <https://www.litres.ru/benito-p-rez-gald-s/la-de-bringas/chitat-onlayn/page-9/> (date of access: 28.06.2020).
- Rampratap Palace* – Rampratap Palace. 2019. URL: https://www.tripadvisor.com/LocationPhotoDirectLink-g297672-d545798-i49487006-Rampratap_Palace-Udaipur_Udaipur_District_Rajasthan.html (date of access: 01.07.2020).
- Sarbelio* – Sarbelio L. Editorial // El Diario de Hoy. 2004. 25 de julio. URL: <http://archivo.elsalvador.com/noticias/2004/07/25/editorial/edi5.asp> (date of access: 29.06.2020).
- Spanish Podcast* – Spanish Podcast.Net. URL: <https://www.spanishpodcast.net/estar-hecho-un-adan/> (date of access: 01.07.2020).
- Vizoso* – Vizoso S. Sanidad al límite en la tierra de Matusalén // El País. 2019. 26 ene. URL: https://elpais.com/sociedad/2019/01/24/actualidad/1548347151_489521.html (date of access: 02.07.2020).
- Wordreference* – Wordreference. Forum. 2020. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/estar-hecho-un-ad%C3%A1n.401555/> (date of access: 28.06.2020).

СЛОВАРИ

- БИРС* – Большой испанско-русский словарь = Gran diccionario esparcol-ruso / Н. В. Загорская [и др.] ; под ред. Б. П. Нарумова. 8-е изд., стер. М. : Рус. яз. медиа, 2007. 829 с.
- БСПП* – Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко [и др.]. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
- Ефремова* – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 2000. 1210 с. – (Библиотека словарей русского языка).
- Мокиенко* – Мокиенко В. М. Библеизмы в современной русской речи. Как их правильно понимать и употреблять. М. : Центрполиграф, 2017. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-mokienko/bibleizmu-v-sovremennoy-russkoj-rechi-kak-ih-pravilno-pon-chitat-onlayn/> (дата обращения: 27.06.2020).
- СРЯ* – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988. 4 т.
- СФСРЯ* – Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков [и др.] ; под ред. В. П. Жукова. М. : Рус. яз., 1983. 448 с.
- ТСЖВЯ* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : ГИС, 1955. 4 т.

URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/index.htm> (дата обращения: 27.06.2020).

- ТСРЯ* – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 18-е изд. М. : Рус. яз., 1986. 797 с.
- ФСРЛЯ* – Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
- ЭСБФ* – Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта : Наука, 2010. 808 с.
- ЭСКСВ* – Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локид-Пресс ; Локид, 2004. 880 с. URL: <https://azbyka.ru/fiction/enciklopedicheskij-slovar-krylatyx-slov-i-vyrazhenij-serov/> (дата обращения: 28.06.2020).
- DA* – Carbonell Basset D. Diccionario del Argot: El Sohez. N. Y. : McGraw-Hill, 2002. URL: https://argot_es.academic.ru/ (date of access: 25.06.2020).
- DDR* – Diccionario de dichos y refranes. URL: https://sp_sp_dichos_refranes.academic.ru/ (date of access: 26.06.2020).
- DELE* – Martínez López J. A., Jorgensen A. M. Diccionario de expresiones y locuciones del español. Madrid : Ediciones de la Torre, 2009. 542 p.
- DLE* – Diccionario de la lengua española. URL: <https://espanola.academic.ru/> (date of access: 27.06.2020).
- DRAE* – Diccionario de la lengua española de Real Academia Española. Madrid : RAE, 2019. URL: <https://dle.rae.es/> (date of access: 25.06.2020).
- DSLE* – Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Salamanca : Santillana, 2015. URL: https://sal_es.esacademic.com/22371/ (date of access: 28.06.2020).
- EUS* – Enciclopedia universal Sopena: Diccionario ilustrado de la lengua española. Barcelona : Sopena, 1980. URL: https://enciclopedia_universal.esacademic.com/ (date of access: 26.06.2020).

REFERENCES

- Dubrovina K.N., 2002. Kontekstualnye znacheniya slov i ih perevod na russkij yazyk (na materiale poezii F. Garsia Lorki) [Contextual Meanings of Words and Their Translation into Russian (On F. Garcia Lorca Poetry)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 3, pp. 161-167.
- Zholobova A.O., 2004. Tvorcheskoe preobrazovanie frazeologizmov v tekste [Creative Transformation of Phraseologisms in a Text]. *Russkaya i sopostavitelnaya filologiya: sostoyanie i perspektivy: materialy Mezhdunar.*

- nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu Kazan. un-ta [Russian and Comparative Philology. State and Prospects. Proceedings of the International Scientific Conference, Dedicated to the 200th Anniversary of Kazan University]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, pp. 58-59.
- Kamchatnova Yu.B., 2014. O vyrazhenii «naobum Lazarya» [About the Expression “Naobum Lazarya”]. *Vestnik literaturnogo instituta im. A.M. Gorkogo* [Vestnik of Gorky Literary Institute], no. 1, pp. 10-19.
- Kuznetsova I.V., 2011. Dinamika russkih ustoychivyykh sravneniy s imenami bibleyskikh personazhey [The Dynamics of Russian Stable Comparisons with the Names of Biblical Characters]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 63, pp. 99-102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-russkih-ustoychivyykh-sravneniy-s-imenami-bibleyskikh-personazhey> (accessed 30 June 2020).
- Molotkov A.I., 1977. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Bases of the Russian Language' Phraseology]. Leningrad, Nauka Publ. 283 p.
- Tsao L., Fomenko I.B., 2016. Semantika bibleizma Adam na stranicah sovremennykh SMI [Semantics of Bibleism Adam in the Pages of Modern Mass Media]. *Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientists Notes of Pacific National University], vol. 7, no. 3-2, pp. 109-113.
- Corpas Pastor G., 2003. Acerca de la (in)traducibilidad de la fraseología. *Diez años de investigación en fraseología: análisis sintáctico-semánticos, contrastivos y traductológicos*. Madrid, Iberoamericana, pp. 275-310.
- Piirainen E., 2005. Europeanism, Internationalism or Something Else? Proposal for a Cross-Linguistic and Cross-Cultural Research Project on Widespread Idioms in Europe and Beyond. *Hermes. Journal of Linguistics*, vol. 35, pp. 45-75.
- Piirainen E., 2012. *Widespread Idioms in Europa and Beyond. Toward a Lexicon of Common Figurative Units*. New York, Peter Lang. 591 p.
- SOURCES**
- Gorskaya N. *Vlast'nuley. V 2 t.* [Zeros' Power. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, LitRes Publ., 2017. 750 p. URL: <https://myrt.ru/read/494973-vlast-nuley-tom-2.html> (accessed 29 June 2020).
- Carmena E. *El creacionismo ¡vaya timo!: Carta a un crédulo*. Madrid, Laetoli, 2012. 154 p.
- El País*, 2018, 13 Sept. URL: https://elpais.com/elpais/2018/09/13/la_voz_de_inaki/1536821744_355831.html (accessed 28 June 2020).
- El Periódico*, 2019, 14 de junio. URL: <https://www.elperiodico.com/es/extra/20190614/el-ron-cubano-matusalem-tiene-su-origen-en-lloret-demar> (accessed 30 June 2020).
- Fauré Ch. *Enciclopedia histórica y política de las mujeres: Europa y América*. Madrid, Ediciones AKAL, 2010. 944 p.
- Pérez Galdos B. La de Bringas. 2003. *Biblioteca virtual universal*. URL: <https://www.litres.ru/benito-perez-gald-s/la-de-bringas/chitat-onlayn/page-9/> (accessed 28 June 2020).
- Rampratap Palace*. 2019. URL: https://www.tripadvisor.com/LocationPhotoDirectLink-g297672-d545798-i49487006-Rampratap_Palace-Udaipur_Udaipur_District_Rajasthan.html (accessed 1 July 2020).
- Sarbelio L. Editorial. *El Diario de Hoy*, 2004, 25 de julio. URL: <http://archivo.elsalvador.com/noticias/2004/07/25/editorial/edi5.asp> (accessed 29 June 2020).
- Spanish Podcast.Net*. URL: <https://www.spanishpodcast.net/estar-hecho-un-adan/> (accessed 1 July 2020).
- Vizoso S. Sanidad al límite en la tierra de Matusalén. *El País*, 2019, 26 ene. URL: https://elpais.com/sociedad/2019/01/24/actualidad/1548347151_489521.html (accessed 2 July 2020).
- Wordreference. Forum*. 2020. URL: <https://forum.wordreference.com/threads/estar-hecho-un-ad%C3%A1n.401555/> (accessed 28 June 2020).
- DICTIONARIES**
- Zagorskaya N.V. et al., eds. *Bolshoy ispansko-russkiy slovar – Gran diccionario español-ruso* [Great Spanish-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk media Publ., 2007. 829 p.
- Mokienko V.M. et al. *Bolshoy slovar russkih pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2007. 784 p.
- Efremova T.F. *Noviy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatelnyy. V 2 t. T. 1* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Educational. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1210 p. (Biblioteka slovarey russkogo yazyka [Library of Russian Dictionaries]).
- Mokienko V.M. *Bibleizmy v sovremennoy russkoy rechi. Kak ih pravil'no ponimat' i upotrebyat'* [Bibleisms in Modern Russian Speech. How to Understand and to Use Them Correctly].

- Moscow, Tsentropoligraf Publ., 2017. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-mokienko/bibleizmy-v-sovremennoy-russkoy-rechi-kak-ih-pravilno-pon-chitat-onlayn/> (accessed 27 June 2020).
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988.
- Zhukov V.P. et al., eds. *Slovar frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983. 448 p.
- Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Alive Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, GIS Publ, 1955. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/index.htm> (accessed 27 June 2020).
- Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 797 p.
- Fedorov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Fraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2008. 878 p.
- Dubrovina K.N. *Enciklopedicheskiy slovar' bibleiskih frazeologizmov* [Encyclopedic Dictionary of Biblical Phraseologies]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 808 p.
- Serov V.V. *Enciklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ., Lokid Publ., 2004. 880 p. URL: <https://azbyka.ru/fiction/enciklopedicheskiy-slovar-krylatykh-slov-i-vyrazhenij-serov/> (accessed 28 June 2020).
- Carbonell Basset D. *Diccionario del Argot: El Sohez.* New York, McGraw-Hill, 2002. URL: https://argot_es.academic.ru/ (accessed 25 June 2020).
- Diccionario de dichos y refranes.* URL: https://sp_sp_dichos_refranes.academic.ru/ (accessed 26 June 2020).
- Martínez López J.A., Jorgensen A.M. *Diccionario de expresiones y locuciones del español.* Madrid, Ediciones de la Torre, 2009. 542 p.
- Diccionario de la lengua española.* URL: <https://espanola.academic.ru/> (accessed 27 June 2020).
- Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española.* Madrid, RAE, 2019. URL: <https://dle.rae.es/> (accessed 25 June 2020).
- Diccionario Salamanca de la Lengua Española.* Salamanca, Santillana, 2015. URL: https://sal_es.esacademic.com/22371/ (accessed 28 June 2020).
- Enciclopedia universal Sopena: Diccionario ilustrado de la lengua española.* Barcelona, Sopena, 1980. URL: https://enciclopedia_universal.esacademic.com/ (accessed 26 June 2020).

Information About the Authors

Oksana V. Fedosova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Spanish Language and Translation, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, fedosova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-4326>

Marina V. Kutieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Foreign Languages Department No. 2, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, 117997 Moscow, Russia, kuteva.mv@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2952-8349>

Информация об авторах

Оксана Витальевна Федосова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка и перевода, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, fedosova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4223-4326>

Марина Викторовна Кутьева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, 117997 г. Москва, Россия, kuteva.mv@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2952-8349>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8>

UDC 81'374
LBC 81.054-03

Submitted: 01.09.2020
Accepted: 24.12.2020

**AXIOLOGICAL LINGUISTICS AND NATIONALLY ORIENTED LEXICOGRAPHY:
EXPERIENCE OF INTERACTION
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN-VIETNAMESE COMPARISONS) ¹**

Aleksandr S. Mamontov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Vera V. Boguslavskaya

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Ekaterina A. Budnik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Albertina G. Ratnikova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Trinh Thi Kim Ngoc

Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

Abstract. The article touches upon the issues of theoretical and applied nature and reflects the essence of two adjacent linguistic scientific disciplines interaction, each studying the phenomenon of values that influence the formation of speech, behavioural and the communicative competence of a person. The authors consider this interaction future implementation in a unique lexicographic source designed to optimize the process of learning a language as a means of intercultural communication. Thus, authors are talking about a future dictionary, called “linguistic and cultura” and introducing the cultural component of the semantics of the units included in its vocabulary. The methodology for creating the concept of a dictionary is based on the analysis of the linguo-cognitive value system, where the concepts accentuate phenomenon, which allows one to explicate the specifics of the ethnic consciousness of a non-lingual culture representative. As examples of considering the semantic content, the authors offer the values as “love” and “labour”, which are included in the primary system of values of the native speakers of the Russian language and culture. A strategy for the study of interaction of two related scientific disciplines was introduced: axiological linguistics and educational lexicography enable the creation of a new type of dictionary – a nationally oriented linguistic and cultural dictionary for the Vietnamese audience studying Russian as a means of intercultural communication. The article describes the experimental procedure, which is based on the theoretical and methodological framework. The analysis of the results obtained, revealed the specificity of the value orientations of the compared linguocultures. The research data relevance to educational lexicography theoretical and applied aspects is established. The contrasted research material, represented in the article, corresponds to the goals and objectives of the nationally oriented study.

Key words: axiological linguistics, nationally oriented lexicography, Russians, Vietnamese, value system, associative experiment, linguistic and cultural dictionary.

Citation. Mamontov A.S., Boguslavskaya V.V., Budnik E.A., Ratnikova A.G., Trinh Thi Kim Ngoc. Axiological Linguistics and Nationally Oriented Lexicography: Experience of Interaction (On the Material of Russian-Vietnamese Comparisons). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 101-113. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8>

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
И НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-ВЬЕТНАМСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ)¹**

Александр Степанович Мамонтов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Вера Васильевна Богуславская

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Екатерина Александровна Будник

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Альбертина Германовна Ратникова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Чинь Тхи Ким Нгок

Вьетнамская академия общественных наук, г. Ханой, Вьетнам

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы теоретико-прикладного характера, отражающие вектор взаимодействия смежных лингвистических научных дисциплин, которые изучают феномен ценностей, оказывающих влияние на формирование речеповеденческой и коммуникативной компетенций человека. Утверждается, что в перспективе такое взаимодействие может быть воплощено в лексикографическом источнике особого типа, призванном оптимизировать обучение языку как средству межкультурной коммуникации через знакомство пользователей с культурным компонентом семантики единиц, входящих в его словник. Методология создания концепции словаря опирается на анализ системы ценностей как лингвокогнитивный и одновременно акцентуирующий феномен, позволяющий эксплицировать специфику этнического сознания представителя инолингвокультуры. В качестве примеров на фоне вьетнамской лингвокультуры охарактеризованы ценности «любовь» и «труд», входящие в базовую систему ценностей носителей русского языка и культуры. А.С. Мамонтовым предложена стратегия изучения взаимодействия двух смежных научных дисциплин: аксиологической лингвистики и учебной лексикографии при создании словаря нового типа. В.В. Богуславской разработана теоретико-методологическая база экспериментальной процедуры, описываемой в статье. Е.А. Будник на основе проведенного анализа полученных результатов выявлена специфика ценностных представлений сопоставляемых лингвокультур. А.Г. Ратниковой установлена релевантность полученных исследовательских данных поставленным перед авторами задачам в теоретико-прикладном аспекте. Чинь Тхи Ким Нгок обеспечена адекватность сопоставляемого материала целям и задачам данного национально ориентированного исследования.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, национально ориентированная лексикография, русские, вьетнамцы, система ценностей, ассоциативный эксперимент, лингвострановедческий словарь.

Цитирование. Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Будник Е. А., Ратникова А. Г., Чинь Тхи Ким Нгок. Аксиологическая лингвистика и национально ориентированная лексикография: опыт взаимодействия (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 101–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.8>

Введение

В современной парадигме научных исследований феномена «культура» понятие «ценность» занимает одно из ведущих мест.

Об этом ученые писали еще в середине XX в. (см., например: [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961]). Мимо данного факта не могут пройти представители таких наук, как философия, культурология, психология, лингвистика,

ибо, по их общему мнению, основу любого культурного кода составляют именно ценности [Матвеев, 2006]. Думается, в данном контексте нет необходимости говорить о масштабности взаимодействия человека и объективной действительности. Оно реализуется как в использовании человеком благ, созданных природой, так и в его деятельности, направленной на преобразование природы, где своего рода локомотивом выступает коллективный труд, обеспечивающий ее освоение. В этом контексте особую роль для филолога играет понимание механизмов, обеспечивающих многогранность отношений между био- и ноосферой в ценностном аспекте, с точки зрения социальной значимости, а главное – отражение данных отношений в языковых единицах, что является содержанием такой относительно новой научной дисциплины, как аксиологическая лингвистика [Карасик, 2002], и только зарождающейся дисциплины под названием «национально ориентированная учебная лексикография» [Цэдэндоржийн, 2015; Мамонтов, Цэдэндоржийн, Богуславская, 2019]. При этом, на наш взгляд, наиболее продуктивной следует считать сентенцию, согласно которой именно ценности представляют собой основу любой лингвокультуры. Следовательно, овладение любым без исключения языком как средством межкультурной коммуникации требует от инофона обязательного овладения сопряженной с языком системой ценностей, составляющей часть содержания изучаемой им культуры.

Представителю инолингвокультуры, изучающему чужой язык как средство коммуникации с его носителями, невозможно избежать объективных трудностей, возникающих в ходе учебного процесса. Помочь преодолеть некоторые из них может национально ориентированная лингвострановедческая учебная лексикография, призванная обеспечить создание словаря нового типа, учитывающего национальную специфику родной культуры адресата, что позитивным образом влияет на эффективность учебного процесса. Одновременно национально ориентированная лингвострановедческая учебная лексикография решает задачи описания взаимоотношений, сложившихся между языком и культурой, на-

шедших отражение в словаре, учитывающем родную культуру адресата [Мамонтов, Цэдэндоржийн, Богуславская, 2019, с. 76].

Наряду с понятием «ценность» в научном обиходе представлено понятие «ценностная ориентация личности» (далее – ЦО), введенное социологами У. Томасом и Ф. Знанецким в 20-е гг. прошлого века (подробно об этом см.: [Баразгова, 1997]). Они рассматривали ЦО в качестве установки личности, которую отличают социальная детерминированность и регулятивность. Последняя в свою очередь способна влиять на поведение личности, позволяя говорить о том, что именно ценностные предпочтения, структурируемые по-своему каждым членом социальной группы, в значительной степени определяют характер формирующейся в социуме системы ЦО. Однако, по мнению исследователей, у людей, проживающих в схожих условиях, вырабатывается система ЦО, типичная для всего коллектива.

В целях экспликации потенциала национально ориентированной лексикографии нами была предпринята попытка сопоставительного анализа содержания русских и вьетнамских ценностей, что имеет определенное значение – и теоретическое, и прикладное, способствуя повышению уровня эффективности обучения русскому языку как иностранному.

Аксиологическая лингвистика: основные понятия и подходы

В аксиологической лингвистике, или лингвоаксиологии, понятия «ценность» и «оценка» выступают в качестве ключевых. Они отсылают нас к проблемам, связанным с языковым сознанием [Карасик, 2002; Синячкин 2009; Уфимцева, 2015] и языком как системно-структурным образованием [Верещагин, Костомаров, 1990; Иванова, 2004], в том числе на уровне лексики [Богданова, 2017; Вежбицкая, 2001; Гладкова, 2010; Wierzbicka, 2003; Goddard, Wierzbicka, 2014] и фразеологии [Фразеология в контексте культуры, 1999], на уровне грамматики [Богданова, 2018; Козлова, 2018, *Meaning and Universal Grammar...*, 2002], а также вызывают исследовательский интерес в аспекте теории коммуникации [Леонтович, 2005; Ларина, Озюменко,

2017; Wierzbicka, 2003; Kecskes, 2014; Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017; Leech, 2014].

Импульсом для развития данного направления в лингвистике, по нашему мнению, явились идеи о природе и месте ценностей, нашедшие свое отражение в трудах Н.Д. Арутюновой и Е.М. Вольф. В целях наглядности разнообразие исследовательских векторов аксиологической лингвистики представим следующим образом:

- изучение оценки как категории, связанной с философией, эстетикой, логикой, этикой и одновременное описание ее в общетеоретическом плане, формирующее представления как о разных видах оценочных значений, так и о способах их реализации [Арутюнова, 1984; 1988; Вольф, 1985];

- изучение системы ценностей в аспекте ее связи с разными типами личности [Карасик, 2005];

- изучение базовых оценочных предпочтений с позиции взаимодействия культуры и языка [Бартминьский, 2005; Березович, 2007];

- исследование компонентов русской языковой картины мира на фоне специфики национального сознания как отражения системы ценностных координат представителей русской лингвокультуры [Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев, 2012];

- изучение фразеологического фонда русской лингвокультуры, способного сигнализировать об особенностях ценностного и оценочного компонентов семантики фразеологизма в аспекте лингвокультурологии [Телия, 1996];

- изучение истории понятий и природы ценностей в аспекте лингвоаксиологии [Живов, 2009];

- исследование оценок и моделирование оценочной структуры дискурса, выполняемые, как правило, на материале дискурсов медиаполитического жанра (обусловленные тем, что именно указанные типы могут быть отмечены особым ценностным потенциалом воздействия на реципиента [Марьянчик, 2013].

Итак, в настоящее время можно с уверенностью говорить об аксиологической лингвистике как о динамично развивающейся научной дисциплине, активно взаимодействующей с близкими ей лингвистическими направлениями и предлагающей при этом

как свой исследовательский аппарат, так и заимствованный (в том числе из философии и социологии) [Этносемиотрия..., 2008].

Вместе с тем терминологический аппарат и предлагаемая исследовательская методология аксиологической лингвистики пока еще далеки от стадии окончательного оформления. Например, многие ее термины – «аксиологическая горизонталь», «аксиологическая вертикаль», «аксиосфера» и др. – еще не вполне закрепились в лингвистической литературе и допускают неоднозначную трактовку. Это касается, в частности, таких терминов, как «оценка» и «оценочность» [Сальникова, 2014, с. 10–11].

Обращает на себя внимание то, что, будучи лингвистической категорией, оценочность, базируясь на речемыслительной операции оценки, отражает картину мира. В данной ипостаси она находится во взаимодействии с бытующими в языковом сообществе представлениями о ценности объекта и социально маркируется, предопределяя то, что индивидуум со всеми особенностями его, во многом непредсказуемого бытия, но во взаимодействии с социумом и объективной действительностью предстает субъектом и объектом оценки одновременно [Маркелова, 2007].

Комментария требует, на наш взгляд, тот факт, что понятия «оценочность» и «оценка» нередко выступают в роли синонимов (см., например: [Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев, 2012]). Это представляется не совсем корректным, ибо в научной практике существует опыт их разграничения по линии «действие» («оценка») и «свойство» («оценочность»).

Продуктивной представляется точка зрения И.А. Стернина, который предлагает выделять так называемую «коммуникативную оценочность», которая, по мнению лингвиста, является неким феноменом «коммуникативного поведения», характеризующегося стремлением к оценке реальной действительности с позиции языка, и где значимую роль играют, в частности, степень категоричности высказываемых оценок, степень оценочности формального общения наряду с повседневным, а также степень допустимости негативных оценок в разговоре и т. д. [Стернин, 2003, с. 11]. Все это дает основания считать термин «оценочность»

релевантным для использования в том числе и в области коммуникативистики.

В научной литературе находит отражение узкое и широкое понимание феномена оценки. При узком понимании акцент делается на характеристике предметно-признаковых особенностей какого-либо объекта, факта или ситуации в соответствии с суждением «хорошо – плохо», при широком понимании – на характеристиках, соотносимых с суждениями «истинно – ложно», «важно – неважно». Как отмечает В.В. Лопатин, при этом на передний план выходит субъект речи: именно с его позиций оценочные компоненты (кваликативные компоненты языка) корректируют содержание высказываний [Лопатин, 2007, с. 536–537].

Заслуживает внимания и тот факт, что связанное с речепорождением взаимодействие оценок и ценностей, весьма непростое на наш взгляд, эксплицируется через категорию аксиологичности, функциональную по сути и определяемую в качестве некой способности к моделированию, воспроизводству и т. д. как ценностей, так и антиценностей языковой картины мира, существующей в сознании и продуцирующей, и реципиенту текстокоммуникации (об этом см.: [Марьянчик, 2013, с. 248]).

В то же время нельзя не отметить наблюдаемый сегодня интенсивный контакт аксиологической лингвистики с рядом научных дисциплин и направлений, таких как лингвокультурология, межкультурная коммуникация, этнопсихолингвистика, национально ориентированная учебная лексикография, о которой речь идет в настоящей статье. Интенсивность этого взаимодействия обусловлена все нарастающим интересом к заложенной в языке категории ценности и ее разнообразных проявлениях.

С позиций аксиологической лингвистики языковое сознание следует рассматривать в качестве одного из видов обыденного сознания, являющегося своего рода механизмом управления речевой деятельностью. Проводимое нами исследование языкового (обыденного) сознания разных лингвокультур путем сопоставления соответствующих образов мира представляется особенно значимым на современном этапе развития человечества, в эпоху расширения и углубления кросс-культурных

контактов, способных отражать специфику сопоставляемых лингвокультур. Необходимо подчеркнуть, что исследования, подобные нашему, целесообразно начинать с рассмотрения ценностного отношения к тому или иному предмету или явлению как к феномену культуры. Здесь, как отмечалось выше, важную роль играет так называемая лингвострановедческая лексикография, одной из основных задач которой сегодня является разработка концепции учебного словаря нового типа – национально ориентированного лингвострановедческого словаря, адресованного иностранной аудитории, овладевающей русским языком как средством межкультурной коммуникации.

В статье представлены некоторые промежуточные результаты разработки такого словаря, ориентированного на вьетнамских реципиентов. Проведена систематизация лексикографических данных и данных ассоциативного эксперимента, которая нацелена на верификацию гипотезы, заключающейся в том, что национально ориентированные лингвострановедческие учебные словари, в том числе русского языка, способны обеспечить гораздо большую эффективность процесса овладения языком как средством межкультурного общения.

Ассоциативный эксперимент: процедура проведения и результаты

Для проведения эксперимента нами были выбраны ассоциативные поля (далее – АП) «любовь» и «труд», являющиеся наиболее показательными с точки зрения тех исследовательских задач, которые мы перед собой ставили. Для определения содержания этих АП в русской лингвокультуре использованы данные «Русского ассоциативного словаря» (далее – РАС), поскольку именно РАС как словарь-тезаурус дает наиболее всестороннюю и полную картину вербальной памяти и языкового сознания «среднего русского». Данные о наполнении АП «любовь» и «труд» во вьетнамской лингвокультуре получены в результате ассоциативных экспериментов, проводимых в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина, Российском университете дружбы народов, Московском педагогическом государственном университе-

те в период с 2010 по 2020 год. В эксперименте принимали участие преимущественно студенты филологического профиля, общим количеством 100 человек (женского и мужского пола). В статье рассматриваются слова-ассоциаты в количестве не менее двух.

АП эксплицируют особенности речевого поведения в созданной экспериментальным путем ситуации: дается вербальная реакция испытуемых на вербальный стимул, отражая, таким образом, содержание фоновых знаний. Последние, соотносимые со словами-реакциями, выступают как некое вербализованное, имплицитное представление о предметах, явлениях, в той или иной степени связанных со словом-стимулом. Следовательно, есть все основания сделать вывод о том, что АП через слова-реакции отражают конгломерат как предметов, так и явлений, образующих своего рода «культурный контекст» феномена, подвергнутого экспериментальному анализу.

В предлагаемом нами эксперименте исследование ассоциативных полей номинативных единиц, обозначающих ценности, обеспечивает возможность проникновения вглубь содержания последних, а методика сопоставления полей, например, ценностей «любовь» и «*tình yêu*» не только позволяет получить представление об объеме знаний, обусловленных содержанием конкретных ценностей, но и способствует выявлению специфики компонентов фоновых знаний носителей конкретных языков и культур, выполняя таким образом нередко существующие лексикографические пробелы.

Ценность «Любовь»

Содержание ЦО «Любовь» проявляется в семантике слова, ее номинирующего.

В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова зафиксировано четыре значения слова *любовь*:

- 1) чувство глубокой привязанности к кому-л., чему-л.;
- 2) чувство горячей сердечной склонности, влечения к лицу другого пола;
- 3) о человеке, внушающем такое чувство;
- 4) внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. (Кузнецов, с. 453).

В словаре «Словаре вьетнамского языка» Хоанг Фе слово *tình yêu* (любовь) зафиксировано в двух значениях:

1) *Tình cảm nồng nhiệt làm cho gắn bó mật thiết và có trách nhiệm với người, với vật. Tình yêu quê hương* (Сердечное чувство, вызывающее интимную и ответственную привязанность к людям и предметам);

2) *Tình cảm yêu thương giữa nam và nữ. Tình yêu son sắt, thủy chung* (Глубокое эмоциональное влечение мужчины и женщины друг к другу) (Hoàng Phê, tr. 601).

Ценность «Любовь» в русской лингвокультуре

ЛЮБОВЬ: с первого взгляда – 9; до гроба – 8; чувства – 5; зла, счастье – 3; безответная, горе, и голуби, к женщине, ненависть, платоническая, пришла, радость, разлука, страстная, Яровая – 2 (РАС, т. 2, с. 511).

Ценность «*Tình yêu* (Любовь)» во вьетнамской лингвокультуре

TÌNH YÊU: счастье – 10; дружба – 7; брак – 6; верная – 5; красивая, поцелуй, мать – 4; глубокая, романтическая, сопереживание и согласие 2 сердец, мужчина и женщина, жизнь – 2.

Интерпретация полученных данных

В языковом сознании вьетнамцев *tình yêu* (любовь) вызывает в первую очередь реакцию *счастье* – 10. Далее следуют *дружба* – 7 и *брак* – 6. Считаем, это связано с тем, что любовь – это то, что порождает брак и способствует созданию семьи – самой большой ценности для представителей вьетнамской лингвокультуры. Вызывает интерес и то, что в данной лингвокультуре релевантна связь любви с дружбой, на это указывает соответствующий ассоциат. В русском ассоциативном ряду подобная связь не зафиксирована. Можно предположить, что поскольку в русской семье традиционно более сильны патерналистские отношения, в целом несвойственные понятию «дружба», основанному на принципах равенства.

В русском ассоциативном ряду, в отличие от вьетнамского, фиксируется значительное количество ассоциатов с негативной оцен-

кой: *зла* – 3; *безответная, горе, ненависть, разлука* – 2. Представляется, что поскольку ценность «Любовь» в русском лингвокультурном пространстве, в отличие от вьетнамского, традиционно связывается с понятием «жертвенность», с более оптимистической сутью самой ценности, подсознание русского как бы «запрограммировано» на преодоление тех негативных моментов, с которыми человек вынужден считаться или уже считается.

Для русских респондентов, в отличие от вьетнамских, ценность «Любовь» в языковом сознании не связана с понятием «брак» в силу тех социокультурных причин, о которых упоминалось выше. Заслуживает внимания и тот факт, что для представителей вьетнамского социума значительную роль играет такое понятие, как *верность* (ср.: *sự chung thủy* (верность) в качестве ассоциата упомянуто 5 раз): общественное поведение отвергает измену во всех ее проявлениях.

Можно предположить определенное влияние на сознание представителей русской лингвокультуры устойчивых языковых выражений *любовь с первого взгляда, любовь до гроба, любовь зла*; названий популярных кино- и драматургических произведений: кинофильм «*Любовь и голуби*»; пьеса «*Любовь Яровая*». Согласно нашим наблюдениям, уровень прецедентности в коммуникативном поведении представителей русской лингвокультуры выше, чем во вьетнамской, что, как думается, связано с более высокой степенью участия разных видов СМИ в формировании как индивидуального, так и общественного сознания.

Ценность «Труд»

Содержание ЦО «Труд» проявляется в семантике слова, ее номинирующего.

В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова зафиксировано пять значений слова *труд*:

1) целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей;

2) работа, занятие;

3) усилие, направленное к достижению чего-н.;

4) результат деятельности, работы; произведение;

5) предмет школьного образования. Обучение навыкам какой-л. профессиональной, хозяйственной деятельности (Кузнецов, с. 922).

В словаре «Словаре вьетнамского языка» Хоанг Фе слово *lao động* (труд) зафиксировано в четырех значениях:

1) *Hoạt động có mục đích của con người nhằm tạo ra các loại sản phẩm vật chất và tinh thần cho xã hội. Lao động chân tay. Lao động nghệ thuật. Sức lao động* (Целесообразная деятельность человека, направленная на создание материальных и духовных ценностей для общества);

2) *Việc làm lao động cụ thể, nói về mặt tạo ra sản phẩm. Trả lương theo lao động. Năng suất lao động* (Конкретная работа, направленная на создание продуктов);

3) *Sức người bỏ ra trong việc làm lao động cụ thể. Tiết kiệm lao động. Hao phí lao động* (Трудовые ресурсы, затраченные на конкретную производительную деятельность);

4) *Người làm lao động (nói về lao động chân tay, thường là trong sản xuất nông nghiệp). Nhà có hai lao động chính* (Рабочая сила, о ручном труде, обычно в сельском хозяйстве) (Hoàng Phê, trang 401).

Ценность «Труд»

в русской лингвокультуре

ТРУД: работа – 53; тяжелый – 45; мир – 14; облагораживает, ударный – 13; лень, май – 12; мир, май; на благо – 11; непосильный, полезный – 9; напрасный – 8; адский – 7; дело, каторжный, легкий, лопата, радость, упорный – 6; газета, добросовестный, обязанность, отдых, честный – 5; бесполезный, людей, мирный, молоток, пруд, работать, радостный, ратный, усталость, физический, человека – 4; безделье, бесплатный, благо, великий, впустую, деятельность, доблестный, земля, коммунистический, на благо Родины, необходим, общественный, подневольный, производительный, рабочий, руки, свободный, созидательный, умственный, урок, хорошо – 3; бескорыстный, благородный, всему голова, деньги, жизни, завод, земледельца, и мир, лодырь, лозунг, надо, наш, нелегкий, обезьяна,

общественно полезный, полезен, посильный, почетный, праведный, пустой, рабский, создал человека, социалистический, терпение, «Труд», труп, тяжкий, учителя – 2.

*Ценность «Lao động» (Труд)
во вьетнамской лингвокультуре*

LAO ĐỘNG: работа – việc làm – 50; жить – trưc tiếп – 40; уставать – mệt, вместе – cùng với nhau – 20; жизнь – cuộc sống – 12; думать – nghĩ, тяжело – nặng, хорошо – tốt – 10; деятельность – hoạt động, эффективно – hiệu quả – 7; стабильно – đều đặn, всегда – luôn luôn – 5; все – mọi thứ, цель – mục tiêu, quyền lực – 2.

Интерпретация полученных данных

Представляется значимым то, что в русском ассоциативном ряду значительное количество слов-ассоциатов с негативной окраской (*тяжелый, лень, непосильный, адский, каторжный*) находятся не на периферии языкового сознания. Данный факт следует рассматривать с точки зрения традиционного отношения русских к труду как к чему-то онтологически всегда нелегкому в силу природно-климатических условий, территориальных особенностей, исторической судьбы и пр. (*тяжелый* – 45), но необходимому, а посему особо значимому (*облагораживает* – 13; *полезный* – 9).

Для вьетнамцев ценность «труд» в первую очередь неразрывно связана с понятием «жить» (trưc tiếп (жить) в качестве ассоциата упомянуто 40 раз), что ни коим образом не сигнализирует о степени легкости труда в данном социуме (ср.: слово nặng (тяжело) упомянуто как ассоциат 10 раз). Однако степень «борьбы за выживание» в процессе труда в природно-климатических условиях, где возможен сбор урожая три-четыре раза в год, объективно ниже, чем в России, что и отражается в языковом сознании представителей тропической страны. Если для русских ценность «труд» – это чаще всего борьба с природными стихиями и нередко с самим собой, в условиях монотонной, скучной работы, провоцирующей такое качество, как лень (соответствующий ассоциат упомянут 12 раз), в ситуации психологическо-

го комфорта вполне преодолеваемое, о чем свидетельствует наличие в АП слова *ударный*, то для представителей вьетнамского социума данная ценность более гармонична как естественная часть человеческого бытия.

Можно также констатировать в русском языковом сознании, по сравнению с вьетнамским, большую степень влияния прецедентности как части идеологической составляющей культуры недавнего прошлого: *мир* – 14; *ударный* – 13; *мир, май; на благо* – 11. Во вьетнамском лингвосознании, во многом сохраняющем подобную идеологию: *cuộc sống* – «жизнь» – 12; *hiệu quả* – «эффективно» – 7; *mọi thứ* – «все», *mục tiêu* – «цель» – 2.

Выводы

Итак, теоретические положения работ, выполненных в русле аксиологической лингвистики и выявляющих национально-культурную специфику семантики, и результаты сопоставительных экспериментальных процедур, направленных на исследование ассоциативных полей, могут быть положены в основу востребованных на современном этапе национально ориентированных лингвострановедческих учебных словарей, знакомящих пользователей с культурным компонентом семантики единиц, входящих в их словарь. В ходе составления такого учебного словаря, адресованного вьетнамской аудитории, изучающей русский язык как средство межкультурного общения, проведены сопоставительные эксперименты, демонстрирующие значимость эмпирического анализа общечеловеческих ценностей «любовь» и «труд» для описания особенностей языкового сознания этноса. Оно, будучи составной частью национального общественного сознания, отражено в семантике языковых единиц. Именно его верифицированное и по возможности адекватное отображение должно быть представлено в структуре современных национально ориентированных учебных лингвострановедческих словарей. Такой подход позволит избежать интерференции ценностей, затрудняющей усвоение иностранного языка как одной из форм межкультурной коммуникации и препятствующей эффективному диалогу культур.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (научный проект № 20-512-92001 «Разработка концепции лингвострановедческого национально ориентированного учебного словаря русского языка для вьетнамских граждан»).

The research is funded by Russian Foundation for Basic Research (project No 20-512-92001 “Framework Development of Linguistic-and-Cultural Nationally Focused Learner’s Dictionary of the Russian Language for Vietnamese Citizens”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1984. Аксиология в единицах языка и речи // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М. : Наука. С. 5–23.
- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Баразгова Е. С., 1997. Американская социология : Традиции и современность. Екатеринбург : Деловая кн. ; Бишкек : Одиссей. 173 с.
- Бартминьский Е., 2005. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М. : Индрик. 527 с.
- Березович Е. Л., 2007. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик. 599 с.
- Богданова Л. И., 2017. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Т. 21, № 4. С. 729–748.
- Богданова Л. И., 2018. Оценочные смыслы в русской грамматике // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Т. 22, № 4. С. 844–873.
- Вежбицкая А., 2001. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М. : Яз. слав. культуры. 288 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1990. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Рус. яз. 246 с.
- Вольф Е. М., 1985. Функциональная семантика оценки. М. : Наука. 228 с.
- Гладкова А. Н., 2010. Русская культурная семантика : Эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Яз. слав. культур. 295 с.
- Живов В. М., 2009. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В. М. Живова. М. : Яз. слав. культур. С. 5–26.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2012. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Яз. слав. культур. 696 с.
- Иванова С. В., 2004. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа : РИО БашГУ. 152 с.
- Карасик В. И., 2002. Язык социального статуса. М. : Гнозис. 333 с.
- Карасик В. И., 2005. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма. С. 25–61.
- Козлова Л. А., 2018. Этнокультурный потенциал залоговых форм и его дискурсная актуализация // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Т. 22, № 4. С. 874–894.
- Ларина Т. В., Озюменко, В. И., 2017. Свобода личности как конституирующий компонент английского дискурса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2. С. 160–172.
- Леонтович О. А., 2005. Русские и американцы: парадоксы межкультурной коммуникации. М. : Гнозис. 344 с.
- Лопатин В. В., 2007. Оценка как объект грамматики // Многогранное русское слово : Избранные статьи по русскому языку / под ред. О. Е. Ивановой. М. : Азбуковник. С. 536–542.
- Мамонтов А. С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В. В., 2019. Лингвострановедческий учебный словарь для монгольских граждан: специфика представления материала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 1. С. 74–85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.6>.
- Маркелова Т. В., 2007. Аксиологичность как имманентное свойство газетно-публицистического текста // Язык и стиль современных СМИ : межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посвящ. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. М. : МГУП. С. 231–238.
- Марьянчик В. А., 2013. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М. : Либроком. 272 с.
- Матвеев П. Е., 2006. Этика. Основы общей теории морали. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та. 81 с.
- Сальникова Ю. А., 2014. Аксиологические аспекты медиадискурса. Биробиджан : Изд. центр ФБГОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема». 157 с.
- Синячкин В. П., 2009. Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. № 10-2. С. 273–288.
- Стернин И. А., 2003. К разработке модели контрастного описания национального комму-

никативного поведения // Аксиологическая проблематика: проблемы коммуникативного поведения : сб. науч. тр. под ред. В. И. Карасика, Н. А. Красавского. Волгоград : Перемена. С. 5–15.

Телия В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры. 288 с.

Уфимцева Н. В., 2015. Ядро языкового сознания как отражение системности образа мира // Язык в пространстве речевых культур. К 80-летию Е.В. Гольдина. М. ; Саратов : Наука образования. С. 335–342.

Фразеология в контексте культуры, 1999 : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Яз. рус. культуры. 333 с.

Цэдэндоржийн Э., 2015. Язык и культура: основы национально ориентированной лексикографии (с позиции носителя монгольского языка). М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 200 с.

Этносемиотика ценностных смыслов, 2008 : коллектив. моногр. Иркутск : ИГЛУ. 529 с.
Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings. In 2 Vols., 2002 / ed. by C. Goddard, A. Wierzbicka. Amsterdam : John Benjamins. 2 vols.

Goddard C., Wierzbicka A., 2014. Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures. Oxford : Oxford University Press. 316 p.

Kecskes I., 2014. Intercultural Pragmatics. Oxford : Oxford University Press. 277 p.

Kluckhohn F., Strodtbeck F. L., 1961. Variations in Value Orientations. Connecticut : Greenwood Press. 437 p.

Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse // Anglo-Slavonic Perspectives Lodz Papers in Pragmatics. Vol. 13, iss. 1. P. 109–128.

Leech G., 2014. The Pragmatics of Politeness. Oxford : Oxford University Press. 369 p.

Wierzbicka A., 2003. Cross-Cultural Pragmatics. 2nd ed. Berlin, N. Y. : Mouton de Gruyter. 502 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Кузнецов – Кузнецов С. А. Новый большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : АСТ : Астрель, 2002. 2 т.

Hoàng Phê – Hoàng Phê. Từ điển Tiếng Việt. Viện Ngôn ngữ học : NXB Đà Nẵng, 2003. 1222 tr.

REFERENCES

Arutyunova N.D., 1984. Aksiologiya v edinicakh yazyka i rechi [Axiology in the Mechanisms of Life and Language]. *Problemy strukturnoy lingvistiki*. 1982 [Problems of Structural Linguistics. 1982]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-23.

Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy. Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings. Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.

Barazgova E.S., 1997. *Amerikanskaya sotsiologiya: Traditsii i sovremennost* [American Sociology: Tradition and Modernity]. Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., Bishkek, Odissey Publ. 173 p.

Bartminskiy E., 2005. *Yazykovoy obraz mira: ocherki po yetnolingvistike* [The Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ. 527 p.

Berezovich E.L., 2007. *Yazyk i traditsionnaya kultura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethno-Linguistic Research]. Moscow, Indrik Publ. 599 p.

Bogdanova L.I., 2017. Otsenki i tsennosti v zerkale slovarey russkogo yazyka [The Reflection of Evaluation and Values in Russian Language Dictionaries]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 21, no. 4, pp. 729-748.

Bogdanova L.I., 2018. Ochenochnye smysly v russko y grammatike [Evaluative Senses in Russian Grammar]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 844-873.

Vezhbickaya A., 2001. *Ponimanie kultury cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 288 p.

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 1990. *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 246 p.

Volf E.M., 1985. *Funktionalnaya semantika ocenki* [Functional Semantics Evaluation]. Moscow, Nauka Publ. 228 p.

Gladkova A.N., 2010. *Russkaya kulturnaya semantika: Emocii, tsennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian Cultural Semantics: Emotions, Values, Attitudes]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 295 p.

Zhivov V.M., 2009. Istoriya ponyatiy, istoriya kultury, istoriya obshchestva [History of Concepts,

- History of Culture, History of Society]. *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays of Russian Language Historical Semantics of Early Modern Times]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 5-26.
- Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelyov A.D., 2012. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [The Essential Ideas of the Russian Language World View]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 696 p.
- Ivanova S.V., 2004. *Lingvokulturologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigm* [Cultural Linguistics and Cognitive Linguistics: Alignment of Paradigms]. Ufa, RIO BashGU. 152 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazyk socialnogo statusa* [Language of Social Status]. Moscow, Gnozis Publ. 333 p.
- Karasik V.I., 2005. Lingvokulturnyy tipazh «russkiy intelligent» [Linguacultural Type of the “Russian Intellectual”]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological Linguistics: Linguocultural Types. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Paradigma Publ., pp. 25-61.
- Kozlova L., 2018. Etnokulturnyy potentsial zalogovykh form i aktualizatsiya yego diskursa [The Ethnocultural Potential of Voice Forms and Its Discourse Actualization]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 874-894.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., 2017. Svoboda lichnosti kak konstituiruyushchiy komponent angliyskogo diskursa [Personal Freedom as a Constituent Component of English Discourse]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of South Federal University. Philological Sciences], no. 2, pp. 160-172.
- Leontovich O.A., 2005. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkulturnoy kommunikatsii* [Russian and Americans; Paradoxes of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ. 344 p.
- Lopatin V.V., 2007. Otsenka kak obyekt grammatiki [Assessment as an Object of Grammar]. Ivanova O.E., ed. *Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye statyi po russkomu yazyku* [Multifaceted Russian Word: Selected Articles on the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 536-542.
- Mamontov A.S., Cyedyendorzhiyn Ye., Boguslavskaya V.V., 2019. *Lingvostranovedcheskiy uchebnyy slovar dlya mongolskikh grazhdan: specifika predstavleniya materiala* [Linguistic and Country Studies Learner’s Dictionary for Mongolian Citizens: Specifics of Presenting the Material]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 1, pp. 74-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.6>.
- Markelova T.V., 2007. Aksiologichnost kak immanentnoe svoystvo gazetno-publitsisticheskogo teksta [Axiologiness as an Immanent Property of a Newspaper and Journalistic Text]. *Yazyk i stil sovremennykh SMI: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vseros. konf., posvyashch. 80-letiyu prof. N.S. Valginoy* [Language and Style of Modern Media. Interuniversity Collection of Scientific Works. All-Russian Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Professor N.S. Valgina]. Moscow, MGUP, pp. 231-238.
- Maryanchik V.A., 2013. *Aksiologichnost i otsenochnost media-politicheskogo teksta* [Axiologiness and Evaluativeness of a Media-Political Text]. Moscow, Librokom Publ. 272 p.
- Matveev P.E., 2006. *Etika. Osnovy obshchey teorii morali* [Ethics. Foundations of a General Theory of Morality]. Vladimir, Izd-vo Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta. 81 p.
- Salnikova Yu.A., 2014. *Aksiologicheskie aspekty mediadiskursa* [Axiological Aspects of Media Discourse]. Birobidzhan, Izdatelskiy tsentr FBGOU VPO «PGU im. Sholom-Aleykhema». 157 p.
- Sinyachkin V.P., 2009. Formy sushchestvovaniya obshchchelovecheskikh tsennostey v russkoy kulture [Forms of the Universal Values Existence in Russian Culture]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], no. 10-2, pp. 273-288.
- Sternin I.A., 2003. K razrabotke modeli kontrastivnogo opisaniya natsionalnogo kommunikativnogo povedeniya [To the Model Development of Contrastive Description of National Communicative Behavior]. Karasik V.I., Krasavskiy N.A., eds. *Aksiologicheskaya problematika: problemy kommunikativnogo povedeniya: sb. nauch. tr.* [Axiological Problems: Problems of Communicative Behavior. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 5-15.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 288 p.
- Ufimceva N.V., 2015. Yadro yazykovogo soznaniya kak otrazhenie sistemnosti obraza mira [The Core

- of a Language Consciousness as a Reflection of Image of the World Consistency]. *Yazyk v prostranstve rechevykh kultur. K 80-letiyu E.V. Goldina* [Language in the Space of Speech Cultures. To the 80th Anniversary of E.V. Goldin]. Moscow, Saratov, Nauka obrazovaniya Publ., pp. 335-342.
- Teliya V.N., ed. *Frazeologiya v kontekste kultury: sb. st.* [Phraseology in the Context of Culture. Collection of Articles], 1999. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 333 p.
- Tsyedyendorzhiyn Ye., 2015. *Yazyk i kultura: osnovy natsionalno orientirovannoy leksikografii (s pozitsii nositelya mongolskogo yazyka)* [Language and Culture: Basics of Nationally Oriented Lexicography (From the Perspective of a Native Speaker of the Mongolian Language)]. Moscow, Gosudarstvennyy IRYa im. A.S. Pushkina. 200 p.
- Etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Ethnosemiometry of Value Meanings], 2008. Irkutsk, IGLU. 529 p.
- Goddard C., Wierzbicka, A., eds., 2002. *Meaning and Universal Grammar: Theory and Empirical Findings. In 2 Vols.* Amsterdam, John Benjamins.
- Goddard C., Wierzbicka A., 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures.* Oxford, Oxford University Press. 316 p.
- Kecskes I., 2014. *Intercultural Pragmatics.* Oxford, Oxford University Press. 277 p.
- Kluckhohn F., Strodtbeck F.L., 1961. *Variations in Value Orientations.* Connecticut, Greenwood Press. 437 p.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., Kurtes S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse. *Anglo-Slavonic Perspectives Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, iss. 1, pp. 109-128.
- Leech G., 2014. *The Pragmatics of Politeness.* Oxford, Oxford University Press. 369 p.
- Wierzbicka A., 2003. *Cross-Cultural Pragmatics.* 2nd ed. Berlin, New York, Mouton de Gruyter. 502 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A. *Novyy bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A New Large Explanatory Russian Dictionary]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy asociativnyy slovar.* V 2 t. [Russian Associative Dictionary. In 2 Vols.]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2002. 2 vols.
- Hoang Phe. *Tu dien Tieng Viet* [Vietnamese Dictionary]. Vien Ngon ngu hoc, NXB Da Nang, 2003. 1222 tr. (In Vietnamese).

Information About the Authors

Aleksandr S. Mamontov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, as-mamontov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

Vera V. Boguslavskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

Ekaterina A. Budnik, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Russian Arts and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, ebudnik11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5055-8908>

Albertina G. Ratnikova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, porijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

Trinh Thi Kim Ngoc, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Scientific Consultant on Cultural and Social Issues, Institute of Human Sciences, Vietnam Academy of Social Sciences, Kim Ma Thuong St, 9a, 100118 Hanoi, Vietnam, ngocha098@gmail.com

Информация об авторах

Александр Степанович Мамонтов, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, as-mamontov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6703-637X>

Вера Васильевна Богуславская, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, boguslavskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

Екатерина Александровна Будник, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, ebudnik11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5055-8908>

Альбертина Германовна Ратникова, кандидат педагогических наук, педагог кафедры русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, rorijoki@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

Чинь Тхи Ким Нгок, доктор филологических наук, профессор, научный консультант по культурным и социальным вопросам, Институт человековедения, Вьетнамская академия общественных наук, ул. Ким Ма Тхьонг, 9а, 100118 г. Ханой, Вьетнам, ngocha098@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.9>

UDC 811.581'373.611
LBC 81.711-20

Submitted: 04.06.2020
Accepted: 02.12.2020

SPECIFIC FEATURES OF LETTERED WORDS' INTEGRATION IN THE GRAPHIC, PHONETIC AND GRAMMATICAL ASPECTS OF THE CHINESE LANGUAGE

Tatiana A. Uryvskaya

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. This paper is devoted to the specific features of lettered words' integration in the graphic, phonetic and grammatical aspects of the Chinese language. The author has analyzed a number of local and foreign studies, covering the main patterns of the lettered words' integration. Based on Liu Yongquan's studies, it was concluded that it's important to strictly follow letters' case. The case difference can distinguish semantics of different lettered words. Native Chinese speakers with high linguistic competence are able to recognize various lettered words in print, but they may not know how to read them out loud. Therefore, the pronunciation of lettered words is associated with a number of issues: the choice of pronunciation standard, the differentiation of initialisms and acronyms, the choice which syllable to stress. Based on the results of previous research, different ways of how borrowed lettered words respond to the grammatical norms of the Chinese language were identified. The empirical analysis was performed with lettered words extracted by the method of continuous sampling from lexicographic sources. Using the cases described in the paper, the author has proved that in addition to such word-formation processes as compounding, semi-affixation, syntactic and morphological transposition, lettered words can also be formed and transformed with morphological contraction.

Key words: Chinese, lettered words, abbreviations, initialisms, Chinese hybrid words, assimilations, word-formation.

Citation. Uryvskaya T.A. Specific Features of Lettered Words' Integration in the Graphic, Phonetic and Grammatical Aspects of the Chinese Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 114-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.9>

УДК 811.581'373.611
ББК 81.711-20

Дата поступления статьи: 04.06.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ БУКВЕННЫХ СЛОВ В ГРАФИЧЕСКУЮ, ФОНЕТИЧЕСКУЮ И ГРАММАТИЧЕСКУЮ СИСТЕМЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Татьяна Александровна Урывская

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье освещаются особенности интеграции буквенных слов в графическую, фонетическую и грамматическую системы китайского языка. Проанализированы научные труды отечественных и зарубежных лингвистов, исследовавших буквенные слова в китайском языке. С опорой на труды Лю Юнцюаня показано, что при написании буквенных слов китайского языка значимость имеет регистр букв, разграничивающий лексические единицы. Поскольку носители китайского языка с высокой лингвистической компетенцией способны распознавать различные буквенные слова в печати, но могут не знать правил их чтения, в лингвистике обсуждается ряд вопросов, связанных с произношением буквенных слов: выбор произносительной нормы для каждого вида буквенных лексем, дифференциация буквенных аббревиатур и акронимов, постановка ударения. С учетом имеющихся по исследуемой проблематике лингвистических работ определены некоторые особенности подчинения буквенных лексем грамматическим нормам современного китайского языка. Материалом для эмпирического анализа стали буквенные слова, извлеченные

методом сплошной выборки из специализированных лексикографических источников. Установлено, что для создания буквенных слов в китайском языке, наряду со словосложением, полуаффиксацией, синтаксической транспозицией, морфологической транспозицией, применяется и такая словообразовательная модель, как морфемная контракция.

Ключевые слова: китайский язык, буквенные слова, аббревиатура, аббревиатура инициального типа, слово-метис, ассимиляция, словообразование.

Цитирование. Урывская Т. А. Особенности интеграции буквенных слов в графическую, фонетическую и грамматическую системы китайского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т.20, № 1. – С. 114–122. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.9>

Introduction

According to the definition of the Chinese linguist Liu Yongquan, one of the pioneers in this field of research, the lettered words of the Chinese language (汉语字母词) are “the words whose structure includes Chinese characters and letters of foreign alphabets (mainly Latin letters) or words completely consisting of letters of foreign alphabets. Examples of the first type are B 超, 卡拉 OK; examples of the second type are CD, UFO...” [Liu, 1994, p. 7].

Despite the fact that the full definition of these lexical items was given only in 1994, we can find many facts confirming that the history of their existence in the Chinese language has more than a hundred years. The Chinese researcher Dong Ming in the article “Justifying Chinese Latin Abbreviations” (“汉语字母词存在的合理性”) cited the fact that X 光线 was included in the “Xin Erya” (“新尔雅”) dictionary in 1903 [Dong, 2014].

Li Xiaohua in her article «Review of the issues related to the inclusion of lettered words in dictionaries» (“浅议字母词收入辞书问题”) noted an increase of lettered words' usage during The May Fourth Movement. Li Xiaohua, referring to Liu Yonghan, also gives examples of the historical appearance of lettered words in Chinese literature of that period, in particular, 阿 Q from “The True Story of Ah Q” in 1921 (“阿 Q 正传”), N 先生 from “The Story of Hair” 1920 (“头发的故事”) [Li, 2014, p. 46].

Research material and methods

The material base for the study is specialized dictionaries that give a definition to many lettered words of the Chinese language. With the appearance and wider spread of lettered words

in the Chinese language, it became necessary to give an accurate, full definition of the most commonly used lettered items in various fields. In 1996, the 3rd edition of the “Contemporary Chinese Dictionary” (现代汉语词典, hereinafter referred as the CCD) included definitions of 39 lettered words. Inclusion of lettered words in the corresponding section of the CCD has become systematic and continues to this day. In the 7th edition of the CCD (2016) 235 lettered words were included in the section (CCD, 1996; CCD, 2016). The data from the “Chinese lettered words dictionary” by Liu Yongquan, which contains the most complete and systematized list of lettered words of the contemporary Chinese language also was used as the research material. The main methodology is the continuous sampling method, as well as the method of structural and component analysis of lettered words.

Regular appearance of lettered words in the Chinese press not only confirms the presence of these lexemes in contemporary Chinese, but also indicates the communicative tolerance of Chinese speakers to them [Veselova, Uryvskaya, 2019]. In the author's opinion, the following factors contributed to this communicative tolerance: the need to fill the gaps in the lexical system; the speech efforts saving's principle; psychological factor [Alikberova, Uryvskaya, 2016]. It is worth mentioning that psychological factor is often caused by the desire to give one's speech special novelty and relevance, as well as emphasize the level of education and language competence, which leads to the extensive use of lettered words by Chinese speakers. The desire of native Chinese speakers to transform their speech with foreign inclusions and to impress with their intelligence is common both to an average society member and representatives of the political elite of China. For example, H. Kissinger, an American

politician, diplomat and expert in the field of international relations, in his book “On China”, published for the first time in 2011, wrote about the former General Secretary of the Chinese Communist Party, Jiang Zemin: “He took pride, sometimes exuberantly so, in his talent for foreign languages and knowledge of Western music. With non-Chinese visitors, he regularly incorporated English or Russian or even Romanian expressions into his presentations to emphasize a point...”. In the author’s opinion, thereby H. Kissinger indicates loyalty of Jiang Zemin to foreign borrowings [Kissinger, 2015, p. 478].

Based on the data of a sociological survey among native Chinese speakers, which was outlined in the article “Chinese lettered words: barbarism or assimilated borrowing?” in 2019 [Uryvskaya, Veselova, 2019, pp. 431-446], we can draw certain conclusions about high level of communicative tolerance of a part of the Chinese society to these lexical items and effective assimilation of the lettered words in the Chinese language. However, despite the general tolerance, lettered words in the language system sometimes can also cause a negative response. Opponents of lettered words call them an unnatural element imposed by Western culture. According to their opinion, among many attempts to latinize Chinese writing, lettered words have inflicted the most serious damage on the Chinese language [Dong, 2014]. Therefore, we can see a mixed attitude of native Chinese speakers towards this phenomenon, which, however, does not prevent assimilation of these lexical items into the Chinese language system. Further we will evaluate these processes in detail.

Results and discussion

Specific features of lettered words’ integration in the graphic system of the Chinese language

There are clear rules of writing Chinese characters, which is not the case with the lettered words of the Chinese language. Analyzing the rules of writing lettered words of the Chinese language, Liu Yongquan has identified four categories of lettered words with different features and rules of writing.

The first category includes professional vocabulary and scientific or technical language: IMF – International Monetary Fund, 国际货币基金组织; CPU – Central Processing Unit, 中央处理器 [Liu, 2002]. Most of the words in this category are represented by initialisms, and they should be written in uppercase.

The second category includes words that indicate units of measure, for example, cl – ‘centiliter’, 厘升 or mm – ‘millimeter’, 毫米 [Liu, 2002]. These words should be written in lowercase.

The third category is represented by words, which can be written both in lowercase and uppercase letters. For example, Internet / internet / INTERNET, 互联网 [Liu, 2002], or SOHO / SoHo – Small office home office, 家庭办公室, 家庭企业 [Liu, 2002]. The choice of lowercase or uppercase letters is insignificant, any of the writing ways will be correct.

The fourth category consists of words containing both lowercase and uppercase letters, for example, IPv4 – Internet Protocol version 4, 互联网的网络通信协议的4号版本 [Liu, 2002] or dBASE – data BASE, 数据库 [Liu, 2002]. The order of lowercase and uppercase letters in the composition of such words is fixed, they have no alternative writings.

In some cases, the choice of uppercase or lowercase letters in lettered words writing determines their semantics. Therefore, when using lettered words, it is necessary to clearly determine which of the four categories a particular lettered word belongs to and what its correct writing should be. In the variety of the Chinese lettered words, we can find following examples: CD, Cd and cd [Liu, 2002], where CD stands for Compact Disc, 光碟; Cd – (from lat.) Cadmium, 镉; and cd «candela», 坎德拉 is the base unit of luminous intensity.

Specific features of lettered words’ integration in the phonetic system of the Chinese language

Even though lettered words have already become an integral part of the lexical system of the contemporary Chinese language, most of them are represented by borrowings from other languages. Nowadays, the lettered words

of the Chinese language are increasingly used not only in written, but also in oral speech by native Chinese speakers, so the question of the pronunciation standards for such words arises quite logically. H. Riha, an American researcher of Chinese lettered words, notes that “educated Chinese speakers may recognize a variety of lettered words in print but may not necessarily need to say them aloud and may not know their pronunciation” [Riha, 2010, p. 47]. Lettered words in contemporary Chinese are more often found in print and less often in spoken language, so native Chinese speakers rarely could learn their correct pronunciation by ear. H. Riha also noted the fact that there are no rules for reading lettered words in Chinese specialized dictionaries [Riha, 2010, p. 47].

According to the conclusions made by Liu Yongquan in 2002, reading and pronunciation of lettered words involves the following questions:

A. The choice of pronunciation standard in relation to lettered words.

B. Continuous or separate reading of lettered words.

C. Accentuation while reading lettered words.

With regard to the first question, Liu Yongquan believes that lettered words borrowed from foreign languages are read in accordance with the rules for reading letters of the English alphabet, and not only words from the English language follow this rule [Liu, 2002]. As a part of an experiment in identifying the functioning of lettered words in native Chinese speakers' speech (hereinafter referred to as ‘the experiment’) described in the PhD thesis, K.A. Markina distinguishes the following patterns:

A) as lettered words adapt to the basic typological features of the Chinese language, they are read by native Chinese speakers ‘by syllables’ (especially initialisms). The tendency is based on the fact that the pronunciation of the letters in borrowed initialisms is somewhat similar to the pronunciation of Chinese syllables: C [si] = 戏 (xi) ‘game’, D [di] = 地 (dì) ‘earth’, I [ai] = 爱 (ài) ‘love’, P [pi] = 皮 (pí) ‘skin’ etc. [Markina, 2008, p. 83];

B) in pronunciation of:

a. Borrowed words in their full spelling (spelled-out words);

b. Abbreviations consisting of letters that do not have complete phonological correspondences among Chinese syllables;

c. Abbreviations that do not correspond to the fixed sequence of syllabic elements in Chinese language.

Native Chinese speakers with high linguistic competence tend to get as close as possible to the pronunciation of word elements in accordance with the rules for reading letters of the English alphabet. At the same time, native Chinese speakers with low linguistic competence pronounce them in accordance with pinyin phonetic alphabet pronunciation or with the established pronunciation in Chinese language. In this case “unsystematic distortions of the phonetic appearance of initialisms are observed” [Markina, 2008, p. 84]. H. Riha believes that initialisms are usually spelled by native Chinese speakers, and the letters are pronounced in accordance with the English reading rules. “As pronunciation of many acronyms borrowed from English is based on their English pronunciation, APEC is presumably pronounced as [eipɛk] and IBM as [aibiɛm]. When speakers do not know that a particular acronym is conventionally pronounced as a word in Chinese, they pronounce it as an initialism” [Riha, 2010, p. 47].

Within the framework of this issue, local and foreign researches touch upon the question of pronunciation of Chinese lettered items formed on a basis of pinyin. Liu Yongquan pointed out that there is currently no single rule for reading such abbreviations. Nevertheless, the scholar notices the propensity of Chinese speakers to pronounce them in accordance with the rules for reading English letters [Liu, 2002, pp. 85-90]. However, analysis of the pronunciation variants of such abbreviations provided by K.A. Markina is more detailed:

A) in accordance with Chinese reading of the syllables in the corresponding full words.

GG = 哥哥 gēge ‘elder brother’.

B) in accordance with English names of letters that constitute abbreviation. HSK (汉语水平考试 (Hànyǔ shuǐpíng kǎoshì) ‘the standardized test of Standard Chinese language’) as [eitʃ] – [es] – [kei].

C) multiple variants of pronunciation occur due to inaccurate identification of the source of abbreviation.

GB = a) 国标 guóbiāo ‘state standard’,

b) [d3i bi] – Great Britain.

Regarding the second question, Liu Yongquan expressed an opinion on the existing variability in reading of initialisms. Abbreviations that have vowels in the middle can be taken for a single syllable or as a chain of independent syllables and pronounced as one unit (for example ‘SOHO’ – ‘SO/HO/’). At the same time, abbreviations that do not have a sequential alternation of consonants and vowels (for example, ‘MRI’, ‘GSM’) are read letter-by-letter according to the patterns discussed before. However, there are abbreviations that have two options of reading – both as a single syllable and as a chain of independent syllables (for example ‘ISO’ – “ai es əu” and “i: so”) [Liu, 2002]. According to the experiment of K.A. Markina, “the overall statistics of reading abbreviations that suggest such dual pronunciation, is approximately at the ratio of 50/50” [Markina, 2008, p. 100].

In relation to the third question on accentuation of lettered words, Liu Yongquan has only pointed out the need for correct accentuation in lettered words to avoid the distortion of their phonetic form. The questions of accentuation in lettered words were out of the scope of K.A. Markina’s experiment, but the problem of the presence or absence of tones in the syllables was raised. According to the data, in the process of ascribing tones to the syllables in borrowed lettered words all tones of Chinese language were involved, with the neutral tone being rarely ascribed to syllables in lettered words [Markina, 2008, p. 106]. This is explained by the perception of lettered words (particularly abbreviations) by native speakers as single syllables or chains of independent syllables. While reading lettered words, native speakers naturally ascribe a tone (one of the basic parts of Chinese syllable) to almost all syllables.

The experiment revealed that despite the existing differences in choosing a tone while reading lettered words and abbreviations, the top choice of the respondents is usually the first (flat) tone. In our point of view, the first (flat) tone is distinguished by the special duration and height, which can technically correspond to the stress in the original lettered word. In terms of acoustic characteristics, the syllable with the first tone is

closer to the stressed syllables of the borrowed lettered words from the English language, for instance. This may be due to the fact that its duration is similar to such a basic characteristic of the stressed syllable in the English language as duration.

***The process of subordination
of the borrowed lettered words
to the grammar standards
of the Chinese language***

As was already noticed, there are several reasons for the emergence and spread of lettered borrowings in the Chinese language: the need to fill the gaps in the lexical system; the speech efforts saving’s principle; psychological factor. However, the participation of these lexical units in the word-formation processes of the Chinese language is a solid proof of their transition to the status of ‘lettered words of the Chinese language’.

Hybrid words are the products of such word-formation models in the Chinese language as compounding and semi-affixation. The following example illustrates the participation of lettered borrowings in the process of compounding (definitive type):

CIF 价 – CIF jià, CIF – terms of delivery that include Cost, Insurance and Freight, where CIF – from the English *Cost, Insurance and Freight*, and 价 jià – ‘price, cost’.

Another example shows the participation of lettered borrowings in semi-affixation process:

IT 化 – IT huà, IT – ‘process of implementation / transition to information technology’, and 化 huà – semi-suffix. This semi – suffix forms a large number of words denoting the process of action, transformation, and transition of an object to another state [Gorelov, 1984, p. 61].

Lettered words usually enter the Chinese language with the original established semantic meaning and belonging to a particular lexical and grammatical category. The transition of original lettered words from one lexical and grammatical category to another is also possible – as a result of the participation of these lexical items in such word-formation processes as syntactic transposition and morphological transposition. According to the definition of V.I. Gorelov,

syntactic transposition is not accompanied by the change of lexical and morphological environment – the result of this process is only the change of syntactic functions of the original lexical unit [Gorelov, 1984, p. 93]. For example, 吃完饭谁也别走, 咱们卡拉 OK [Liu, 2002] – ‘do not leave after the meal, we will sing karaoke’. 卡拉 OK ‘karaoke’ is a borrowing from the Japanese language, in which 卡拉 is a phonetic calque from Japanese ‘カラ’ ‘empty’ and ‘OK’ from English ‘orchestra’ [Liu, 2002]. Initially, ‘karaoke’ meant sound equipment that allows performing songs to the backing track (Liu, p. 288). However, in the example, the word was syntactically transposed, which determined the transition of the word from the category of nouns to the category of verbs.

Morphological transposition (conversion) implies a change in lexical and morphological environment [Gorelov, 1984, p. 95]. For example, 你的企业 IT 了吗? – ‘Has your company applied IT?’ [Liu, 2002, pp. 85-90]. The term ‘IT’ belongs to the lexical and grammatical category of nouns, but in the example, it was used as a processual verb. This is evidenced by its position in the sentence and the grammatical indicator 了 (located after verbs and some adjectives according to the rules). As a verb, ‘IT’ acquires the meaning ‘the process of implementation and application of Internet technologies’.

In the Chinese language, in view of the morphological and semantic significance of hyphenation, compounding is one of the leading and most effective ways of word formation and word stock replenishment. However, according to I.D. Klenin and V.F. Shchichko, the development of polysyllabic lexical items also gave rise to the opposite tendency of reducing polysyllabic items to a disyllabic standard more often than to a trisyllabic or quadrisyllabic structures [Klenin, Shchichko, 2013, p. 129]. Therefore, the tendency to exceed the standard of disyllabic form within the framework of the compounding is compensated by such phenomenon as morphemic contraction (which reverts the word to the disyllabic form). Eventually, due to its effectiveness and active use of its products, this process has become one of the ways of word formation in the Chinese language. According to the definition

of V.I. Gorelov, this method is a special kind of abbreviation typical of the Chinese language by its morphological characteristics. It is a process of exclusion of individual morphemes from the composition of a polysyllabic word or phrase.

Previously, this method of formation of new words was applied only to hieroglyphic words of the Chinese language and, according to V.I. Gorelov, was divided into several types:

1. Morphemic contraction of trisyllabic lexical units.

飞机场 (fly – machine – field) → 机场 (aerodrome) [Gorelov, 1984, p. 87].

2. Morphemic contraction of quadrisyllabic lexical units.

北京大学 (Beijing University) → 北大 [Gorelov, 1984, p. 88].

3. Morphemic contraction of pentasyllabic lexical units.

语言研究所 (speech – language – to investigate – place) → 语言所 (institute of linguistics) [Gorelov, 1984, p. 89].

4. Morphemic contraction of a special type.

a) the merging of two words which have a common postpositive morpheme – the formation of one trisyllabic unit. There is a copulative bond between the first morphemes.

明天 (tomorrow) + 后天 (the day after tomorrow) → 明后天 (tomorrow or the day after tomorrow) [Gorelov, 1984, p. 90].

b) the merging of several words (usually with an identical morpheme) – the formation of an abbreviated word, including a numeral, which indicates the number of words involved in the contraction process.

农业、农村、农民问题 (problems of agriculture, village, and rural population) – 三农问题. However, with the emergence and integration of lettered words into the lexical system of the Chinese language, lettered words and their alphabetical components began to follow the rules of morphemic contraction.

Having investigated the dictionary ‘汉语字母词词典’ written by Liu Yongquan in 2008, we pointed out a number of lettered words, which, in our opinion, are the products of morphemic contraction. They demonstrate the accuracy of the conclusion that there is a process of lettered words’ subordination to the grammatical rules of the Chinese language. The lexemes selected may be divided into several groups:

Group 1:

a) Truncation of letter component of a hybrid word on a par with truncation of morphemes of postpositive hieroglyphic component:

USB 闪存	→	U 盘	USB – flash drive (Liu, p. 244)
--------	---	-----	---------------------------------

b) Truncation of letter component of a hybrid word and the use of a monomorphic postpositive hieroglyphic component:

GRE 族	→	G 族	people taking GRE test to study abroad (Liu, p. 105)
-------	---	-----	--

Group 2:

a) The merging of two hybrid words which have a common postpositive morpheme and truncation of the letter components of these words. The component in an abbreviated word is spelled as one letter, which is semantically significant for both original abbreviations:

MBA 族 + MPA 族	→	M 族	trainees or graduates of the MBA and MPA programs (Liu, p. 158)
------------------	---	-----	---

b) The merging of two or more hybrid words which have a common postpositive morpheme and truncation of letter components of these words. The component in an abbreviated word is spelled as one letter combination, which is common for all words in contraction process:

What 词 + When 词 + Where 词 + Which 词...	→	Wh-词	Wh-question words of the English language (Liu, p. 255)
---	---	------	---

Group 3:

a) Abbreviated hybrid words, which imply a hieroglyphic numeral (the number of combined words), a letter component (common to all words combined), and a hieroglyphic component indicating the meaning of abbreviated hybrid word:

Communication + Computer + Control + 革命	→	三 C 革命	the implementation of communication computerization, and management automation processes (Liu, p. 291)
---	---	-----------	--

b) Abbreviated hybrid words, which imply an Arabic numeral (the number of combined words) a

letter component (common to all words combined), and a hieroglyphic component indicating the meaning of abbreviated hybrid word:

Clean + Cycle + Control + 原则	→	3C 原则	principles of urban waste management: prevention of waste generation, comprehensive waste utilization, appropriate measures in waste management (Liu, p. 276)
---------------------------------------	---	-------	---

c) Abbreviated hybrid words, which imply a hieroglyphic numeral (the number of combined words) and a letter component (common to all combined words):

Technology + Trade + Tribes	→	三T	technology, trade and the collectivist spirit (Liu, p. 292)
-----------------------------------	---	----	---

d) Abbreviated hybrid words, which imply an Arabic numeral (the number of combined words) and a letter component (common to all combined words):

Reduce + Reuse + Recycle	→	3R	modern environmental requirements (waste-reduction, renewable energy sources, and reuse) (Liu, p. 278)
--------------------------------	---	----	--

e) The merging of two groups of foreign words, distinguished by the principle of having a common letter component. In an abbreviated lettered word, the first hieroglyphic numeral (the number of words combined in the first group) and the letter component (common to all combined words of the first group) are followed by the second hieroglyphic numeral (the number of combined words in the second group) and the letter component (common to all combined words of the second group):

Computer + Communication + Control; factory Automation + office Automation + home Automation + agricultural Automation	→	三C 四A	computerization, communication, control; automation of industrial enterprises, office, household and agriculture (Liu, p. 291)
--	---	----------	--

Conclusion

Lettered words emerged in Chinese print at the beginning of the 20th century. By the middle of the century, they began to appear in Chinese literature, and due to the new realia of China, beginning with the 1978 political course, they are gaining popularity nowadays.

The article is based on a series of observations on the lettered words' integration into the Chinese language made by the author in the course of analysis of lettered words' dictionaries published in China in the period of 1996–2016.

Firstly, we have analyzed a number of local and foreign researches, covering main issues regarding specific features of various types of lettered words' integration into the phonetic and graphic systems of the Chinese language.

Secondly, the achievements of previous research made it possible to identify the peculiarities of subordination of borrowed lettered words to the grammatical standards of the Chinese language. The cases described in this paper prove that, in addition to such word-formation processes as compounding, semi-affixation, syntactic and morphological transposition, lettered words are also subject to morphological contraction. In our opinion, the expansion of the range of lettered words' grammatical functions indicates a high degree of assimilation of these lexical items into the Chinese language.

The Chinese language is a communication instrument of citizens of the state that occupies an increasingly prominent place in political and economic arenas of the world. The investigation of the main vectors of intralingual changes in the contemporary Chinese language and their motives are relevant areas of research. Nowadays, the leadership of PRC shows commitment to preserving and maintaining Chinese identity and traditions. The Chinese language and Chinese characters are a huge layer of a unique culture. The emergence, distribution and assimilation of lettered words certainly have direct impact on the traditions of this language, to a certain extent determining the ways of its development. In this regard, we believe that the status of Chinese lettered words, the legitimacy of their usage, as well as the rules regulating their writing, reading, and grammatical functions are relevant discussion topics in Chinese philology.

REFERENCES

- Alikberova A.R., Uryvskaya T.A., 2016. Modern Trends in Chinese Language: Integration of Letter Words into the Language System. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, vol. 158, no. 6, pp. 1592-1600.
- Gorelov V.I., 1984. *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Chinese Language Lexicology]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 216 p.
- Khamatova A.A., 2012. Trends of the Development of the Chinese Vocabulary in the Beginning of the XXI Century. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 4 (21), pp. 9-13.
- Kissinger H., 2015. *O Kitaye* [On China]. Moscow, AST Publ. 635 p.
- Klenin I.D., Shchichko V.F., 2013. *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Chinese Language Lexicology]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ. 273 p.
- Markina K.A., 2008. *Novye tendencii v razvitii kitajskoj leksiki: bukvennye slova kitajskogo jazyka kak projavlenie ego integracii s jelementami inoj tipologii: diss. cand. phylol. nauk* [New Tendencies in the Development of Modern Chinese Words: Chinese Littered Words as the Manifestation of Its Integration with Its Integration with the Elements of the Different Typology. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 180 p.
- Riha H., 2010. Lettered Words in Chinese: Roman Letters as Morpheme-Syllables. *Working Papers in Linguistics*, no. 59, pp. 44-51.
- Uryvskaya T.A., Veselova L.S., 2019. Chinese Lettered Words: Barbarism or Assimilated Borrowing? *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, vol. 11, iss. 4, pp. 431-446. DOI: 10.21638/spbu13.2019.402.
- Veselova L.S., Uryvskaya T.A., 2019. About Communicative Tolerance of Chinese Speakers to Lettered Words. *Sbornik statey i dokladov uchastnikov XII Mezhdunarodnoy nauchnoprakticheskoy konferentsii «Rossiya – Kitay: istoriya i kultura»* [Proceedings of the 12th International Conference “Russia – China: History and Culture”]. Kazan, «Fen» AN RT Publ. pp. 103-107.
- Dong Ming, 2014. Hanyu zimuci cunzaide helixing [Justifying Chinese Latin Abbreviations]. *Journal of Zhejiang Gongshang University*, vol. 125, no. 2, pp. 45-52. (In Chinese).
- Li Xiaohua, 2014. Qianyi zimuci shouru cishu wenti [Review of the Issues Related to the Inclusion of Lettered Words in Dictionaries]. *Modern Chinese*, no.6, pp. 46-48. (In Chinese).

- Liu Yongquan, 1994. Tantan zimuci [Talk About Lettered Words]. *Language Planning*, no. 10, pp. 7-9. (In Chinese).
- Liu Yongquan, 2002. Guanyu hanyu zimucide wenti [The Issue of Lettered Words in Chinese]. *Applied linguistics*, no. 1, pp. 85-90. (In Chinese).
- Tang Jingqiong, 2013. Zimuci ru “Xiandai hanyu cidian” [Lettered Words Enter the Contemporary Chinese Dictionary]. *Journal of Suzhou University of Science and Technology (Social Science)*, vol. 31, no. 2, pp. 104-108. (In Chinese).

DICTIONARIES

- Liu* – Liu Yongquan. Hanyu zimuci cidian [Chinese Lettered Words Dictionary]. [S. 1.], Foreign Language Teaching and Research Press, 2008. 332 p. (In Chinese).
- CCD, 1996* – Contemporary Chinese Dictionary. 3rd ed. Beijing, The Commercial Press, 1996. 1832 p. (In Chinese).
- CCD, 2016* – Contemporary Chinese Dictionary. 7th ed. Beijing, The Commercial Press, 2016. 1799 p. (In Chinese).

Information About the Author

Tatiana A. Uryvskaya, Candidate for a Degree, Lecturer, Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Laotian Languages, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia, uryvski@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0146-1365>

Информация об авторе

Татьяна Александровна Урывская, соискатель ученой степени кандидата наук, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия, uryvski@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0146-1365>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.10>

UDC 811.14'04:81'25
LBC 81.452-8

Submitted: 02.11.2020
Accepted: 24.12.2020

THE LIFE OF ST. PANCRATIUS OF TAORMINA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EXCERPTS FROM MANUSCRIPTS OF THE 10th AND 11th CENTURIES ¹

Kseniia S. Morugina

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This work is dedicated to the comparison of textual variants of the Life of St. Pancratius of Taormina represented in manuscripts of the 10th and 11th centuries. The presumable full corpus of Pancratius story is told in thirteen Greek manuscripts that have been currently uncovered. One of them, the 11th century AD manuscript, written in Koine Greek, is currently being repositied in State Historical Museum in Moscow under cipher GIM Vlad. 381 (Sin. gr. 15). In this paper the manuscript Sin. gr. 15 is analyzed from codicological and paleographic perspectives; it is also compared to the manuscripts of the first edition. The purpose of the study includes a comparative analysis, namely through reading, studying and translation of excerpts from the lives in Greek language into modern Russian. The comparison between the first edition and the unpublished second edition of the Life of St. Pancratius points to significant textual differences, both compositional and linguistic. The composition of the first edition is more extensive, while the second one is shortened and stylistically improved as a result of literary processing, as compared to the first version. Thus, the aforementioned conclusion confirms the hypothesis that the two editions appeared at different historical periods and in different intellectual circles.

Key words: Saint Pancratius, Byzantine philology, Medieval Greek, translation, life, early Byzantine hagiography, manuscripts, Christianity.

Citation. Morugina K.S. The Life of St. Pancratius of Taormina: A Comparative Analysis of Excerpts from Manuscripts of the 10th and 11th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 123-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.10>

УДК 811.14'04:81'25
ББК 81.452-8

Дата поступления статьи: 02.11.2020
Дата принятия статьи: 24.12.2020

ЖИТИЕ СВ. ПАНКРАТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАГМЕНТОВ ИЗ РУКОПИСЕЙ X И XI ВЕКОВ ¹

Ксения Сергеевна Моругина

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено компаративному изучению текстовых вариантов Жития св. Панкратия Таорминского, представленных в рукописях X и XI веков. На сегодняшний день ученым известно 13 рукописей, в которых содержится текст Жития. Одна из них – рукопись XI в. н.э., написанная на греческом койне, – в настоящее время хранится в Государственном историческом музее в Москве под шифром ГИМ

Влад. 381 (Син. гр. 15). Рукопись Син. гр. 15, отражающая вторую редакцию Жития св. Панкратия, проанализирована в данной статье в палеографическом и кодикологическом аспектах, проведено ее сравнение с рукописями первой редакции, созданными в X веке. В задачи исследования входил компаративный анализ, комментирование и перевод фрагментов Жития со среднегреческого языка на современный русский язык. В ходе сравнения изданной первой редакции текста Жития св. Панкратия с неизданной второй между ними были обнаружены значительные разночтения композиционного и речевого характера. Результаты их изучения позволили подтвердить авторскую гипотезу о том, что две редакции возникли в разное время и в разных интеллектуальных кругах.

Ключевые слова: св. Панкратий, византийская филология, среднегреческий язык, перевод, житие, ранняя византийская агиография, манускрипт, христианство.

Цитирование. Моругина К. С. Житие св. Панкратия: сравнительный анализ фрагментов из рукописей X и XI веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 123–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.10>

Введение

Интерес к агиографическим текстам, относящимся к греческой рукописной традиции, и к переводам этих текстов на европейские языки проявился у ученых уже в эпоху Возрождения, когда происходило осознание цивилизационной принадлежности Европы к античному и византийскому наследию. В связи с этим особенно острыми в историческом, филологическом и культурологическом дискурсах становятся вопросы, связанные с осмыслением векторов взаимодействия культур и культурной памяти в целом. Историки, филологи, философы, богословы все больше внимания уделяют методам изучения житий святых и смежным жанрам древней и средневековой литературы. Поэтому обращение к литературному памятнику, содержащему сведения о кризисном периоде в истории Сицилии, о жизни германских, славянских и аварских племен, является закономерным и органичным в рамках актуальных сегодня направлений филологии, источниковедения и историографии.

Феномен *жития* (лат. *vita*; греч. *βίος καί πολιτεία*) возникает и развивается параллельно с христианской церковью. С начала своего существования христианство стремилось собрать воедино свидетельства о жизни и деятельности подвижников, глашатаев нового учения. В христианской литературе именно жития святых занимают самое значительное место.

В филологии необходимость исследования жанра жития обуславливается его принадлежностью к христианской литературе, и с этой перспективы изучаются закономерности его развития, лексический состав, структура и со-

держание. Текстологи занимаются историей отдельных текстов и их реконструкцией на основе сравнения разных редакций и списков житий. В историко-богословском плане жития святых рассматриваются как источник, по которому восстанавливают богословские теории периода создания того или иного житийного текста. Исследуя агиографические произведения с этой точки зрения, можно приблизиться и к пониманию богословской позиции автора жития, а также редакторов позднейших вариантов текста.

Фигура святого Панкратия Таорминского (Тавроменийского), жившего в начале – второй половине I в. н. э. и посланного евангелизировать Таормину (город на о. Сицилия) в сане первого епископа этого города, неоднократно становилась объектом зарубежных и отечественных исследований. Согласно сведениям, представленным в Житии, Панкратий родился в Антиохии. Его родители, будучи язычниками, обратились в христианскую веру. Панкратий с ранних лет проявлял благочестие, и позже апостол Петр сделал его одним из своих учеников и отправил с миссией в восточные провинции Империи. На Сицилии Панкратий обращал язычников в христианскую веру, воздвигал христианские храмы и исцелял людей от болезней. Он стал жертвой заговора язычников, которые отомстили ему за разрушение их идола. Святого Панкратия закидали камнями и закололи ножами, а тело бросили в яму. Христиане, нашедшие тело святого Панкратия, с почестями предали его земле, но святой и после смерти совершал чудеса.

Помимо этого Житие содержит свидетельства, касающиеся широкого круга религиозных и историко-культурных сведений, на-

пример о церковных договоренностях и деятельности Церкви на Сицилии, полемике по вопросу изображений религиозного характера, практике в церковном убранстве, литургических обрядах, книжном и иконописном производстве, гражданском и военном управлении. Затрагивается языковой вопрос на Сицилии, топография Сицилии и Калабрии, их контакты с Ломбардией, а также приводятся сведения о славянах и аvaraх на Сицилии. Предположительно, Житие св. Панкратия было составлено его преемником и учеником по имени Евагрий. Точная дата написания Жития до сих пор не установлена.

Помимо реальных исторических сведений, текст содержит фантастические описания и сказочные преувеличения (подробно об этом см.: [Usener, 1913]). Однако, несмотря на некоторую легендарность содержания, Житие св. Панкратия (ВНГ, 1410–1412) изучали как исследователи исторического наследия Сицилии [Van Esbroeck, Zanetti, 1988], так и историки-византилисты [Patlagean, 1968], уделявшие внимание главным образом экономической истории, а именно торговле между Иерусалимом и Италией в VIII веке. Житие было известно ученым уже в XVII в. благодаря О. Гаэтани, который включил его в свое издание под названием «Жития святых Сицилии» [Gaetani, 1657]. В XIX в. на Житие св. Панкратия первым свое внимание обратил А.Н. Веселовский, пересказав на нескольких страницах текст Жития по рукописи Син. гр. 15 и дополнив его кратким историко-филологическим комментарием [Веселовский, 1866; 1886]. Спустя почти сто лет Э. Патлажан опубликовала статью, содержащую анализ некоторых фрагментов текста Жития, имеющих отношение к экономической истории [Patlagean, 1964]. В дальнейшем исследованием Жития св. Панкратия занимался М. Капальдо [Capaldo, 1983]. Автор избирательно провел краткий текстовый анализ имеющихся в его распоряжении 11 рукописей, выдвинув предположение о том, что существует по меньшей мере две редакции Жития св. Панкратия – пространная и сокращенная [Capaldo, 1983]. Ряд других ученых, среди которых следует выделить И. Шевченко [Шевченко, 1999], комментировали отдельные фрагменты Жития (в связи, например, с изучением миссионерской деятельности в Византии),

но не рассматривали это произведение в целом [Иванов, 2003; Каждан, 2012]. Кроме того, некоторые аспекты Жития изучены в работах итальянских ученых [La Lomia, 1909; Lanzoni, 1927; Angiò, 1994; Stelladoro, 1995; Acconcia Longo, 2001]. О Житии св. Панкратия в контексте ранневизантийской агиографии упоминается в статье С. Евфимиадиса, изданной в 1991 г. [Efthymiadis, 1991].

Несколько своих работ св. Панкратию посвятил бельгийский историк христианства М. ван Эсбрук. Работая с источниками в архивах разных стран, он собрал и систематизировал агиографическое досье (*legenda*) св. Панкратия [Van Esbroeck, Zanetti, 1988], а также рассмотрел церковно-политические аспекты истории Тавроменийской епископии [Van Esbroeck, 1991].

Исследователь из Болгарии Я. Милтенов в статье «Славянская рукописная традиция жития Панкратия Тавроменийского» рассматривает славянские переводы греческого Жития св. Панкратия [Милтенов, 2013]. Основная проблема, поднятая Я. Милтеновым, заключается в отсутствии для славянских переводов Жития Панкратия Тавроменийского надежной атрибуции и критических изданий, а также разработанной текстологии, литературно-исторического и лингвистического анализа.

Всестороннее изучение Жития св. Панкратия начинается с 1986 г., когда С.Дж. Столлман на основе текстологического анализа выделила три редакции Жития св. Панкратия [The Life..., 1986] и поставила цель издать первую редакцию Жития с историко-культурологическим комментарием. Анализ выполнен С.Дж. Столлман на основе семи рукописей: Vat. Gr. 1591 (964 г.), Crypt. gr. 144 (X в.), Vat. Gr. 1985 (XI в.), Vind. Hist. Gr. 3 (XI в.), Mess. S. Salv. 53 (XII в.) и Vat. Ottob. Gr. 92 (апограф Vind. Hist. Gr. 3) (XVI в.), № II. E. 08 (кодекс переписан с Vat. Gr. 1591, хранится в библиотеке Альберто Бомбаче, о. Сицилия) (XVI–XVII вв.). Однако критическое издание первой редакции Жития св. Панкратия было осуществлено только в 2018 г. [Stallman-Pacitti, 2018]. В его основу легла неопубликованная докторская диссертация 1986 г. С.Дж. Столлман.

Первая, ранняя редакция датируется X веком. Вторая, «афонская» редакция, пред-

положительно, возникла в XI в., а третья представлена в единственном манускрипте (Vat. gr. 2010, XI в.) и значительно сокращена по сравнению с первой и второй редакцией [Stallman-Pacitti, 2018, p. 23–25]. Существование трех редакций Жития объясняется обычной практикой копирования агиографических текстов, переписчики которых могли допускать значительные вольности, такие как, например, независимая корректировка стиля текста и различные виды контаминации.

Шесть рукописей, относящихся, по мнению С. Дж. Столлман, ко второй редакции, не были привлечены ею к исследованию. Это следующие рукописи: ГИМ Влад. 381 (Син. гр. 15) (1023 г.), Laura Δ 58 (XI в.), Vat. gr. 2010 (XI в.), Pant. 53 (XII в.), Ivir. 424 (XVI в.) и Dionys. 143 (1632/33 г.).

Кодекс Син. гр. 15 (по каталогу архимандрита Владимира № 381) не попал в фокус исследования С. Дж. Столлман, хотя наряду с другими рукописями упомянут в ее диссертации как относящийся ко второй редакции [Stallman, 1986, p. 27]. Рукопись ГИМ Син. гр. 15 [Фонкич, 2014, с. 169–170], которая была изучена С. Дж. Столлман по микрофильму, но не была включена в критическое издание Жития, на наш взгляд, требует самого детального описания.

Материал и методы

Рукопись ГИМ Син. гр. 15, отражающая вторую редакцию Жития св. Панкратия, была создана в 1023 г. в Ивирском монастыре на Афоне каллиграфом Феофаном Ивирином. Первое ее описание было сделано в 1894 г. архимандритом Владимиром, систематизировавшим греческие рукописи Синодального собрания [Владимир, 1894, с. 574]. В 1993 г. вышло дополнение к каталогу архимандрита Владимира, в котором были учтены новые наблюдения разного рода, в том числе применительно к исследуемой рукописи [Фонкич, Поляков, 1993, с. 125].

Рукопись представляет собой агиографический сборник без иллюстраций большого формата (347/51 × 259/64) на 367 листах, выполнена на пергамене средней толщины достаточно низкого качества, но хорошей выделки. Помимо Жития св. Панкратия, в сборник

включены также Житие вмч. Георгия, Житие прп. Симеона, Житие сщмч. Модеста, Житие св. Феодора и др. Переплетные листы содержат пробы пера позднейших владельцев. Нумерация XIX в., счет листов зачастую нарушается: например, л. 149 ошибочно пронумерован как л. 150, затем число 150 зачеркнуто и исправлено менее насыщенными чернилами на 149. Весь кодекс писан одним писцом – каллиграфом Ивирского монастыря Феофаном. Его же почерк в рукописи ГИМ Влад. 380 (Син. гр. 162) – Жития святых, пергамен, 1022 г., 370 л. (помета на первом листе: «Αρσένιου, τῶν Ἰβήρων»). Этот факт подтверждают идентичный нашей рукописи редкий тип разлиновки – Leroy P2 22C2a, запись на л. 370: «ἔτους ςφλ' ταπεινοῦ θεοφάνου» – и не поддающаяся прочтению грузинская помета XI века. Система разлиновки для большинства тетрадей – 1. Тип разлиновки – Leroy P2 22C2a – Lake II, 43b (тетради 3, 15–29, 35, 38, 45, 46) и C24D2 (тетради 1, 2, 4–14, 30–34, 36, 37, 39, 40–44). Все 46 тетрадей – кватернионы с сигнатурами в центре нижнего поля листа. Количество строк на странице сильно разнится, поэтому можно выдвинуть предположение о том, что писец понимал, что писчий материал низкого качества, и подстраивался под работу с ним.

На обороте переплета имеется штамп XIX в.: «Патриаршая библиотека собрание Греческое № 15» (Вл. 381). На л. I – помета XVI в.: «†Νῶακίμ ἀρχιεπίσκοπου ἐλασόνοϋ καὶ δεμενήκου». Ниже запись: «ὕπόμνημα εἰς τοῦς ἀγίους πάντας». На л. II запись: «ex suvi meus anno 1023». На л. 1 – помета «τῶν Ἰβήρων φο' Ζ». Помета «Αρσένιου» находится на нижнем поле л. 1. На л. 1–10 записи в нижней части листов по центру: «Василиа великаго Арсений (л. 1) из синодальной (л. 2) библиотеки (л. 3) а подписано (л. 4) по приказанию (л. 5) святейшаго (л. 6) сия синода (л. 7) книга (л. 8) синодальной (л. 9) библиотеки (л. 10)». На л. 364–365 записи в нижней части листов по центру: «Синодального дому (л. 364) продиакономъ Гедеономъ (л. 365) 1775 года мая (л. 366)».

На л. 366 об. имеется колофон писца: «Ἐτελειώθη γραφή τῆς παρούσης βιβλίου μηνὶ ἰουνίῳ ἰθ' ἰνδικτιῶνος ς' ἔτους ςφλα', χαραχθεῖσα χειρὶ Θεοφάνου ταπεινοῦ καὶ ἀμαρταλοῦ, εὐχεσθε ὑπὲρ αὐτοῦ οἱ ἐνταῦθα ἀναγινώσκοντες» / «Написание сей книги завер-

шилось в месяце июне 19 числа шестого индикта 6531 года. Книга писана рукой Феофана смиренного и грешного, да помолятся за него читатели сего труда» [Фонкич, 2014, с. 169–170]. На л. 367 имеется грузинская помета XI в. библиотекаря Ивирского монастыря на Афоне: «362 листа написано, а два листа чистые» [Фонкич, 2014, с. 169–170].

Сравнивая первую редакцию со второй, С.Дж. Столлман отметила, что вторая редакция является сокращением и значительным стилистическим улучшением первой [Stallman-Racitti, 2018, p. 27]. Более того, история рукописи, содержащей вторую редакцию текста Жития св. Панкратия, подчеркивает ее важность для рукописной традиции. Как уже было сказано, манускрипт происходит из Ивирского монастыря на Афоне и написан Феофаном, известным сподвижником одного из отцов-основателей монастыря.

Неизданная вторая редакция, к которой мы обратились в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, требует детального исторического, культурологического и филологического комментария. В качестве методологической базы используются современные методы палеографического, филологического и искусствоведческого анализа памятников греческой раннесредневековой рукописной книги. Опираясь на палеографический анализ, применяя кодикологические наблюдения и обращая внимание на текстологические особенности манускриптов, можно выявить круг культурных деятелей интересующей нас эпохи и уточнить датировку и происхождение Жития св. Панкратия.

В данной статье нами был проведен филологический анализ на основе сопоставления двух редакций Жития св. Панкратия: первой (изданной С. Дж. Столлман) и неизданной второй редакций в рукописи Син. гр. 15.

Результаты и обсуждение

Нами выявлены некоторые различия двух редакций, позволяющие обосновать необходимость обращения ко второй редакции для уточнения обстоятельств создания Жития св. Панкратия.

Приведем фрагмент текста Жития св. Панкратия по рукописи ГИМ Син. гр. 15 с нашим переводом. В рукописи перед текстом

Жития проставлена дата 9 июля (μηνὶ ἰουλίου Θ') – день памяти св. Панкратия по юлианскому календарю. В рукописях первой редакции, например Струт. гр. 144 и Vat. Gr. 1591 (X в.), приводится полное название Жития на греческом языке: «Βίος τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Παγκρατίου ἀρχιεπιτρόδρου τῆς Ταυρομενιῶν πόλεως» / «Житие во святых отца нашего Панкратия, архиепископа города тавроменитов». Во второй редакции (Син. гр. 15) название отличается: «Εὐαγγρίου ἐπισκόπου εἰς τὸν βίον καὶ τὰ θαύματα τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Παγκρατίου ἀρχιεπισκόπου προέδρας Ταυρομενίας» / «Епископа Евагрия Житие и чудеса во святых отца нашего Панкратия, архиепископа кафедры Тавромении». Инципит, представленный в первой редакции Жития, не является уникальным. Подобным образом начинаются деяния апостола Иоанна. Ф. Алкеном была выделена группа текстов под названием «Peregrinatum epitome», объединяющая в себе произведения с таким же инципитом. В ВHG она имеет шифр ВHG 917p-rb [Halkin, 1957]. К этому типу текста, согласно ВHG, относятся три рукописи, созданные на три столетия позже рукописей первой редакции: Berolin. gr. 43.I (279) (XII–XIII вв.), Theol. gr. 123 (XIII век) и Athen. 422 (XIII в.) [Halkin, 1967, VII, p. 16–20]. Название, представленное во второй редакции, в эту группу не входит. В славянской традиции [Милтенев, 2013] Житие озаглавлено: «**Е**вагрия еп(и)ск(о)па ѿ житїи и чудесъ хъ с(ве)т(а)го панкратїа тавроменик бывша еп(и)ск(о)па» [Витић, 2014, с. 199]. По мнению С.Дж. Столлман, славянский перевод следует первой редакции, что подтверждается в недавних исследованиях Я. Милтенева [Милтенев, 2013] и З. Витич [Витић, 2014].

Фрагмент греческого текста Жития св. Панкратия по рукописи ГИМ Син. гр. 15

Ἐγένετο μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εἰς τοὺς οὐρανοὺς • καὶ καθεσθῆναι ἐν δεξιᾷ αὐτοῦ πατρὸς ὅθεν οὐ κεχωρίσθη, ἦλθον οἱ ἅγιοι αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ ἀπόστολοι • ἀπὸ τοῦ ὄρους τοῦ καλουμένου ἐλαιῶνος εἰς Ἱερουσαλήμ • ὤφθη δὲ αὐτοῖς ἄγγελος κυρίου ἐντελλόμενος ἀπὸ Ἱεροσολύμων μὴ χωρίζεται, ἀλλὰ περιμένειν τὴν ἐπαγγελίαν τοῦ ἁγίου πνεύματος κηρύξαι τε τὸ εὐαγγέλιον πᾶσι τοῖς ἔθνεσι, καὶ ἕως ἐσχάτου τῆς γῆς • καὶ μὴ φοβῆσθαι ἀπὸ τῶν ἀποκτενόντων τὸ

σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖναι • ἐκεῖνον δὲ μάλλον φοβεῖσθαι • καὶ τὰ κελευόμενα παρὰ τοῦ ἀχράντου καὶ σωτηρίου αὐτοῦ λόγου ποιεῖν, τὸν δυναμένον καὶ ψυχὴν καὶ σῶμα ἀπολέσαι ἐν Γεέννῃ • ἀλλ' ἐπειδὴ καιρὸς ἐστὶ τῆς καλλίστης ἀπάρξασθαι διηγήσεως • λέγω δὴ περὶ τοῦ μακαρίου καὶ θαυμασίου ἀνδρὸς Παγκρατίου • καὶ τῶν ἀοιδίμων καὶ θεοδωρήτων αὐτοῦ τεραστίων. ἐν τούτοις μάλιστα τρέψομαι τὴν διήγησιν. ἔτι τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ σωτηρὸς ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ σαρκὶ τοῖς ἀνθρώποις συναναστρεφόμενου, ὁ τοῦ ἀειμνήστου ἀνδρὸς Παγκρατίου πατῆρ, ἐν τοῖς ἐπέκεινα Ἀντιοχείας ὀρίοις οἰκῶν • ὑπὸ θείας ἔλλαμφθεις χάριτος, λαβὼν τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα • καὶ Παγκράτιον τὸν μονογενῆ αὐτοῦ υἱὸν, ὥχετο εἰς Ἱεροσόλυμα • καὶ εἰσελθὼν εἰς μίαν τῶν πόλεων τῆς Ἰουδαίας, ὄρᾱ τὸν κύριον ἡμῶν διδάσκοντα τὰ περὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν • καὶ πιστεύσας σὺν τῇ ἑαυτοῦ γυναικὶ καὶ τῷ μακαρίῳ Παγκρατίῳ, ἔτυχον καὶ τῆς θείας καὶ μακαρίας ἀναγεννήσεως • καὶ τὰ χριστιανικώτατα περιβαλλόμενοι ἄμφια, ὑπέστρεψαν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῶν πεφωτισμένοι τὰς ψυχὰς • καὶ ἦσαν διαπαντὸς • αἰνοῦντες καὶ δοξάζοντες καθ' ἑαυτοῦς μιᾶ φωνῇ τὸν τῶν ὅλων θεόν.

Перевод: По Вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небеса Он воссел одесную Своего Отца, не будучи отделен от Него. Святые Его ученики и апостолы возвратились в Иерусалим с горы, именуемой Елеонской. Им послан был ангел Господень с повелением не отлучаться из Иерусалима, но ждать вести Святого Духа и проповедовать Евангелие всем народам до края земли. И не бояться убивающих тело, души же не могущих убить, а более бояться исполняющего веления против святого и спасительного слова и Того, Кто может и душу, и тело погубить в Геенне. Однако же, время начать достойнейшую повесть. Посему поведаю я о блаженном и чудесном муже Панкратии, о приснохвальных и благодатных его чудесах. На этом, пожалуй, начну мою повесть. В то время как великий Бог и спаситель наш Иисус Христос пришел во плоти к людям, сего приснопоминаемого мужа Панкратия отец, живя за пределами Антиохии, был освещен божественной благодатью. Взяв жену свою и единственного сына своего Панкратия, направился он в Иерусалим. И прийдя в один из городов Иудеи, видит он Господа нашего, учащего о Царствии Небесном. И уверовав с женою своею и с блаженным Панкратием, иже причастился он божественного и блаженного обновления. И облаченные в христианские одежды, возвратились они в дом свой просветленные душой, отныне всегда восхваляя и славя единым гласом всех Бога.

Далее приведем равный по объему фрагмент первой редакции, опубликованной С. Дж. Столлман.

Фрагмент греческого текста Жития св. Панкратия по рукописям Сcrypt. gr. 144 (X в.), Vat. Gr. 1591 (964 г.) [Messina, 2001, P. 194–211], Vat. Gr. 1985 (XI в.), Vind. Hist. Gr. 3 (XI в.), Mess. S. Salv. 53 (XIII в.) и Vat. Ottob. Gr. 92 (XVI в.):

Ἐγένετο μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εἰς τοὺς οὐρανοὺς καὶ καθεσθῆναι ἐν δεξιᾷ τοῦ πατρὸς, ὅθεν οὐκ ἐχωρίσθη, ἦλθον οἱ ἀπόστολοι ἀπὸ τοῦ ὄρους τοῦ καλουμένου Ἐλαιῶνος εἰς Ἱεροσόλυμα, καὶ ὤφθη αὐτοῖς ἄγγελος κυρίου διὰ πνεύματος ἁγίου ἐντελλόμενος αὐτοῖς ἀπὸ Ἱεροσολύμων μὴ χωρίζεσθαι, ἀλλὰ περιμένειν τὴν ἐπαγγελίαν τοῦ πατρὸς κηρύξαι τε τὸ εὐαγγέλιον τοῦ κυρίου ἐν πᾶσι τοῖς ἔθνεσι καὶ ἕως ἐσχάτου τῆς γῆς, βαπτίζοντας αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, καὶ μὴ φοβεῖσθαι ἀπὸ τῶν ἀποκτενόντων τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖναι, τοῦτον δὲ φοβεῖσθαι καὶ τὰ κελευόμενα παρὰ τοῦ ἀχράντου καὶ σωτηρίου αὐτοῦ λόγου ποιεῖν, τὸν δυναμένον καὶ ψυχὴν καὶ σῶμα ἀπολέσαι ἐν Γεέννῃ τοῖς ἀπειθήσασιν αὐτῷ • ἀλλ' ἐπειδὴ καιρὸς ἐστὶν τῆς καλλίστης ἀπάρξασθαι διηγήσεως • λέγω δὴ τῆς περὶ τοῦ θαυμασίου καὶ ἁγίου ἀνδρὸς Παγκρατίου καὶ τῶν ἀοιδίμων καὶ θεοδωρήτων αὐτοῦ τεραστίων • ἐν τούτοις μάλιστα τρέψωμεν τὴν διήγησιν. ἔτι τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν σαρκὶ τοῖς ἀνθρώποις συναναστρεφόμενου, ὁ τούτου τοῦ ἀειμνήστου ἀνδρὸς Παγκρατίου πατῆρ, ἐν τοῖς ἐπέκεινα Ἀντιοχείας ὀρίοις οἰκῶν, ὑπὸ θείας ἔλλαμφθεις χάριτος, λαβὼν τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα καὶ τὸν μονογενῆ υἱὸν αὐτῶν Παγκράτιον τριετῆ ἄγοντα τὴν ἡλικίαν, ὥχετο εἰς Ἱεροσόλυμα, καὶ εἰσελθὼν εἰς μίαν τῶν πόλεων τῆς Ἰουδαίας, ὄρᾱ τὸν Ἰησοῦν διδάσκοντα τὰ περὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν, καὶ πιστεύσας σὺν τῇ ἑαυτοῦ γυναικὶ καὶ τῷ μακαρίῳ Παγκρατίῳ, οἱ καὶ τυχόντες τῆς θείας καὶ μακαρίας ἀναγεννήσεως, καὶ τὰ χριστιανικώτατα περιβαλλόμενοι ἄμφια, ὑπέστρεψαν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῶν πεφωτισμένοι τὰς ψυχὰς, καὶ ἦσαν αἰνοῦντες καὶ δοξάζοντες καθ' ἑαυτοῦς μιᾶ φωνῇ τὸν τῶν ὅλων θεόν.

При сравнении второй редакции Жития по рукописи Син. гр. 15 с первой редакцией обращает на себя внимание более компактная форма изложения. Так, в первом тексте отсутствуют вставки «βαπτίζοντας αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος» / «приводя их к обряду крещения во имя Отца и Сына и Святого Духа»; «τοῖς ἀπειθήσασιν αὐτῷ» / «тем, кто не был Ему послушен»; «τριετῆ ἄγοντα τὴν ἡλικίαν» / «которому шел третий год».

В таблице представлены разночтения при употреблении некоторых слов и выражений.

Различия между первой и второй редакцией на примере одного фрагмента

Differences between the first and second editions on the example of one fragment

Первая редакция по публикации С.Дж. Столлман	Вторая редакция по ГИМ Син. гр. 15
τοῦ	αὐτοῦ
–	οἱ ἅγιοι αὐτοῦ μαθηταὶ
Ἱεροσόλυμα	Ἱερουσαλήμ
καὶ	δὲ
τοῦ πατρὸς	τοῦ ἁγίου πνεύματος
τοῦ κυρίου	–
ἐν	–
βαπτίζοντας...πνεύματος	–
φοβεῖσθαι	φοβῆσθαι
τοῦτον	ἐκεῖνον
–	μᾶλλον
τοῖς ἀπειθήσασιν αὐτῷ	–
τῆς	–
ἁγίου	μακαρίου
τρέψωμεν	τρέψομαι
ἐν	–
τούτου τοῦ	τοῦ
πατῆρ	πατῆρ
αὐτῶν	αὐτοῦ
τριετῆ ἄγοντα τὴν ἡλικίαν	–
Ἰησοῦν	κύριον ἡμῶν
οἱ καὶ τυχόντες	ἔτυχον
–	διαπαντὸς

Кроме того, нельзя не отметить различия в выборе глагольных форм, например, лица и числа (в последнем предложении фрагмента). Как правило, повествование ведется от первого лица: в первой редакции использованы формы 1-го л. мн. ч. (мы), во второй – 1-го л. ед. ч. (я). Писец московской рукописи употребляет глагол τρέφω (вскармливать) в форме Futurum ind. med. 1-го л. ед. ч. – τρέψομαι, в то время как в первой редакции представлена форма praesens con. act. 1-го л. мн. ч. – τρέψομεν. Очевидно, что в обоих случаях выбор формы первого лица обусловлен стремлением достичь наибольшей достоверности рассказа, а чередование «я» и «мы» в речи от первого лица в древнегреческом языке является довольно обычным (об этом см.: [Moulton, 1906]).

Отметим также чередование в употреблении двух эпитетов применительно к святому Панкратию: ἅγιος (святой) и μακάριος (блаженный). В московской рукописи слово ἅγιος, помимо его употребления в заглавии, впервые встречается только на л. 125 об. (Житие на-

чинается на л. 122) и нечасто используется, в то время как слово μακάριος употребляется с первого же листа и используется на протяжении всей рукописи (л. 123 об. – 3 раза, л. 124, л. 124 об., л. 125 – 2 раза и т. д.). В редакции, опубликованной С.Дж. Столлман, насколько редко встречается слово μακάριος, настолько же часто используется ἅγιος.

Известно, что в первые века существования христианства канонизации как нормы права не существовало, а в общинах почитались местные праведники, значимые именно для этого сообщества [Herman, 1947]. Первые попытки централизации «делопроизводства признания святости» относятся к X в., когда признание новых святых берут под свой контроль римские папы (об этом см.: [Herman, 1947]). Для обозначения лиц, непричастных канону святости, использовали термин «beato» (в древнерусском языке – «блаженный», см.: (СДРЯ, с. 223–225)). В Византии такие попытки тоже предпринимались, но завершения так и не получили. В целом у восточных христиан слово μακάριος не имело такого ограничива-

ющего значения, как *beato*, но все же в греческом словаре Лампе в статье «μακάριος» читаем: «eccl. title, of Bishops of Roman see» (Lampe, p. 822). В таком значении слово встречается, например, уже у Ипполита Римского (Hipp. haer, IX, 12). У слова ἅγιος такого значения не фиксируется. Этот факт приобретает особую значимость, если принимать во внимание гипотезу С.Дж. Столлман о том, что первая и вторая редакции относятся приблизительно к одному времени, хотя первая является более древней [The Life..., 1986, p. 74]. На русской почве наглядный пример употребления искомого слова можно найти в Житии Феодосия Печерского, в котором эпитет *блаженный* праведник получает до официального признания церковью [Абрамович, 1930].

Из сравнения видно, что первая и вторая редакции отличаются по стилю и структуре изложения. Первая редакция содержит большее количество эллинистических форм (как, например, слово «Ἱεροσόλυμα» вместо «Ἱεροουσαλήμ»). Вторая редакция, возникшая в монашеской среде, имеет признаки литературной обработки (из дальнейшего прочтения понятно, что во второй редакции убраны практически все сюжеты, связанные с дьяволом). Наиболее вероятны две гипотезы. К началу XI в. уже имелись две редакции текста Жития, и Феофан Ивирит при написании манускрипта Син. гр. 15 опирался на рукопись-прототип второй редакции. Другая версия заключается в том, что афонские монахи подвергли литературной обработке имеющийся у них текст первой редакции, получив совершенно отличную от первой редакции новую редакцию Жития, являющуюся сокращением и значительным стилистическим улучшением первой.

Заключение

Проведя филологический анализ фрагментов из текстов первой и второй редакции Жития св. Панкратия по рукописям X и XI вв., можно заключить, что редакции Жития отличаются по структуре и стилю изложения. В композиционном плане – первая редакция является более пространной, в то время как вторая в результате литературной обработки сокращена по сравнению с первой. Состави-

тели редакций по той или иной причине старались использовать отличные друг от друга формы, например эпитеты Панкратия – ἅγιος и μακάριος. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что две редакции возникли в разное время и в разных интеллектуальных кругах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90022 «Публикация Жития св. Панкратия Таорминского (по рукописи ГИМ. Син. гр. 15, 1022/3 г.)».

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90022 “Publication of The Life of St. Pankratios of Taormina (based on the manuscript GIM Syn. gr. 15, year 1022/3)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д. И., 1930. Киево-Печерский патерик. Киев : Друк. Всеукр. Акад. наук, 1930. 234 с.
- Веселовский А. Н., 1866. Повесть о Тавре и Мении в древнеславянском переводе и печатных греческих минеях. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. С. 67–80.
- Веселовский А. Н., 1886. Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1. Греко-византийский период. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. 80 с.
- Витић З., 2014. «Житије светог Панкратија Тавроменијског» у српској рукописној традицији. Студија и издање. Белград : Филол. фак. ун-та г. Белграда. 419 с.
- Владимир (Филантропов), архим., 1894. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М. : Синод. тип. 880 с.
- Иванов С. А., 2003. Византийское миссионерство : Можно ли сделать из «варвара» христианина? М. : Яз. слав. культуры. 376 с.
- Каждан А. П., 2012. История византийской литературы (650–850 гг.). СПб. : Алетейя. 376 с.
- Милтенов Я., 2013. Славянская рукописная традиция жития Панкратия Тавроменийского // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 82. S. 135–144.
- Фонкич Б. Л., 2014. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца // Фонкич Б. Л. Исследования по греческой палеографии и кодикологии IV–XIX вв. М. : Рукоп. памятники Древней Руси. С. 165–175.

- Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б., 1993. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М. : Синод. б-ка. 228 с.
- Шевченко И., 1999. Оснащение византийского миссионера по Житию Панкратия // *Paleoslavica*. Vol. 7. P. 317–322.
- Acconcia Longo A., 2001. La data della vita di S. Pancrazio di Taormina (BHG 1410) // *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*. Vol. 55. P. 37–42.
- Angiò F., 1994. La Vita di Tauro dall'anonima Vita di San Pancrazio di Taormina // *Sileno XX*. P. 117–143.
- Capaldo M., 1983. Un insediamento slavo presso Siracusa nel primo millennio d.C. // *Europa Orientalis*. № 2. P. 5–17.
- Efthymiadis S., 1991. St. John of Sardis and the Metaphrasis of the Passio of St. Nikephoros the Martyr // *Rivista di studi bizantini e neoellenici*, Vol. 27. P. 23–44.
- Gaetani O., 1657. *Vitae Sanctorum Siculorum*. In 2 vols. Vol. 2. Panormi : Apud Cirillos. 16 p.
- Halkin F., 1957. *Bibliotheca hagiographica Graeca*. 3 Ed. Bruxelles : ediderunt Socii Bollandiani. 351 p.
- Halkin F., 1967. Le prologue inédit de Nicetas, archevêque de Thessalonique, aux Actes de l'apotre saint Jean // *Analecta Bollandiana*. Vol. 85. P. 16–20.
- Herman E., 1947. Appunti sul diritto metropolitico nella Chiesa Bizantina // *Orientalia Christiana Periodica*. Vol. 13. P. 522–550.
- La Lomia L.M., 1909. San Pancrazio M., primo Vescovo di Taormina e Patrono di Canicatti. Canicatti : Canicatti Cultura. 52 p.
- Lanzoni F., 1927. Le diocesi d'Italia dalle origini al principio del secolo VII (an. 604) // *Studi e Testi*. Vol. 35. Faenza : Stabilimento grafico F. Lega. P. 616–623.
- Messina A., 2001. Il codice 'Vat. Gr.' 1591 ed il romanzo agiografico siciliano // *Byzantion*. Vol. 71, № 1. P. 194–211.
- Moulton J. H., 1906. *A Grammar of New Testament Greek*. Edinburgh : T&T Clark. 332 p.
- Patlagean E., 1964. Les Moines grecs d'Italie et l'apologie des thèses pontificales (VIIIe – IXe siècles) // *Studi medievali*. Ser. 3. Vol. 5. P. 579–602.
- Patlagean E., 1968. Ancienne hagiographie byzantine et histoire sociale // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. Vol. 23. P. 106–126.
- Stallman-Pacitti C. J., 2018. *The Life of S. Pancratius of Taormina*. Leiden. The Netherlands : Brill. 525 p.
- Stelladoro M., 1995. Ricerche sulla tradizione manoscritta degli Atti greci del martirio di s. Agata // *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*. Vol. 81. P. 63–89.
- The Life of S. Pancratius of Taormina. I. Text, 1986 / ed. by C. J. Stallman. Diss. University of Oxford. 524 p.
- Usener H., 1913. Eine Spur des Petrusevangeliums // *Kleine Schriften*. Vol. 4. Berlin. S. 418–421.
- Van Esbroeck M., 1991. Le contexte politique de la Vie de Pancrace de Tauromeniun // *Sicilia e Italia suburbicaria tra IV e VIII secolo*. Atti del Convegno di Studi, Catania 1986. Soveria Mannelli (CZ) : Rubbettino Editore. P. 185–196.
- Van Esbroeck M., Zanetti U., 1988. Le dossier hagiographique de S. Pancrace de Taormine // *Storia della Sicilia e tradizione agiografica nella tarda antichità*. Atti del Convegno di Studi, Catania 1986. Soveria Mannelli (CZ) : Rubbettino Editore. P. 155–171.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 1. М. : АН СССР, Ин-т рус. яз., 1988. 530 с.
- Син. гр. 15 – Греческая рукопись № 15 (по каталогу архим. Владимира № 381), 1022/23 г. // Государственный исторический музей. Синод. собр.
- BHG – Halkin F. *Bibliotheca hagiographica Graeca*. 3 Ed. Bruxelles : Socii Bollandiani, 1957. 351 p.
- Lampe – Lampe G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford : Oxford University Press, 1961. 1618 p.

REFERENCES

- Abramovich D.I., 1930. *Kievo-Pecherskij paterik* [Kiev-Pechersk Patericon]. Kiev, Druk. Vseukr. Akad. nauk. 234 p.
- Veselovskiy A.N., 1866. *Povest o Tavre i Menii v drevneslavjanskom perevode i pechatnykh grecheskikh mineyakh* [The Tale of Taurus and Menia in the Old Slavonic Translation and Printed Greek Mineas]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, pp. 67–80.
- Veselovskiy A.N., 1886. *Iz istorii romana i povesti. Materialy i issledovaniya. Vyp. 1. Greko-vizantiyskiy period* [From the History of the Novel and the Story. Materials and Research. Issue 1. Greco-Byzantine Period]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 80 p.
- Vitiš Z., 2014. „Zhitiye svetog Pankratiya Tavromeniyskog“ u srpskoj rukopisnoj tradiji. *Studija i izdavanje* [“The Life of Saint Pancratius of Taormina” in Serbian Manuscript Tradition].

- Belgrad, Filologicheskiy fakultet universiteta g. Belgrada. 419 p.
- Vladimir (Filantropov), arkhim., 1894. *Sistematischeskoe opisanie rukopisei Moskovskoi Sinodalnoi (Patriarshei) biblioteki. Ch. 1. Rukopisi grecheskie* [Systematic Description of the Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Chapter 1: Greek Manuscripts]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya. 880 p.
- Ivanov S.A., 2003. *Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz "varvara" hristianina?* [Byzantine Missionary Work: Is It Possible to Make a Christian from "Barbarian"?]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 376 p.
- Kazhdan A.P., 2012. *Istoriya vizantiyskoy literatury (650–850 gg.)* [History of Byzantine Literature (650–850)]. Saint Petersburg, Aletya Publ. 376 p.
- Miltenov Ya., 2013. Slavyanskaya rukopisnaya traditsiya zhitiya Pankratiya Tavromeniyskogo [Slavic Manuscript Tradition of the Life of Pancratius of Taormina]. *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 82, S. 135-144.
- Fonkich B.L., 2014. Perevodcheskaya dejatel'nost' Evfimiya Svyatogorca [Translation Activities of Euphemius Svyatogorets]. Fonkich B.L. *Issledovaniya po grecheskoy paleografii i kodikologii IV–XIX vv.* [Studies on Greek Paleography and Codicology 4th–19th Centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., pp. 165-175.
- Fonkich B.L., Polyakov F.B., 1993. *Grecheskie rukopisi Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki. Paleograficheskie, kodikologicheskie i bibliograficheskie dopolneniya k katalogu arhimandrita Vladimira (Filantropova)* [Greek Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Paleographic, Codicological and Bibliographical Additions to the Catalogue of the Archimandrite Vladimir]. Moscow, Sinodalnaya biblioteka. 228 p.
- Shevchenko I., 1999. Osnashchenie vizantiyskogo missionera po Zhitiyu Pankratiya [Equipment of the Byzantine Missionary on the Life of Pancratius]. *Paleoslavica*, vol. 7, pp. 317-322.
- Acconcia Longo A., 2001. La data della vita di S. Pancrazio di Taormina (BHG 1410). *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*, vol. 55, pp. 37-42.
- Angiò F., 1994. La Vita di Tauro dall'anonima Vita di San Pancrazio di Taormina. *Sileno XX*, pp. 117-143.
- Capaldo M., 1983. Un insediamento slavo presso Siracusa nel primo millennio d.C. *Europa Orientalis*, no. 2, pp. 5-17.
- Efthymiadis S., 1991. St. John of Sardis and the Metaphrasis of the Passio of St. Nikephoros the Martyr. *Rivista di studi bizantini e neoellenici*, vol. 27, pp. 23-44.
- Gaetani O., 1657. *Vitae Sanctorum Siculorum. In 2 Vols. Vol. 2.* Panormi, Apud Cirillos. 16 p.
- Halkin F., 1957. *Bibliotheca hagiographica Graeca.* 3 Ed. Bruxelles, ediderunt Socii Bollandiani. 351 p.
- Halkin F., 1967. Le prologue inédit de Nicétas, archevêque de Thessalonique, aux Actes de l'apôtre saint Jean [The Unpublished Prologue by Nicetas, Archbishop of Thessaloniki, to the Acts of the Apostle Saint John]. *Analecta Bollandiana*, vol. 85, pp. 16-20.
- Herman E., 1947. Appunti sul diritto metropolitico nella Chiesa Bizantina. *Orientalia Christiana Periodica*, vol. 13, pp. 522-550.
- La Lomia L.M., 1909. *San Pancrazio M., primo Vescovo di Taormina e Patrono di Canicattì.* Canicattì, Canicattì Cultura. 52 p.
- Lanzoni F., 1927. Le diocesi d'Italia dalle origini al principio del secolo VII (an. 604). *Studi e Testi.* Vol. 35. Faenza, Stabilimento grafico F. Lega, pp. 616-623.
- Messina A., 2001. Il codice 'Vat. Gr.' 1591 ed il romanzo agiografico siciliano. *Byzantion*, vol. 71, no. 1, pp. 194-211.
- Moulton J.H., 1906. *A Grammar of New Testament Greek.* Edinburgh, T&T Clark. 332 p.
- Patlagean E., 1964. Les Moines grecs d'Italie et l'apologie des thèses pontificales (VIIIe – IXe siècles). *Studi medievali. Ser. 3*, vol. 5, pp. 579-602.
- Patlagean E., 1968. Ancienne hagiographie byzantine et histoire sociale. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*, vol. 23, pp. 106-126.
- Stallman-Pacitti C.J., 2018. *The Life of S. Pancratius of Taormina.* Leiden, Brill. 525 p.
- Stelladoro M., 1995. Ricerche sulla tradizione manoscritta degli Atti greci del martirio di s. Agata. *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*, vol. 81, pp. 63-89.
- Stallman C.J., ed., 1986. *The Life of S. Pancratius of Taormina. I. Text.* Diss. University of Oxford. 524 p.
- Usener H., 1913. Eine Spur des Petrus evangeliums. *Kleine Schriften*, vol. 4, S. 418-421.
- Van Esbroeck M., 1991. Le contexte politique de la Vie de Pancrace de Tauromeniun. *Sicilia e Italia suburbicaria tra IV e VIII secolo. Atti del Convegno di Studi, Catania 1986.* Soveria Mannelli (CZ), Rubbettino Editore, pp. 185-196.
- Van Esbroeck M., Zanetti U., 1988. Le dossier hagiographique de S. Pancrace de Taormine. *Storia della Sicilia e tradizione agiografica nella tarda antichità. Atti del Convegno di Studi, Catania 1986.* Soveria Mannelli (CZ), Rubbettino Editore, pp. 155-171.

SOURCES AND DICTIONARIES

Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). V 10 t. T. 1 [Vocabulary of Ancient Russian Language 11th – 14th cen. In 10 Vols. Vol. 1]. Moscow, AN SSSR, Institut russkogo yazyka, 1988. 530 p.
Grecheskaya rukopis № 15 (po katalogu arkhim. Vladimira № 381), 1022/23 g. [Greek Manuscript № 15

(In Accordance with the Catalogue of the Archimandrite Vladimir № 381), Year 1022/23]. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Sinod. sobr.* [State Historical Museum, Synodal Collection].
Halkin F. *Bibliotheca hagiographica Graeca*. 3 Ed. Bruxelles, Socii Bollandiani, 1957. 351 p.
Lampe G.W.H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, Oxford University Press, 1961. 1618 p.

Information About the Author

Kseniia S. Morugina, Senior Lecturer, Junior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 119334 Moscow, Russia, ksenyamorug@mail.ru, dir@igh.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6254-4244>

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Моругина, старший преподаватель, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Россия, ksenyamorug@mail.ru, dir@igh.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6254-4244>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.11>

UDC 81'42:004.01
ББК 81.055.51.3

Submitted: 16.03.2020
Accepted: 02.12.2020

EVOLUTION OF GENRE PARAMETERS OF DOCUMENTARY TEXT (EXEMPLIFIED BY REFERENCES)

Olga A. Nosacheva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers reference as an information-and-assessment document, the dynamics of reference transformation is viewed from documentary linguistics angle. The research is carried out on the material of reference given to applicants in the field of education; the documents belong to different chronological periods (Soviet period (wartime): 1941–1945; Soviet period: 1970–1990s; modern period: 2015–2020). The functional purpose of the document was determined and the composition and content structure of its text was analyzed. Speech means representing the main genre characteristics of the text of reference have been identified; they are presented at three levels of the hierarchy, taking into account their interconnection and significance as genre-forming parameters: addresser/addressee and function; information, structure and dominant modality; space and time. The author reveals the regularities of text formation, as well as genre peculiarities of the text, determined by social and linguistic factors. When analyzing the genre parameters of the document, the fact that the properties of the text are influenced by the specifics of the communication situation is taken into account. It was shown that social changes caused a shift in the nature of the information transmitted by the document; affected the structure and dominant modality of the text, space and time representation. Extralinguistic determination of speech organization of documentary text is demonstrated. It was established that speech representation of genre parameters is associated with the implementation of informational and presentation functions of the document.

Key words: genre, genre parameters, document, document properties, dynamics of the genre, reference.

Citation. Nosacheva O.A. Evolution of Genre Parameters of Documentary Text (Exemplified by References). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 134-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.11>

УДК 81'42:004.01
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 16.03.2020
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ДИНАМИКА ЖАНРОВЫХ ПАРАМЕТРОВ ДОКУМЕНТНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

Ольга Александровна Носачева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с позиций документной лингвистики рассматривается динамика характеристики как информационно-оценочного документа. На материале характеристик, используемых в сфере образования, разных хронологических периодов (советский период (военное время): 1941–1945 гг.; советский период: 1970–1990-е гг.; современный период: 2015–2020 гг.) определено функциональное назначение документа и проанализирована композиционно-содержательная структура его текста. Выявлены речевые средства репрезентации основных жанровых параметров текста характеристики, которые представлены на трех уровнях иерархии с учетом их взаимосвязанности и значимости как жанрообразующих: адресант / адресат и функция; информация, структура и доминирующая модальность; пространство и время. Установлены жанровые особенности текста, детерминированные социальными и лингвистическими факторами, закономерности формирования текста документа. При анализе жанровых параметров документа учитывается тот факт, что на свойства текста оказывает влияние специфика ситуации общения. Показано, что социальные изменения обусловили измене-

ние характера передаваемой документом информации, структуры и доминирующей модальности текста, оформления пространственно-временных координат; продемонстрирована экстралингвистическая детерминированность речевой организации документного текста. Доказано, что речевая репрезентация жанровых параметров связана с реализацией информационной и презентационной функций документа.

Ключевые слова: жанр, параметры жанра, документ, свойства документа, динамика жанра, характеристика.

Цитирование. Носачева О. А. Динамика жанровых параметров документного текста (на материале характеристики) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 134–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.11>

Введение

Проблема жанровой принадлежности текста, типологии жанров, их релевантных признаков, несмотря на большое внимание, которое ей уделялось в лингвистике, продолжает оставаться одной из дискуссионных. Особую значимость она приобретает для документного текста, который имеет свою функциональную, композиционно-содержательную и речевую специфику.

В рамках исследований документного текста, проводимых учеными Волгоградского государственного университета, используется модель анализа жанра Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997] (термины «жанр» и «вид» по отношению к документному тексту мы употребляем как синонимы), но видоизмененная, уточненная с учетом специфики документного текста. В основу модели положены несколько параметров жанра: субъекты коммуникации (адресант, адресат), функция документа, характер передаваемой информации, структура, доминирующая модальность, пространственно-временная локализация (параметры «пространство» и «время»), которые взаимодействуют между собой [Горбань и др., 2016]. Указанные параметры имеют разную значимость для организации текста, что позволяет распределить их по трем иерархическим уровням.

К первому уровню иерархии относятся параметры «адресант / адресат» и «функция». Особенности субъектов коммуникации, их социальный статус во многом определяют коммуникативную цель, а значит, функцию документа и выбор жанра.

На втором уровне находятся параметры «информация», «структура» и «модальность».

Коммуникативная задача адресанта обуславливает характер информации, которая

в свою очередь детерминирует структуру документа – взаимосвязь элементов, обеспечивающую его целостность. Функция и субъекты коммуникации определяют доминирующую модальность документного текста – отношение автора к сообщаемому, выраженное в тексте, его коммуникативную установку, а также устанавливаемое им отношение сообщаемого к действительности.

К третьему уровню относятся параметры «пространство» и «время».

Информация, переданная в документе, существует в системе пространственно-временных координат, что предопределяет наличие этих параметров. Однако пространственная локализация косвенно детерминирована параметрами предыдущих уровней: она может зависеть от адресанта и адресата текста (в тексте может содержаться указание на их местоположение), от функции документа (функции конкретного документа нередко ограничиваются определенной территорией или частью социума), от структуры (если в документе имеется реквизит «место создания документа»). Временная отнесенность документа также косвенно обусловлена структурой документа (излагаемые события в композиционных блоках документа могут иметь разную временную отнесенность) и зависит от модальности (объективная модальность проявляется через временную отнесенность событий).

Анализируя жанровые параметры документа, мы рассматриваем его не только как самостоятельный, вычлененный для анализа, «изолированный» научный объект, но и как элемент социальной деловой коммуникации, а следовательно, учитываем тот факт, что на свойства текста оказывает влияние специфика ситуации общения, экстралингвистические факторы.

С позиций данного подхода рассмотрим динамику такого документа, как характеристика, который активно используется в разное время и определяется как «документ, содержащий комплексную оценку профессиональных и личностных качеств работника, выявленных за время его работы на данном предприятии, а также выводы и предложения по его перспективной карьерной траектории» [Токарев, 2010, с. 46], «официальный документ, содержащий отзыв, заключение о чьей-либо трудовой и общественной деятельности» (БТС). Характеристика «выдается сотруднику администрацией учреждения, организацией в ряде ситуаций (выдвижение на выборную должность, избрание по конкурсу на работу, поступление в учебные заведения, запросы сторонних организаций – суда, военкомата и т. п.) и содержит отзыв о служебной и общественной деятельности сотрудника, оценку его деловых и моральных качеств» [Колтунова, 2000].

В зависимости от назначения выделяют несколько видов характеристик: «представление – необходимо при аттестации, принятии решения о поощрении, назначении работника на другую должность и т. д.; отзыв – требуется как ответ на запросы государственных, правоохранительных и иных органов, сторонних организаций; при применении мер дисциплинарного взыскания и т. д.; рекомендация – может оформляться при смене места работы; при переводе в другую организацию и т. д.» [Тарасов, 2017].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении жанровой специфики характеристики как информационно-оценочного документа, закономерностей формирования его текста.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили характеристики учителей школы. Исследуемые документы имеют разную хронологическую отнесенность.

Условно были выделены три хронологических периода, которые отличаются особыми политическими и социальными условиями:

1) советский период (военное время): 1941–1945 гг. (рассматриваются документы

ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области», в частности характеристики учителей школ Сталинградской области 1941–1945 гг. – Калачевской неполной средней школы, Калачевской средней школы, Ляпичевской средней школы и Голубинской средней школы (Ф. 3423. Оп. 3. Ед. хр. 2. С. 15–19). В материалах архивного фонда представлены характеристики только одного вида – характеристика-отзыв, которую директор школы или руководитель отдела народного образования давал по запросу специального ведомства;

2) советский период: 1970–1990-е гг. (рассматриваются документы ГБПОУ «Волгоградский строительный техникум» 1970–1990-х гг.). Основным видом характеристики являлась характеристика-представление, которая была необходима для аттестационной комиссии, решающей вопрос о повышении категории учителя;

3) современный период: 2015–2020 гг. (рассматриваются электронные документы, в частности характеристики учителей школы 2015–2020 гг.). В настоящее время используются различные виды документов: характеристика-представление, характеристика-просьба, характеристика-поощрение и др. Объектом нашего анализа, как и во второй период, стала характеристика-представление.

Для жанровой идентификации документов, как правило, используются несколько методов, применение которых позволяет выявить разновидности документных текстов и описать их основные свойства [Косова, 2017]. В настоящей работе основным методом стал анализ модели жанровых параметров. Этот метод анализа документного текста опирается на положения, представленные в работах многих авторитетных ученых (М.М. Бахтина [1979], В.В. Дементьева [2015], В.Е. Гольдина, О.Н. Дубровской [2002], М.Ю. Федосюк [1997], Т.В. Шмелевой [1997] и др.). Полученные учеными результаты имеют не только теоретическую ценность, дополняя сведения о документе как лингвистическом объекте, его стилевой организации и др., но и практическое значение – они раскрывают механизм создания и использования документов в различных сферах деловой коммуникации. Однако все возрастающая роль документов в современном обществе, преобразование уже суще-

ствующих документов и появление новых делают актуальным вопросы о закономерностях их формирования, о становлении жанровых признаков документного текста, о факторах, которые обуславливают эти процессы.

В работе использовались и другие методы – сравнительного, семантического и стилистического анализа.

Результаты и обсуждение

Характеристика в советский период (военное время)

1941–1945 гг. – тяжелое военное время, и оно требовало особого внимания к тем людям, в том числе и учителям школы, «кто имел до революционный стаж работы, непролетарское происхождение, кто находился ранее на оккупированной территории» [Васильковская, 2006].

Рассмотрим жанровые параметры разных уровней и их реализацию в тексте документа.

Параметры «адресант / адресат», «функция»

Адресант характеристики является единственным, персонифицированным и репрезентирован в реквизите «подпись», в состав которого входят наименование должности лица, его личная подпись и расшифровка подписи: *директор Калачевской средней школы Шукарева Анна Ивановна, зав. РОНО + подпись.*

Адресат в тексте документа имплицитирован. Однако из исторических источников известно, что адресатом было специальное ведомство, в частности орган государственной безопасности СССР – оперативные группы НКВД и ЧГК, от которых поступал запрос руководству школы [Васильковская, 2006]. Представляя собой ответ на такой запрос, характеристика сообщала сведения (информацию) об учителе и таким образом выполняла информационную функцию.

Параметры «информация», «структура», «доминирующая модальность»

Характеристика военного времени сообщала фактуальную информацию, то есть дос-

товерные, подтверждаемые сведения о работе учителя: *Кирьянова А.И. работает учителем в Калачевской неполной средней школе с 9 января 1943 года.* Таких сведений, однако, было немного. Основное содержание составляла оценка профессиональных и личностных качеств педагога. Обратим внимание на то, что в рассмотренных документах преобладает отрицательная оценка деятельности учителя школы, различных аспектов его работы: *учебно-методической (плохо проводились уроки арифметики; некоторые учителя плохо готовились к урокам и качество проведения неудовлетворительно; не проверялись работы учащихся; не организовано взаимное посещение занятий и их анализ); воспитательной (воспитательная работа поставлена неудовлетворительно, не была спланирована; не ведет учета; недостаточно удачно подбирает материал к художественным выступлениям; план работы не имеет; отсутствуют элементы воспитания патриотизма); общественной (общественная работа выполнялась недостаточно; не принимает никакого участия; не помогает).* Негативно оценивались и личностные качества учителя: *проявляет большое высокомерие; пренебрежительный тон к учащимся; очень хитер; проявляет стремление выставить в невыгодном свете «новое руководство».* Положительная оценка представлена в документе незначительно: *предмет свой т. Трунин знает хорошо; уроки проводит живо; документация – планы, списки учащихся – в полном порядке.*

Параметр «структура» отражает важное для документного текста свойство, так как логически организует информацию. В рассматриваемых текстах можно выделить три композиционно-содержательные части.

Первая часть включает наименование документа: *«Характеристика на учительницу Калачевской средней школы Кирьянову Александру Ильичну»* – и должность учителя, на которого пишется характеристика: *тов. Трунин В.И., учитель математики и физики в Калачевской средней школе; Попов А.Д., преподаватель математики в Ляпичевской средней школе; Брандт Е.С., завуч в Голубинской средней школе; Кирья-*

нова А.И., учительница начальных классов в Калачевской неполной средней школе.

Вторая часть – это основные сведения о работе педагога. Отметим, что содержание этой части не имеет однотипной организации, сведения излагаются в свободной форме.

Третья часть включает информацию о дате написания документа, ФИО писавшего, его должности, а также печать организации: 24 января 1944 г., директор Калачевской средней школы Шукарева Анна Ивановна; 23 января 1944 г., директор школы М. Фетисов.

Иерархия адресанта и адресата, их разный статус определяют речевую реализацию параметра «доминирующая модальность текста». Документы рассматриваемого периода отличает объективная модальность реальности и ситуативная модальность сообщения или осведомления.

Параметры «пространство» и «время»

Параметр «пространство» реализуется в тексте именами собственными и нарицательными, обозначающими в тексте учебные заведения: Калачевская неполная средняя школа; Голубинская средняя школа. Параметр «время» репрезентирован реквизитом «дата документа», который оформлялся по-разному: 23/1.44 г.; 12 октября 1943 года.

Анализ речевой организации текста характеристик выявил их стилевую неоднородность, что можно объяснить прежде всего экстралингвистическими причинами: в условиях военного времени должность директора школы нередко занимали те, кто не имел ранее такого опыта и не владел в полной мере нормами делового стиля. Так, в тексте отмечаются отдельные черты официально-делового стиля, в частности использование отглагольных существительных (*невыполнение решений; налаживание работы*), расчлененных сказуемых (*проявляет стремление; принимает участие; развернуть работу*), речевых штампов (*работа поставлена слабо; подрывает авторитет руководства школы*), безличных инфинитивных предложений (*на репетициях бывать ей некогда; невозможно отрицать прошлый опыт классного руководства; следует отмети-*

ть в работе следующий недостаток), но также элементы разговорного стиля (*являлась руководительницей; учительница Кирьянова; он «сам себе на уме»; ярко вырисовывается; не хочется повторять; не всем дано справляться с детьми; и вообще воспитательная работа поставлена слабо*).

Текст, его единицы отражают реалии того времени, связанные с организацией школьного обучения: уроки арифметики, списки учащихся, записи посещения уроков, оценка знаний учащихся во внеурочное время, воспитание патриотизма и др., а часто и непростую социальную обстановку: *Проявляет стремление выставить в невыгодном свете новое руководство на педсовете или, еще хуже, среди учителей, в отсутствие директора, что является «подсиживанием», желанием подорвать авторитет руководства школы; Во время оккупации немцами т. Трунин находился в станице Голубинская, о его поведении в этот период ничего сказать не могу, т.к. я эвакуировалась в Саратовскую область и вернулась в Калач в октябре 1941 года.*

Характеристика в советский период

1970–1990-е гг. – период развития различных социальных сфер и институтов советского государства, в том числе и образования. В это время важную роль играют институты усовершенствования учителей как научно-методические центры повышения педагогического мастерства работников образования, обобщения и распространения передового педагогического опыта.

Рассмотрим жанровые параметры текста документа.

Параметры «адресант / адресат», «функция»

Адресант характеристики репрезентирован в реквизите «подпись». Как правило, характеристику давала комиссия, в этом случае адресант был коллективным и персонифицированным: *Председатель ГОРКОМА Р. Папилов, секретарь парторганизации М. Коган, председатель МЕСТКОМА М. Серова.*

Адресат в тексте имплицитно, однако иерархия учреждений системы образования и процедура повышения категории учителя предполагали, что характеристики такого вида представляли собой определенного рода обращение в государственную структуру, которая занимается подготовкой кадров в системе дополнительного профессионального педагогического образования [Худоминский, 1986].

Назначение характеристики и ее содержание позволяют говорить о том, что документ данного периода выполняет не одну функцию. Набор функций документа, как отмечает М.В. Косова, представляет собой величину непостоянную, динамическую: со временем под влиянием разного рода факторов некоторые функции документа могут стать незначимыми, и наоборот, документ может приобретать новые, актуальные функции [Косова, 2016, с. 9]. Характеристика реализует информационную и презентационную функции – адресант описывает заслуги педагога и рекомендует его на более высокую должность. Реализация презентационной функции в тексте «предполагает отбор важных признаков объекта характеристики с учетом индивидуального восприятия для целей влияния и воздействия в процессе коммуникации» [Олянич, 2015, с. 149].

Параметры «информация», «структура», «доминирующая модальность»

В характеристике представлены достоверные сведения о деятельности педагога, которые выражены в тексте вербально-цифровыми единицами, обозначениями пространственно-временных дат: *в 1980–81 учебном году Зайцевой Н.М. написана методическая разработка на тему: «Повышение эффективности обучения на уроке английского языка с помощью средств наглядности и технических средств»; в 1979–80 уч. году была избрана секретарем педагогического совета и членом штаба по предупреждению правонарушений; в 1980–81 гг. являлась членом штаба соревнования при ученическом профкоме.* Кроме того, содержится оценка деятельности учителя. Отметим, что в рассмотренных характеристиках выражена прежде всего по-

ложительная оценка: *хорошо знающий и владеющий программным материалом преподаватель, умеющий при желании очень доходчиво, просто, образно доносить знания до обучающихся; проводит большую индивидуальную работу с учащимися и с активом группы; за время работы Нина Максимовна показала себя высококвалифицированным, добросовестным специалистом.* При этом говорится и об отдельных недостатках, что, вероятно, обусловлено стремлением к объективности: *несистематически ведется кружковая работа дополнительных занятий и консультации; недостатком в работе является неактивное участие в подготовке и проведении общественных мероприятий; макеты выполняются на низком уровне; недостаточно дисциплинирована, были случаи опоздания на уроки, неявки на заседание цикловой комиссии, может допускать элементы бестактности; недостаточно работает в группе по укреплению учебной дисциплины, борьбы с правонарушениями у учащихся и активности; не всегда участвует в выставке технического творчества; и высказываются пожелания: необходимо более активное включение в работу КНД, оказывая помощь руководителю; активировать работу кружка английского языка и др.*

В отличие от характеристики военного времени, документ второго периода имеет строгую композиционно-содержательную структуру.

Первая часть включает реквизиты «наименование организации», «место составления или издания документа»: *Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Волгоградский строительный техникум»; наименование вида документа»: характеристика на преподавателя сантехники Звереву Элеонору Михайловну.*

Вторая часть – это основной текст. Она содержит анкетные данные (год рождения, национальность, партийность, образование, стаж работы): *1940 года рождения, русская, б/партийная, общий стаж работы 19 лет; Э.М. Зверева 1935 года рождения, в 1958 году окончила Сталинградский институт инженеров городского хозяйства*

по специальности инженер-строитель санитарно-технических устройств; педагогический стаж 23 года; описание профессиональных и личностных качеств преподавателя.

Третья часть текста содержит резолюцию, связанную с видом характеристики, ее коммуникативной целью: *соответствует занимаемой должности; комиссия рекомендует аттестовать Митину Т.Н. на высшую квалификационную категорию; реквизиты «наименование должности лица – автора документа» и «подпись»: председатель цикловой комиссии Бобрикова Д.И.; председатель ГОРКОМА Р. Папилов, секретарь парторганизации М. Коган, председатель МЕСТКОМА М. Серова; «оттиск печати» и отметку об ознакомлении: с характеристикой ознакомлена Зверева Э.М.*

Текст документов рассматриваемого периода отличает объективная модальность реальности, при этом подчиненное положение адресанта и нацеленность на побуждение к принятию решения адресатом обуславливают ситуативную модальность сообщения и необязательного предписания: *соответствует занимаемой должности при условии устранения отмеченных замечаний.*

Параметры «пространство» и «время»

Параметр «пространство» реализуется в тексте собственными и нарицательными именами существительными, обозначающими учреждения образования, в реквизите «наименование организаций»: *Волгоградский строительный техникум; характеристика утверждена на педагогическом совете техникума, протокол № 7.* Параметр «время» репрезентирован реквизитом «дата составления документа», который во всех документах оформлялся одинаково: *16 марта 1970 г., 23 июля 1981 г.*

Тексты рассмотренных документов соответствуют нормам официально-делового стиля: отмечается использование отглагольных существительных (*повышение эффективности; прививание навыков; предупреждение правонарушений*), сложных слов, образованных от двух и более основ (*самообразование; высококвалифицированный; добросовестный; идейно-теоретический*

уровень), производных предлогов (*на основании заключения аттестационной комиссии*), речевых штампов (*работа выполняется на низком уровне; шествовала над учащимися; необходимо более активно включаться в работу; были случаи опоздания на уроки; недобросовестное отношение*); безличных инфинитивных предложений (*необходимо доносить знания до учащихся, необходимо было активизировать работу Э.М. Зверевой; обдумывать действия было уже некогда*).

В текстах встречаются единицы, маркирующие советский период: *беспартийная; работа в КНД; партийно-комсомольское собрание, посвященное 111 годовщине со дня рождения В.И. Ленина; агитатор; ученический профком; избрана секретарем педагогического совета.*

Характеристика в современный период

Период 2015–2020 гг. – время современного образовательного процесса, когда ведутся поиски новых технологий, которые можно применять в педагогической деятельности. Внедрение информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) открывает значительные возможности расширения образовательных рамок по каждому предмету. Переход к новой системно-деятельностной образовательной парадигме связан с принципиальными изменениями работы учителя, реализующего новый стандарт.

Рассмотрим параметры текста характеристики-представления.

Параметры «адресант / адресат», «функция»

Адресант характеристики может быть как единичным (в этом случае он персонифицированный): *директор МОУ СОШ № 9 Винокурова И.А.*, так и коллективным (в этом случае он неперсонифицированный): *педагогический коллектив МАОУ СОШ №23 города Томска.*

Адресатом характеристики является официальная вышестоящая по отношению к адресанту организация сферы образования. В тексте он обозначен отдельным реквизитом,

например: *представительство Милославского района, начальнику управления образования администрации Советского муниципального района Ставропольского края Пахмутовой Т. П.*

В предыдущем периоде адресат не обозначен как отдельный реквизит, представлен имплицитно. Характеристика в данный период, как и в советское время, выполняет информационную и презентационную функции.

Параметры «информация», «структура», «доминирующая модальность»

Характеристика рассматриваемого периода содержит подтвержденные, достоверные сведения о заслугах педагога, что, как и в документах предыдущего периода, выражено вербально-цифровыми единицами, обозначениями пространственно-временных дат: **23 ноября 2008** года провела семинарское занятие по теме: *«Использование ИКТ и ЦОР на уроках истории»*; Н.В. Власкиной присвоена первая квалификационная категория по должности *«Учитель»* **28.12.2012** года, приказ Министерства образования Рязанской области от **17.01.2013**г. №24-А; Оксане Сергеевне были объявлены благодарности за участие в научно-практической конференции *«Воспитание личности и преподавание духовно-нравственных курсов...»* (**2011** год), за подготовку учащихся к муниципальному этапу Всероссийской олимпиады школьников (**2011, 2012** гг.), за подготовку побудителя конкурса *«Храни себя, Святая Русь!»* (**2013** год).

В тексте характеристики дается оценка профессиональным и личностным качествам учителя: *за время работы Ирина Владимировна зарекомендовала себя как грамотный педагог, обладающий высоким уровнем мастерства, стремящийся совершенствовать свои профессиональные навыки; отвечает всем требованиям, предъявляемым к учителю; знание предмета.* Оценка, как правило, только положительная, и выражена она в тексте клишированными выражениями, что говорит о формализации текста и «угасании» информативной функции.

Презентационная функция, наоборот, актуализируется. В документе эксплицирована

положительная оценка профессиональных качеств учителя: *изучает и анализирует опыт коллег; обладает аналитическим мышлением, применяет в работе современные педагогические технологии продуктивного, дифференцированного обучения; реализация развивающего обучения; владеет методикой системного анализа урока, методикой дифференцированного и индивидуального обучения, навыками личностно-ориентированного и деятельностного подхода в обучении; его личностных качеств: учитель пользуется авторитетом и уважением коллег по работе, родителей; опытный, требовательный педагог; незаурядная, творческая, энергичная личность, имеющая педагогический и организаторский талант, чуткая и внимательная во взаимоотношениях с коллегами.* Недостатки не отмечаются.

В структуре характеристики этого периода можно выделить три композиционно-содержательные части.

Первая часть включает реквизиты «наименование организации», «место составления или издания документа»: *Муниципальное общеобразовательное учреждение «Большеподовеченская школа» Милославского района; муниципальное образовательное учреждение средней общеобразовательной школы №9;* «наименование вида документа»: *Характеристика Игнатовой Валентины Михайловны, учителя начальных классов; характеристика-представление преподавателя русского языка и литературы Костиной Татьяны Алексеевны.*

Вторая часть включает анкетные данные (ФИО педагога, год рождения, национальность, образование, должность, стаж работы): *Власкина Н.В, учитель математики и физики, Бровкина Г.А., учитель истории и географии, Петрюк Ольга Ивановна, учитель начальных классов; Бодрова И.В., учитель русского языка и литературы; 1965* года рождения, высшее образование, стаж 25 лет; *11 мая 1982* года рождения, общий педагогический стаж 7 лет; *стаж 38 лет;* здесь же содержится описание профессиональных и личностных качеств учителя.

Третья часть содержит вывод – рекомендацию / представление, связанные с ком-

муникативной целью характеристики: администрация **рекомендует** Костину Т.А. к аттестации на высшую квалификационную категорию, директор Н.В. Балашов; **рекомендуется к аттестации на первую квалификационную категорию**, директор средней общеобразовательной школы при войсковой части 2393 Э.Г. Айрапетян.

В этой части содержатся реквизиты «отметка об ознакомлении» и «подпись»: с характеристикой ознакомлена Сергеева Л.Н., с представлением ознакомлена Власкина Н.В., с представлением ознакомлена О.И. Петрюк; директор МОУ СОШ № 9 Винокурова И.А., директор МОУ «СОШ № 8 с. Горькая Балка» Л.Н. Белоусова. Документы заверяются печатью организации.

В документах рассматриваемого периода доминирует объективная модальность реальности и ситуативная модальность сообщения и необязательного предписания: администрация Zubovo-Полянского педагогического колледжа **рекомендует** Костину Татьяну Алексеевну к аттестации на высшую квалификационную категорию.

Параметры «пространство» и «время»

Параметр «пространство» реализуется именами собственными и нарицательными, обозначающими наименования учреждений образования в реквизите «наименование организации»: Милославская, Горняцкая, Шолинская основная общеобразовательная школа, Средняя общеобразовательная школа № 1 имени П.И. Омельченко Лесозаводского городского округа; а также топонимами в реквизите «подпись»: начальник управления образования администрации Советского муниципального района Ставропольского края Пахмутова Т. П.

Параметр «время» репрезентирован реквизитом «дата документа», который оформляется уже единообразно: 10.03.2018 г., 18.04.2020 г.

Текст документов данного периода соответствует нормам официально-делового стиля: используются отглагольные существительные (*принятие решений; формирование навыков; стремление к проявлению методического мастерства*), слож-

ные слова (*самоорганизация; доброжелательный; информационно-коммуникативные технологии*), речевые штампы (*соответствует требованиям; вопрос освещен; можно ознакомиться с ее разработками*), безличные инфинитивные предложения (*необходимо было распределить задания между учениками; нужно было учитывать особенности памяти и мышления детей*).

В тексте представлены номинации, отражающие новый уровень системы образования: диплом за организацию **сверхпрограммной общероссийской предметной олимпиады Олимпус**; присуждена **именная стипендия Главы администрации**; **благодарность за участие в проверке всероссийских проверочных работ, в научно-практической конференции; эффективное использование здоровьесберегающих технологий, дифференцированного обучения; владеет предметно-методической, психолого-педагогической и ИКТ компетенциями.**

Заключение

Таким образом, совокупность жанровых параметров, особенности их речевого выражения позволяют рассматривать характеристику как социально детерминированный вид документа, выполняющего информационную и презентационную функции. Изучение документов разных периодов позволило выявить изменения характера передаваемой документом информации, структуры и доминирующей модальности текста, оформления пространственно-временных координат, продемонстрировать экстралингвистическую обусловленность речевой организации документного текста, закономерности формирования жанра характеристики, определяемые социальными и лингвистическими факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М., 1979. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. С. 237–280.
- Васильковская Е. И., 2006. Власть и формирование советской модели школьной системы (нача-

- ло 1930-х – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов. 251 с.
- Гольдин В. Е., Дубровская О. Н., 2002. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // *Жанры речи*. Саратов : Колледж. Вып. 3. С. 5–17.
- Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2016. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки*. Т. 18, № 4 (157). С. 182–199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Дементьев В. В., 2015. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // *Вопросы языкознания*. № 6. С. 78–107.
- Драчук Н. В., Черницына Т. В., 2015. Характеристика как жанр официально-делового стиля // *Евразийский союз ученых*. № 4–8. С. 44–47.
- Колтунова М. В., 2000. Язык и деловое общение : Нормы. Риторика. Этикет. М. : Экономика. URL: https://www.vib33.ru/upload/information_system_19/1/0/4/item_104/koltunova_language_business_communications.doc (дата обращения: 02.03.2020).
- Косова М. В., 2016. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. № 1. С. 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>.
- Косова М. В., 2017. Динамика жанровых параметров региональных документов XVIII века // *Текст в языке, речи, культуре : сб. науч. ст. Минск : РИВШ*. С. 123–134.
- Олянич А. В., 2015. Презентационный дискурс // *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. Вып. 3–4. С. 148–150.
- Тарасов М. Е., 2017. Характеристика – анахронизм или реальность? // *Секретарь-референт*. № 12. URL: https://www.profiz.ru/sr/12_2017/charakteristika (дата обращения: 02.03.2020).
- Токарев Г. В., 2010. Документная лингвистика. Тула : Арт-принт. 125 с.
- Федосюк М. Ю., 1997. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. № 5. С. 102–120.
- Худоминский П. В., 1986. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917–1981 гг.). М. : Педагогика. 182 с.
- Шмелева, Т. В., 1997. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов : Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж». С. 88–98.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. Публ. в авт. ред. 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 04.03.2020).
- ИНФОУРОК. URL: <https://infourok.ru/predstavlenie-na-pervuyu-kvalifikacionnuyu-kategoriyu-2322411.html> (дата обращения: 04.03.2020).
- Компрометирующий материал на учителей Сталинградской области, бывших на оккупированной территории // *Государственный архив Волгоградской области*. Ф. 3423. Оп. 3. Ед. хр. 2. С. 15–19.
- Личные дела преподавателей // *Архив ГБПОУ «Волгоградский строительный техникум» 1970–1990 гг.*
- Педагогическое сообщество «УРОК.РФ». URL: https://urok.rf/library/materiali_dlya_attestacii/harakteristika_pedagoga (дата обращения: 04.03.2020).
- УМК СПО. URL: <http://atestat.umk-spo.biz/articles/zapdok/teorija/primer/primerxarrys> (дата обращения: 04.03.2020).
- Videouroki.net. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/kharakteristika-uchitelia-nachal-nykh-klassov.html> (date of access: 04.03.2020).

REFERENCES

- Bakhtin M.M., 1979. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 237-280.
- Vasilkovskaya E.I., 2006. *Vlast i formirovanie sovetskoj modeli shkolnoi sistemy (nachalo 1930-kh – nachalo 1950-kh gg.): diss ... kand. ist. nauk* [Power and the Formation of the Soviet Model of the School System: Early 1930s – Early 1950s. Cand. of hist. sci. diss.]. Saratov. 251 p.
- Goldin V.E, Dubrovskaya O.N, 2002. Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsial'nykh vzaimodejstvij [Genre Organization of Speech in the Aspect of Social Interactions]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov, Kolledzh Publ., iss. 3, pp. 5-17.
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu, Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Genre Characteristics of the 18th Century Military Charters (With References to the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo*

- universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Demytyev V.V., 2015. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoj rechi [The Theory of Speech Genres and Actual Processes of Modern Speech]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 78-107.
- Drachuk N.V., Chernitsyna T.V., 2015. Kharakteristika kak zhanr ofitsialno-delovogo stilya [Characteristics as a Genre of Official Business Style]. *Evrasiyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], no. 4–8, pp. 44-47.
- Koltunova M.V., 2000. *Iazyk i delovoe obshchenie: Normy. Ritorika. Etiket* [Language and Business Communication: Norms. Rhetoric. Etiquette]. Moscow, Ekonomika Publ. URL: https://www.vib33.ru/upload/information_system_19/1/0/4/item_104/koltunova_language_business_communications.doc (accessed 2 March 2020).
- Kosova M.V., 2016. Metod dokumentovedcheskogo analiza v lingvisticheskikh issledovaniyakh: sodержanie i tseli [The Method of Documentary Analysis in Linguistic Research: Content and Goals]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznaniiye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1, pp. 7-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>.
- Kosova M.V., 2017. Dinamika zhanrovnykh parametrov regionalnykh dokumentov XVIII veka [Dynamics of Genre Parameters of the Regional Documents of the 18th Century]. *Tekst v yazyke, rechi, kulture: sb. nauch. st.* [Text in Language, Speech, Culture. Collected Articles]. Minsk, RIVSh, pp. 123-134.
- Olyanich A.V., 2015. Prezentatsionnyy diskurs [Presentation Discourse]. *Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi»* [Scientific Journal “Discourse-Pi”], iss. 3–4, pp. 148-150.
- Tarasov M.E., 2017. Kharakteristika – anakhronizm ili realnost? [Characteristic – Anachronism or Reality?]. *Sekretar-referent* [Secretary-Referent], no. 12. URL: https://www.profiz.ru/sr/12_2017/kharakteristika (accessed 2 March 2020).
- Tokarev G.V., 2010. *Dokumentnaya lingvistika* [Documentary Linguistics]. Tula, Art-print Publ. 125 p.
- Fedosyuk M.Yu., 1997. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved Problems of the Theory of Speech Genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no.5, pp. 102-120.
- Khudominsky P.V., 1986. Razvitie sistemy povysheniia kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov sovetskoj obshcheobrazovatelnoi shkoly (1917–1981 gg.) [Development of the System of Advanced Training of Pedagogical Personnel of the Soviet Secondary School (1917–1981)]. Moscow, Pedagogika Publ. 182 p.
- Shmeleva T.V., 1997. Model rechevogo zhanra [The Model of the Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, Izd-vo Gosudarstvennogo uchebnonauchnogo tsentra «Kolledzh», pp. 88-98.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (accessed 4 March 2020).
- INFOUROK [Informational Lesson]. URL: <https://infourok.ru/predstavlenie-na-pervuyu-kvalifikacionnuyu-kategoriyu-2322411.html> (accessed 4 March 2020).
- Komprometiruyushchiy material na uchiteley Stalingradskoy oblasti, byvshikh na okkupirovannoy territorii [Compromising Material on Teachers of Stalingrad Region, Who Were in the Occupied Territory]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region], f. 3423, inv. 3, dep. item 2, pp. 15-19.
- Lichnye dela prepodavateley [Personal Files of Teachers]. *Arkhiv GBPOU «Volgogradskiy stroitelnyy tekhnikum» 1970–1990 gg.* [Archive of Volgograd Construction Technical School. 1970–1990].
- Pedagogicheskoe soobshchestvo «UROK.RF»* [Pedagogical Community “UROK.RF”]. URL: https://урок.рф/library/materiali_dlya_attestatsii/harakteristika_pedagoga (accessed 4 March 2020).
- UMK SPO [Learning Kit for Secondary Vocational Education]. URL: <http://atestat.umk-spo.biz/articles/zapdok/teorija/primer/primerxarrys> (accessed 4 March 2020).
- Videouroki.net*. URL: <https://videouroki.net/razrabotki/kharakteristika-uchitelia-nachalnykh-klassov.html> (accessed 4 March 2020).

Information About the Author

Olga A. Nosacheva, Candidate for a Degree, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, tronut3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6733-7156>

Информация об авторе

Ольга Александровна Носачева, соискатель кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, tronut3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6733-7156>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.12>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 21.09.2020
Accepted: 24.12.2020

COMMUNICATIVE RISKS RELATED TO UNJUSTIFIED USE OF BORROWINGS IN MODERN MEDIA

Evgenia V. Gulyaeva

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA), Volgograd, Russia

Maria V. Denisenko

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA), Volgograd, Russia

Irina S. Nikitina

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA), Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the problem of native speakers understanding of the latest borrowings actively introduced into speech practice by mass media. The authors describe the reasons for the spread of borrowings, and pay special attention to the pragmatic, as well as social-and-psychological factors that affect this process. Based on the results of the pilot experiment conducted by the authors, it was found out that the majority of respondents, who are native speakers of the Russian language, either do not understand the meaning of anglicisms that are frequent in the modern media or only approximately interpret it, which allows the authors to speak about the agnomy of this vocabulary. The analysis of modern media texts was aimed at selecting borrowed vocabulary for its further inclusion in the questionnaire, followed by a pilot experiment, which focused on interpretation of the meanings of the latest anglicisms used in the media. The accuracy of recipients comprehension of foreign words meaning used in the media varies depending on their age, occupation, and interests. Thus, news addressed to mass audience should not contain anglicisms so as to prevent communicative failures. The authors describe the communicative risks associated with misinterpretation of information presented in the media, and outline ways to overcome the negative impact of borrowings associated with it.

Key words: borrowings, communicative risks, global English, anglicisms, media language, agnonyms.

Citation. Gulyaeva E. V., Denisenko M. V., Nikitina I. S. Communicative Risks Related to Unjustified Use of Borrowings in Modern Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 146-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.12>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 21.09.2020
Дата принятия статьи: 24.12.2020

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ: КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ

Евгения Вячеславовна Гуляева

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия

Мария Валерьевна Денисенко

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия

Ирина Сергеевна Никитина

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме понимания носителями языка новейших заимствований, активно внедряемых в речевую практику средствами массовой информации. Охарактеризованы причины распространения заимствований, особое внимание уделено прагматическим и социально-психологическим факторам, влияющим на этот процесс. На основе результатов проведенного авторами пилотного эксперимента установлено, что значение англицизмов, частотных в современных СМИ, большинство респондентов – носителей русского языка либо не понимают, либо интерпретируют приблизительно, что позволяет говорить об агнонимичности этой лексики. Е.В. Гуляевой разработана концепция исследования, охарактеризован его терминологический аппарат, обобщены результаты эксперимента. М.В. Макаровой и И.С. Никитиной осуществлены анализ текстов современных средств массовой информации и отбор заимствованной лексики для составления анкеты, проведен пилотный эксперимент, ориентированный на интерпретацию значений новейших англицизмов, использованных в СМИ. Авторами определены коммуникативные риски, связанные с интерпретацией информации, транслируемой в СМИ, намечены пути преодоления негативного влияния заимствований и предупреждения коммуникативных неудач.

Ключевые слова: заимствование, коммуникативный риск, глобальный английский, англицизм, язык СМИ, агноним.

Цитирование. Гуляева Е. В., Денисенко М. В., Никитина И. С. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 146–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.12>

Введение

Характерной чертой современной языковой ситуации можно назвать рост количества заимствований и их интенсивное проникновение во все сферы коммуникации. У этого есть объективные причины: известно, что активизация заимствования лексики из других языков наблюдается в периоды бурных социальных, экономических и политических изменений в обществе, связана с появлением новых реалий и неизбежным взаимопроникновением культур. Обратной стороной этого процесса становится нарушение понятийной точности, непонимание или искаженное восприятие информации в процессе общения, а также снижение общего уровня языковой культуры носителей языка-реципиента.

Активное проникновение англицизмов в лексикон носителя русского языка происходит, несомненно, при участии средств массовой информации, которые, отвечая вызовам современного общества, используют заимствования, зачастую лексически избыточные или же непонятные большей части населения. Это неизбежно ведет к коммуникативным неудачам, которые В.Д. Черняк определила как «неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего (полное

или частичное непонимание), нежелательный эмоциональный эффект» [Черняк, 2005, с. 96]. С понятием коммуникативных неудач связано понятие коммуникативных рисков, то есть особенностей речи, «которые могут вызвать недопонимание в процессе общения, стать причиной конфликта. Подобные риски возникают в процессе коммуникации среди прочего как из-за заимствованных языковых явлений в другие языки, так и по причине изменений в самом языке» [Гуляева, 2018, с. 146].

Целью предпринятого нами исследования стало описание коммуникативных рисков, а именно: полное или частичное непонимание смысла информационного сообщения, его неправильная интерпретация, семантическая «пустота» текста для читающего и слушающего, возникающая при неоправданном использовании англоязычной заимствованной лексики в современных СМИ, а также определение степени освоенности и понимания наиболее распространенных англоязычных терминов и лексем современными носителями русского языка.

Материал и методы

Проблема влияния заимствований на современный русский язык находится в фокусе

внимания исследователей на протяжении двух последних десятилетий и не теряет своей актуальности. В условиях глобализации, постоянного взаимопроникновения культур и использования английского языка в качестве средства международного общения такое влияние становится все более заметным в силу расширения сфер применения специальной иноязычной терминологии из области экономики, политики, финансовой деятельности. Многие заимствования, относящиеся к последним десятилетиям XX в., изменили свой функциональный статус, став неотъемлемой частью тезауруса образованного носителя русского языка. В то же время новейшие заимствования начала XXI в. (около 30 тыс. за последние 15 лет) составляют объект развернувшихся научных дискуссий, зачастую воспринимаются носителями языка как «инородные элементы», оказывающие негативное влияние на русскую речевую культуру [Козырев, Черняк, 2007, с. 54]. В.И. Карасик отмечает, что за активным процессом заимствования лексики другого языка всегда стоит «внедрение в иную культуру концепта – ментального образования, опирающегося на многослойный культурный опыт, сконцентрированный в индивидуальном и коллективном языковом сознании» [Карасик, 2002, с. 177]. Исследуя природу заимствований, Л.П. Крысин определяет их как «единицы чужого языка, вошедшие в лексико-семантическую систему языка-реципиента» [Крысин, 2004, с. 24], в отличие от экзотической лексики и иноязычных вкраплений, которые, по мнению ученого, не принадлежат системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц [Крысин, 2004, с. 19].

К основным причинам, по которым носители русского языка отдают предпочтение англицизмам в разных сферах коммуникации, лингвисты относят прежде всего прагматические установки говорящего и пишущего. По мнению исследователей, наиболее жизнеспособны те заимствования, которые способствуют экономии языковых средств. Например, Н.С. Гуторова пишет: «Если одно слово *аутсорсинг* (здесь и далее в цитате курсив наш. – Авт.) заменяет целую фразу “выполнение всех или части функций по управле-

нию организацией сторонними специалистами”, то оно вполне жизнеспособно. Это относится не только к терминам типа *франчайзинг*, но и к обыденным словам типа *рейтинг*, *грин-кард*, и даже *супермаркет*. Таким образом, наиболее оправданны заимствования, которые заполняют прагматические лакуны» [Гуторова, 2015, с. 102]. В.А. Козырев и В.Д. Черняк также отмечают, что «одной из причин многочисленных заимствований является тенденция к аналитизму – замене словосочетания одним словом, таким образом реализуется закон языковой экономии: *саммит* – “встреча, переговоры глав государств, правительств”, *праймтайм* – “лучшее время на телевидении”, *электорат* – “круг избирателей, голосующих за какую-нибудь кандидатуру или за политическую партию на парламентских, президентских и муниципальных выборах”» [Козырев, Черняк, 2007, с. 55].

В научной литературе охарактеризованы и другие лингвистические причины заимствований. Л.П. Крысин, кроме стремления к экономии языковых средств, замене одночленным компонентом многочленных, выделяет также стремление к устранению многозначности исконно русского слова, к изменению его семантической структуры; потребность в пояснении и детализации определенного явления или понятия, в разграничении некоторых смысловых оттенков (ср. *аудит* – *проверка*); стремление к формированию структурно аналогичных слов [Крысин, 2004, с. 201].

Именно прагматические установки лежат, по мнению лингвистов, в основе широкого использования заимствований в СМИ: «активное пополнение терминологии за счет англицизмов связано с необходимостью подведения политических и экономических номинаций под единые общемировые стандарты. Новое иноязычное слово всегда прагматически отмечено, поскольку в комплексе причин заимствования, помимо когнитивных факторов, большую роль играют прагматические стимулы. По мере конвенциализации неологизма иноязычного происхождения происходит постоянное перераспределение прагматических компонентов его содержания» [Китанина, 2005, с. 32]; «типичным примером увеличения кода является заимствование иноязычных слов для передачи понятий, которые без ино-

язычного слова можно обозначить только описательно. Именно этот путь разрешения антиномии кода и текста оказывается преобладающим в начале XXI в.» [Китанина, Божинская, 2009, с. 239].

Кроме лингвистических причин исследователями отмечаются и социально-психологические причины заимствований. В понимании носителей языка иностранные слова в речи звучат более престижно и воспринимаются как часть элитарной культуры. «Один из источников привлекательности иностранного слова, – считает И.Т. Вепрева, – экзотичность формы. Культурно отдаленное, “чужое” для модного объекта всегда позитивно окрашено. Эта удаленность как бы компенсирует временную близость. Поэтому в корпусе модных слов представлены преимущественно новые заимствованные слова, которые в соединении с субъективным ощущением новизны придают слову эстетическую модальность необычности слова» [Вепрева, 2006, с. 116–117].

Пристрастие к заимствованиям, являющееся одной из отличительных черт «полуобразованного владения языком, соединенного с плохим владением мыслью и логикой» [Апресян, 1992, с. 51], часто соединяется в современной речи с непониманием заимствований при восприятии и квазизнанием – при порождении [Козырев, Черняк, 2007, с. 54].

Именно социально-психологическими причинами ученые объясняют многие коммуникативные неудачи при использовании заимствований в речи.

Лингвистические исследования последних десятилетий подтверждают сложившуюся в современном обществе тенденцию к неосознанному использованию новых иноязычных слов как среднестатистическими носителями языка, так и представителями СМИ, которые зачастую не понимают значения употребляемых заимствований или неверно их интерпретируют. В результате неосознанного включения иноязычных слов в текст информационного сообщения неизбежно возникает семантическая «глухота», поскольку материал, содержащий неизвестную для читающего или слушающего лексику, остается непонятым и пустым. Особенно ярко это наблюдается на примере новых заимствований, которые еще не зафиксированы в словарях или справочни-

ках, но регулярно воспроизводятся в текстах СМИ и разговорной речи, оставаясь неосознанными [Граудина и др., 1995, с. 80].

Неизвестные или недостаточно понятные, нечетко осознаваемые носителями языка лексические единицы получили в исследованиях В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной наименование «агномим» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 23]. Изучение агномимов позволяет проанализировать глубинные речемыслительные процессы, выявить способы фиксации новых значений слов в сознании носителей языка, установить, каким образом происходит связывание трех компонентов (знак, значение, денотат) в единую структуру. Авторы термина предлагают считать агномимичной лексической единицей (слово или отдельное его значение) ту, относительно которой носитель языка может сказать: 1) «совершенно не знаю, что значит слово»; 2) «имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной весьма широкой сфере»; 3) «знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса»; 4) «знаю, что слово обозначает определенный предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования»; 5) «знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет»; 6) «знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности, но предполагаю, что многие другие люди его не знают или знают недостаточно» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 106].

Ученые, исследовавшие агномимы, отмечают, что популяризация средствами массовой информации экономической, общественно-политической, медицинской, компьютерной, финансовой терминологии постепенно ведет к активному проникновению этой лексики в тезаурусы носителей языка, но при этом наблюдается заметное снижение культуры письменной и устной речи, вызванное преобладанием в речи разговорной и жаргонной лексики, проникновением ее в книжные стили языка, а также заметным влиянием интернет-коммуникации на процесс общения. Значи-

тельную роль в этом процессе играют именно заимствования, которые являются агнонимичными для большинства среднестатистических носителей языка.

Общественно-политическая лексика, активно используемая в средствах массовой информации, также становится агнонимичной, поскольку большая часть зрителей и читателей воспринимает ее только в рамках заданного контекста, не вдаваясь в анализ семантической структуры [Пентина, Черняк, 2015, с. 189].

Журналисты зачастую злоупотребляют использованием заимствований, не учитывая того факта, что такие слова могут быть не поняты потенциальными адресатами. Говоря о характерной для современной языковой ситуации моды на заимствования, О.Б. Сиротинина отмечает, что «обеднение системы и узального лексикона, а также его засорение создают риск непонимания, легко преодолеваемый в обиходном неофициальном общении, но нередко очень вредящий профессиональному общению, а при намеренном непонимании легко провоцируют и социальные риски, возникающие в общении власти с оппозицией и населением» [Сиротинина, 2013, с. 12].

Опираясь на представленные толкования заимствований, причин их появления и влияния на коммуникацию, мы провели пилотный эксперимент, нацеленный на выявление понимания значений некоторых современных англоязычных заимствований носителями русского языка. В процессе интерпретации полученной информации учитывались важные социально-психологические параметры респондентов (пол, возраст, уровень образования, знание иностранных языков, место жительства), поскольку все эти факторы определяют характер лексикона отдельно взятого носителя языка.

За основу исследования взят метод анкетирования. Нами были проанализированы телевизионные программы и интернет-издания («Ведомости», «Известия», информационное агентство «РБК», информационное агентство «ТАСС», «Russia Today») и отобраны 60 наиболее часто встречающихся заимствований, значение которых было предложено объяснить анкетирваемым. В эксперименте приняли участие 240 респондентов. Они были разделены на 4 возрастные группы по 60 человек в каж-

дой (15–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет; 46–55 лет). Цель эксперимента – определить, носители русского языка какого возраста лучше других ориентируются в потоке англицизмов, употребляемых в современных СМИ, а следовательно, точнее интерпретируют новостные сообщения, содержащие заимствования.

Результаты и обсуждение

Интерпретация заимствований носителями русского языка

Приведем некоторые из полученных в ходе опроса ответов. Слова расположены в алфавитном порядке.

Аккаунт – «страница в Интернете с данными об определенном пользователе». Данный англицизм безошибочно смогли объяснить анкетирваемые возрастных групп 15–25 лет, 26–35 лет, 36–45 лет – 80 %, 86 %, 88 % соответственно. Лишь 38 % респондентов в возрастной группе от 46 до 55 лет не смогли дать определение этому англицизму. 4 % респондентов дали ответ *счет*: в данных случаях имел место прямой перевод многозначного слова *account*, однако в русском языке это заимствование употребляется лишь в значении «личный кабинет» (Академик.ру).

Аутсайдер – «находящийся в числе последних, занимающий малозначимое место». Это слово уже давно вошло в обиход носителей русского языка, но далеко не все респонденты справились с объяснением его значения. Так, в группе респондентов 15–26 лет 50 % участников эксперимента затруднились дать определение рассматриваемому англицизму, при этом среди их ответов встречались такие, как *лидирующий; изгой; фрилансер; за пределами нормального, обыденного*. В группах респондентов 26–35 лет и 36–45 лет только 10 % информантов затруднились с ответом, среди объяснений встречались такие, как *проигравший; отстающий; любитель, неспециалист; посторонний*. В группе респондентов 46–55 лет количество знающих и незнающих значение данного англицизма оказалось одинаковым, в ответах респондентов данной возрастной группы встречались определения: *тот, кто с краю* и даже *успешный*.

Ворк аут – «уличная гимнастика, любительский вид спорта». Несмотря на растущую популярность данного вида спорта среди молодежи, около 40 % респондентов от 15 до 25 лет не смогли объяснить значения этого заимствования, хотя среди ответов представителей данной возрастной группы встречались: *спорт в нерабочее время, перерыв; упражнение на силу; вне работы; тренировка; работа на улице; спорт на турниках; физкультура; паркур; законченная работа; конец*. Среди респондентов 26–35 лет и 36–45 лет также только 40 % участников эксперимента смогли объяснить значение англицизма. Ответы включали следующие толкования: *занятия на турниках, площадка для интенсивной тренировки, работа вне офиса; практический семинар; удаленная работа; уличные тренажеры*. Из респондентов 46–55 лет только 30 % попытались объяснить значение данного заимствования.

Истеблишмент – «правлящие круги, политическая элита». Значение данного англицизма смогли объяснить 35 % респондентов в возрасте 15–26 лет, 20 % респондентов – в возрасте 26–35 лет, около 70 % респондентов – в возрасте от 36 до 45 лет и от 46 до 55 лет. Среди значений англицизма респонденты называли: *власть; правительство; те, кто может голосовать; американские политики, лоббирующие кого-либо; люди, которые выбирают; политическое объединение*.

Контент – «содержательное наполнение информационного ресурса». Как и все термины, связанные с Интернетом, данный англицизм хорошо знаком молодому поколению: почти 80 % респондентов в возрасте от 15 до 25 лет, 65 % респондентов – в возрасте от 26 до 35 лет знают его значение. В группах респондентов 36–45 лет и 46–55 лет только 50 % информантов смогли объяснить значение данного слова. Определяя значение англицизма, анкетированные использовали следующие ассоциативные цепочки: *текст, картинки, наполнение; основной смысл; продукт деятельности, представляемый материал; популярная тема; жанр*.

Саммит – «встреча и переговоры людей, представляющих в своих государствах высшую власть». Появившись в русском языке еще в 1980-х гг., слово *саммит*, в силу своей лаконичности, вытеснило многосложный

русский эквивалент и закрепилось не только в официальном языке, но и в обиходной речи. Возможно, поэтому данное заимствование смогли объяснить 60 % респондентов 15–25 лет, 80 % респондентов 26–45 лет, 100 % респондентов 36–45 лет, более 80 % респондентов 46–55 лет. Отметим, что многие информанты определяют значение англицизма словами *переговоры, встреча, собрание* без указания статуса участников встречи, однако именно этот признак является ключевым в семантике рассматриваемого заимствования.

Фейк – «фальшивые новости, дезинформация, подделка». Это понятие довольно часто употребляется в интернет-коммуникации в значении «подделка» («фейковый аккаунт» – «поддельная страница»), в СМИ в значении «дезинформация» и знакомо респондентам разных возрастов, что подтверждают результаты анкетирования. Это заимствование весьма частотно в русской речи. Лишь 10 % анкетированных в трех возрастных группах (15–25, 36–45 и 46–55 лет) не смогли объяснить значения англицизма, в то время как в группе 26–35 лет 100 % респондентов дали правильные ответы. Знание семантики данного англицизма можно объяснить практически ежедневным упоминанием его в телевизионных и печатных СМИ (в основном в словосочетании *фейковые новости*), а также, возможно, краткой и, соответственно, легко запоминающейся формой слова.

Харассмент – «преступление, заключающееся в нарушении неприкосновенности частной жизни; назойливое приставание; домогательство с сексуальным подтекстом» (Академик.ру). В группе от 15 до 25 лет лишь 15 % смогли объяснить значение данного англицизма, 70 % в возрастных группах от 25 до 36 и от 36 до 45 лет не смогли объяснить значение данного слова, в группе от 46 до 55 лет количество знающих и незнающих значение данного термина оказалось одинаковым. Среди ответов, данных респондентами, встречались следующие толкования: *домогательство, домогательства в рабочем коллективе, недостойное поведение, действия отрицательного влияния, оскорбление, выборы*.

Экзит пол – «процедура социологического опроса граждан на выходе из избирательных участков после голосования». Несмотря на весьма частое звучание данного выраже-

ния с экранов телевизоров и употребление его в печатных СМИ, более 40 % респондентов 15–25 лет не смогли правильно объяснить его значение, среди респондентов 26–35 и 36–45 лет количество незнающих значение оказалось больше 50 %, самой неосведомленной оказалась старшая группа – 70 % респондентов не знали значения данного термина. Среди наиболее частых ответов встречались: *опрос, опрос перед выборами, предварительные итоги, встреча с прессой, интервью, результаты голосования.*

Анкетирование показало, что, несмотря на частое употребление рассмотренных англицизмов в современных СМИ, большая часть аудитории неточно определяет их значение. При этом опрашиваемые от 36 до 55 лет лучше ориентируются в заимствованиях из политической и экономической сфер (*истеблишмент, харасмент, ритейл*), а респонденты в возрасте от 15 до 25 лет могут объяснить англицизмы, связанные с IT-технологиями и сетью Интернет (*интерфейс, аккаунт, хайп*). Отметим также, что приведенное респондентами толкование слов зачастую свидетельствует о незнании или неточном понимании англицизма, однако опрашиваемые убеждены, что данное слово хорошо ими усвоено, а это неизбежно приводит к ошибочному словоупотреблению, непониманию и коммуникативным неудачам в процессе профессионального или межличностного общения.

Влияние СМИ на процесс ассимиляции заимствованной лексики

Большое количество заимствований проникает в язык и постепенно ассимилируется в нем благодаря новостным сообщениям, посвященным мировой политике. Это можно объяснить тем, что процесс глобализации уже давно сделал английский языком мирового общения. Однако нам представляется, что в некоторых случаях использование русского эквивалента было бы более уместным для среднестатистического читателя. Проиллюстрируем это предположение примерами использования англицизмов в новостных блоках разной тематики в СМИ (2018–2019 гг.).

Термин *Brexit* (сокр. от *Britain exit* – «выход Британии из Европейского союза») был введен в употребление мировыми СМИ в

2016 г. и с тех пор активно используется журналистами. В следующем, небольшом по объему контексте данный термин употребляется несколько раз:

(1) СМИ узнали о тайном обсуждении отсрочки **Brexit** в британском правительстве. Представители британского кабинета собрались, чтобы обговорить возможность отсрочки **Brexit**. Выход из ЕС они хотят отложить до 24 мая. Ранее Тереза Мэй называла разговоры о переносе **Brexit** контрпродуктивными (РБК).

Использование англицизма *Brexit* в данном случае может быть оправдано экономией языковых средств, лаконичностью выражения мысли и отсутствием эквивалента этого слова в русском языке, но только при условии достижения адекватного понимания данного термина целевой аудиторией.

О высокой плотности англицизмов в российских политических новостях может свидетельствовать следующий пример:

(2) 15 января депутаты Палаты общин отвергли сделку с ЕС об условиях **Brexit**, а затем позднее одобрили две поправки к **биллю** о выходе Соединенного Королевства из состава Евросоюза. Они потребовали от правительства избежать **Brexit** без сделки, а также постановили убрать из текста проекта соглашения с Евросоюзом упоминание о так называемом **бэкстопе** в Северной Ирландии (ТАСС).

Два предложения содержат три заимствования (*Brexit, билль, бэкстон*), которых вполне можно было бы избежать, если бы автор цитируемого текста использовал языковые средства русского языка. За 3 года существования в русском языке термин *брэкзит* стал понятным среднестатистическому россиянину: более 50 % респондентов смогли объяснить значение этого англицизма. Однако некоторые респонденты ответили, что *брэкзит* – это *выход Англии из Евросоюза, выборы, выход откуда-то, референдум, отставка.*

Слово *бэкстон* (букв. «ограничитель обратного хода» или «оказывать поддержку»); обозначает политику сохранения Северной Ирландии в составе Таможенного союза ЕС и поддержки единого европейского рынка после брэкзита) новое в русском языке и, согласно проведенному исследованию, вызывает недопонимание более чем у 90 % респондентов.

При этом, пытаясь объяснить значение данного англицизма, участники эксперимента зачастую опирались на знание английского языка, однако данный термин обладает дополнительными коннотациями, которые нельзя передать с помощью прямого перевода слова. Среди ответов респондентов встречались: *дать заднюю, забор, возврат назад, шаг назад, отсутствие жесткой границы*.

Слово *билль*, употребленное вместо русского и вполне уместного *законопроект*, смогли объяснить менее 50 % респондентов (большинство из них – это информанты 46–55 лет). Следует отметить, что *брэксит* и *бэкстоп* все чаще транслитерируются на русский язык в тексте новостей, отражая их адаптацию в русской речи.

Еще одно новое заимствование, относящееся к политической сфере, *шатдаун* (англ. *government shutdown* – «приостановка работы правительства США») является отражением исключительно американской действительности и способно вызвать непонимание у носителя русского языка. Рассмотрим следующие примеры:

(3) Президент США Дональд Трамп предположил, что демократы намеренно выдвигают «плохие предложения» по строительству стены на границе с Мексикой, чтобы спровоцировать очередной шатдаун (RT).

Как показал проведенный нами эксперимент, значение англицизма *шатдаун* смогли объяснить лишь 20 % респондентов, 10 % попытались дать его перевод, опираясь на знание английского языка (*выключение, заткнись* (перепутано с *shut up*), *отключение*), однако он не соответствует тому значению, которое имеет данный термин в контексте новостей о событиях в США. Среди ответов респондентов встречались и такие, как *налоговый откат от президента, экономическая ситуация в США, «ни шагу назад»*.

Можно предположить, что употребление термина *шатдаун* в заголовке интернет-новостей, например

(4) Белый дом допустил возможность нового шатдауна через неделю (Ведомости),

увеличивает шансы на то, что пользователь, не знающий толкования этого слова, перейдет

по ссылке в надежде получить разъяснения по интересующей его теме.

Отметим, что некоторые СМИ предпринимают попытку дать пояснения используемому в тексте новостей термину *шатдаун*, что, несомненно, облегчает для читателя понимание текста. Например:

(5) Президент Соединенных Штатов республиканец Дональд Трамп заявил 10 февраля, что позиция представителей Демократической партии ведет страну к новому шатдауну – временному закрытию федеральных учреждений (Известия);

(6) 22 декабря правительство Соединенных Штатов частично приостановило работу – причиной шатдауна стало нежелание демократов выделять средства в бюджете на строительство стены на границе с Мексикой (Известия).

Проанализировав статистику запросов пользователей Google на сервисе Google Trends, мы установили, что в период активного упоминания российскими СМИ англоязычных терминов *брэксит* (началом данного периода можно считать референдум в Великобритании по выходу из Европейского союза 23 июня 2016 г.) и *шатдаун* (началом данного периода стоит считать 22 декабря 2018 г., когда демократы сената США отказались утверждать вариант бюджета, в который Д. Трамп включил 5 миллиардов долларов на строительство стены с Мексикой) уровень популярности запросов пользователей, желающих выяснить «Что такое брэксит?» и «Что такое шатдаун?», увеличился с 0 до 75 и с 0 до 100 баллов соответственно. Данная статистика является доказательством того, что использование в СМИ прямых заимствований из английского языка влечет за собой затрудненное понимание аудиторией сути новостного сообщения.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) потенциальные реципиенты информации не понимают значения ряда употребляемых в СМИ англицизмов, что является причиной затрудненного восприятия отдельных политических новостей и, как результат, политической неосведомленности в целом;

2) знание английского языка не всегда помогает пониманию употребляемых в СМИ

англицизмов, поскольку нередко заимствуется только одно значение иностранного слова, возможно незнакомое адресату, а буквальным перевод слова приводит к неверному толкованию и интерпретации сообщения в целом, что негативно сказывается на качестве получаемой информации;

3) точность понимания значения иностранных слов, звучащих в СМИ, варьируется в зависимости от возраста, интересов адресата, поэтому для предотвращения коммуникативных неудач предлагается избегать (по возможности) употребления англицизмов в новостных сообщениях, направленных на массовую аудиторию;

4) использование заимствований, значение которых непонятно адресату, включает в себе коммуникативные риски, связанные с невозможностью реализовать воздействующую и информационную функции, а именно они являются основополагающими во взаимодействии СМИ с аудиторией.

Результаты проведенного опроса являются свидетельством очевидных коммуникативных рисков. Непонимание аудиторией употребляемых в СМИ англицизмов приводит к неоднозначному восприятию освещаемой проблемы и, как следствие, к невозможности полноценного диалога с населением, достижения понимания между властью и обществом в социально-политической сфере.

Для преодоления негативного влияния потока заимствований в современной языковой ситуации необходимо вести просветительскую работу, в том числе в СМИ, подробно объясняя значения новых слов. Носитель языка должен свободно ориентироваться в потоке новых слов, при этом совершенствуя языковые навыки в процессе коммуникации на родном языке. Безупречное владение родным языком и осознание ценности национального языка и культуры служат формированию хорошего языкового вкуса и способны сдерживать негативное влияние заимствований на речевую культуру социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1992. О состоянии русского языка (материалы почтовой дискуссии) // *Русская речь*. № 2. С. 48–57.
- Вепрева И. Т., 2006. О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации : Норма и мода // *Русский язык сегодня*. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Вып. 4 : Проблемы языковой нормы. С. 116–117.
- Граудина Л. К., Дмитриева О. Л., Новикова Н. В., Ширяев Е. Н., 1995. Мы сохраним тебя, русская речь. М. : Наука. 125 с.
- Гуляева Е. В., 2018. Коммуникативные риски, связанные с глобальным английским // *Известия ВГПУ. Филологические науки*. Серия: Языкознание. № 10. С. 145–148.
- Гуторова Н. С., 2015. Ассимилированные языковые единицы, или собственно заимствования // *Национальная ассоциация ученых*. № 9, ч. 4. С. 101–103.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Китанина Э. А., 2005. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар. 43 с.
- Китанина Э. А., Божинская Т. Л., 2009. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX–XXI вв. // *Теория и практика общественного развития*. № 3–4. С. 233–240.
- Козырев В. А., Черняк В. Д., 2007. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи // *Вестник Герценовского университета*. № 3 (41). С. 54–59.
- Крысин Л. П., 2004. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Яз. слав. культуры. 883 с.
- Морковкин В. В., Морковкина А. В., 1997. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М. : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 416 с.
- Пентина А. Ю., Черняк В. Д., 2015. Агнонимичная политическая лексика в тезаурусе молодежи: перспективы диалога // *Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27 нояб. 2015 г.)*. Екатеринбург : Изд-во УГПУ. С. 188–192.
- Сиротинина О. Б., 2013. Система, узус и риски их изменений // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 7–12.
- Черняк В. Д., 2003. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // *Русский язык сегодня*. М. : Азбуковник. Вып. 2 : Активные языковые процессы конца XX века. С. 295–304.
- Черняк В. Д., 2005. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных

неудач // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). Вып. 3 (47). С. 96–100.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Академик.ру – Академик.ру. Словари и энциклопедии. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2019).

Ведомости – Белый дом допустил возможность нового шатдауна через неделю // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/02/10/793731-shatdaun> (дата обращения: 10.02.2019).

Известия – Трамп обвинил демократов в провоцировании очередного шатдауна // Известия. URL: <https://iz.ru/844239/2019-02-11/tramp-obvinil-demokratov-v-provotcirovanii-ocherednogo-shatdauna> (дата обращения: 11.02.2019).

РБК – СМИ узнали о тайном обсуждении отсрочки Brexit в британском правительстве // РосБизнесКонсалтинг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/02/2019/5c5a70d39a79472724598bea> (дата обращения: 06.02.2019).

ТАСС – Тони Блэр считает, что Brexit без сделки угрожает мирному процессу в Северной Ирландии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6098615> (дата обращения: 06.02.2019).

RT – Трамп предположил, что демократы намеренно добиваются шатдауна // Russia Today. URL: <https://russian.rt.com/world/news/601380-tramp-demokraty-shatdaun> (дата обращения: 12.02.2019).

REFERENCES

Apresyan Yu.D., 1992. O sostoyanii russkogo yazyka (materialy pochtovoy diskussii) [About the State of the Russian Language (Materials of the Post Discussion)]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 2, pp. 48-57.

Vepreva I.T., 2006. O kodificirovannoy norme v sovremennoy kul'turno-rechevoy situacii: Norma i moda [On the Codified Norm in the Modern Cultural and Speech Situation: Norm and Fashion]. *Russkiy yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Iss. 4. Problemy yazykovoy normy [Issues of the Language Norm], pp. 116-117.

Graudina L.K., Dmitrieva O.L., Novikova N.V., Shiryayev E.N., 1995. *My sohranim tebya, russkaya rech* [We Will Save You, Russian Speech]. Moscow, Nauka Publ. 125 p.

Gulyaeva E.V., 2018. Kommunikativnye riski, svyazannye s globalnym angliyskim [Communication risks associated with global English]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. Seriya: Yazykoznanie* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Linguistics], no. 10, pp. 145-148.

Gutorova N.S., 2015. Assimilirovannyye yazykovyye edinicy, ili sobstvenno zaimstvovaniya [Assimilated Linguistic Units, or Properly Borrowings]. *Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh*, no. 9, pt. 4, pp. 101-103.

Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.

Kitanina Ye.A., 2005. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatics of a Foreign Language Word in Russian. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Krasnodar. 43 p.

Kitanina Ye.A., Bozhinskaya T.L. 2009. Problema neodnorodnosti obshchestva i socialnaya differentsiatsiya yazyka na rubezhe XX–XXI vv. [Problem of Heterogeneity of Society and Social Differentiation of Language on the Border of 20th – 21st Centuries]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], no. 3-4, pp. 233-240.

Kozyrev V.A., Chernyak V.D., 2007. Svoe i chuzhoe: zaimstvovannoe slovo v sovremennoy rechi [Native and Foreign Phenomena: Borrowings in Modern Speech]. *Vestnik Gercenovskogo universiteta* [Scientific Journal of Herzen University], no. 3 (41), pp. 54-59.

Krysin L.P., 2004. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [Russian Word, Native and Foreign One: Research on the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 883 p.

Morkovkin V.V., Morkovkina A.V., 1997. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian Agnonyms (Words We Don't Know)]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. 416 p.

Pentina A.Yu., Chernyak V.D., 2015. Agnonimichnaya politicheskaya leksika v tezauruse molodezhi: perspektivy dialoga [Political Vocabulary Based on Agnonimation in the Youth Thesaurus: Dialogue Prospects]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27 noyab. 2015 g.)* [Political Linguistics: Problems, Methodology, Aspects of Research and Prospects for the Development of Scientific Direction. Proceedings of the International

- Scientific Conference (Yekaterinburg, November 27, 2015)]. Yekaterinburg, Izd-vo UGPU, pp. 188-192.
- Sirotnina O.B., 2013. Sistema, uzus i riski ih izmeneniy [System, Usage and Risks of Their Changes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 7-12.
- Chernyak V.D., 2003. Agnonimy v leksikone yazykovoy lichnosti kak istochnik kommunikativnyh neudach [Agnonyms in the Lexicon of a Linguistic Persona as a Source of Communicative Failures]. *Russkiy yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Moscow, Azbukovnik Publ., Vyp. 2: Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka [Vol. 2. Active Language Processes of the Late Twentieth Century], pp. 295-304.
- Chernyak V.D., 2005. «Zony riska» v leksikone yazykovoy lichnosti: k osnovaniyam kommunikativnyh neudach [“Risk Zones” in the Lexicon of a Linguistic Persona: To the Bases of Communicative Failures.]. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki (filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 3 (47), pp. 96-100.
- Bely dom dopustil vozmozhnost novogo shatdauna cherez nedelyu [The White House Assumed the Possibility of a New Shutdown in a Week]. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/02/10/793731-shatdaun> (accessed 10 February 2019).
- Tramp obvinil demokratov v provotsirovanii ocherednogo shatdauna [Trump Accused the Democrats of Provoking Another Shutdown]. *Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/844239/2019-02-11/tramp-obvinil-demokratov-v-provotirovanii-ocherednogo-shatdauna> (accessed 11 February 2019).
- SMI uznali o taynom obsuzhdenii otsrochki Brexit v britanskom pravitelstve [Media Learned About the Secret Discussion of the Postponement of Brexit in the British Government]. *RosBiznesKonsalting*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/02/2019/5c5a70d39a79472724598bea> (accessed 6 February 2019).
- Toni Bler schitaet, chto Brexit bez sdelki ugrozhaet mirnomu protsessu v Severnoy Irlandii [Tony Blair Believes That a No-Deal Brexit Threatens the Peace Process in Northern Ireland]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6098615> (accessed 6 February 2019).
- Tramp predpolozhil, chto demokraty namerenno dobivayutsya shatdauna [Trump Suggested That the Democrats Are Deliberately Seeking a Shutdown]. *Russia Today*. URL: <https://russian.rt.com/world/news/601380-tramp-demokraty-shatdaun> (accessed 12 February 2019).

SOURCES

Akademik.ru. Slovari i entsiklopedii [Academic.ru. Dictionaries and Encyclopaedias]. URL: <https://academic.ru/> (accessed 10 February 2019).

Information About the Authors

Evgenia V. Gulyaeva, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russia, guevgenia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1605-8576>

Maria V. Denisenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russia, makarova-mw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8160-9517>

Irina S. Nikitina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russia, ir-rina07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2977-0178>

Информация об авторах

Евгения Вячеславовна Гуляева, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Россия, guevgenia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1605-8576>

Мария Валерьевна Денисенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Россия, markova-mw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8160-9517>

Ирина Сергеевна Никитина, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Россия, ir-gina07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2977-0178>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.13>

UDC 81'42

LBC 81.055.1-003

Submitted: 03.12.2019

Accepted: 02.12.2020

STRATEGIC IMPORTANCE OF VALORIZING DISCOURSE IN THE SUBJECT SPHERE OF INNOVATION

Evgenia F. Serebrennikova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Olga N. Sadovnikova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article focuses on the study of strategic importance as a qualitative category of discourse, characterizing the promotion of significant meaning in an axiological parametrized media space. As part of the discursivization trajectory model, which was justified in line with a dynamic approach to the discourse study using the methods of inferential and interpretative analysis, the strategic nature of media discourse is set. It is organized by targeted, relevant important concept of "Innovation" as well as the ways of its implementation in axiological strategies. The type of discourse topic and intentionality of promoting significant meaning in the vector from the world of real to the world of proper and desired endow this discourse with a valorizing, constructive and prescriptive character. The projected axiological strategies and tactics contribute to rethinking and enriching the structure of the concept of "Innovation". In the prevailing strategy of negative valorization, in the tactics of devalorizing evaluation nomination of innovations as a realized phenomenon, axiological oppositions, metaphorization, discursivization is focused on the prototypical maximum of the concept of "Innovation" in contrasting "truly innovative – declared innovative" in the world of action. In the structure of the concept, based on a sustainable view of innovation as a means of modernization, actual new homeostatic nodes are being formed. They link development, progress and openness, inevitability of innovations and readiness to implement them.

Key words: axiological strategy, valorizing discourse, concept of "Innovation", trajectory of discursivization, axiological parameterization, argumentation.

Citation. Serebrennikova E.F., Sadovnikova O.N. Strategic Importance of Valorizing Discourse in the Subject Sphere of Innovation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 158-167. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.13>

УДК 81'42

ББК 81.055.1-003

Дата поступления статьи: 03.12.2019

Дата принятия статьи: 02.12.2020

СТРАТЕГИЧНОСТЬ ВАЛОРИЗИРУЮЩЕГО ДИСКУРСА В ПРЕДМЕТНОЙ СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ

Евгения Федоровна Серебренникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Ольга Николаевна Садовникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению стратегичности как качественной категории дискурса, характеризующей продвижение значимого смысла в медийном, аксиологически параметризованном пространстве. В рамках модели траектории дискурсивизации, обоснованной в русле динамического подхода к анализу дискурса, с применением методов интерпретативного анализа и инференции устанавливается природа стратегичности медийного дискурса, организованного целевым, актуально важным концептом Инновация, и уточняются способы ее реализации в аксиологических стратегиях, раскрывающих стратегичность дискурса. Тип дискурсного топика и интенциональность продвижения значимого смысла в векторе от мира реального к миру должного и желаемого придают данному дискурсу валоризирующий, конструирующий и предписательный характер. Проецируемые аксиологические стратегии и тактики способствуют переосмыслению и обогащению структуры концепта Инновация. В преобладающей стратегии негативной валоризации, в тактиках девалоризирующей оценочной номинации инноваций как реализованного феномена, аксиологических оппозиций, метафоризации дискурсивизация ориентирована на прототипический максимум концепта Инновация в противопоставлении «истинно инновационное – декларируемое инновационное» в мире действий. В структуре концепта на основе устойчивого представления об инновациях как средстве модернизации формируются актуально новые гомеостатические узлы, связывающие развитие, прогресс и открытость, неизбежность инноваций и готовность к их реализации.

Ключевые слова: аксиологическая стратегия, валоризирующий дискурс, концепт Инновация, траектория дискурсивизации, аксиологическая параметризация, аргументация.

Цитирование. Серебренникова Е. Ф., Садовникова О. Н. Стратегичность валоризирующего дискурса в предметной сфере инноваций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 158–167. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.13>

Введение

Дискурс, обладая когнитивной природой и представляя собой в динамическом отношении речевое воплощение смысла, организуется процессуально [Плотникова, Серебренникова, 2013] вокруг опорного концепта [Демьянков, 2003, с. 117], в котором заложено оценочное измерение, отражающее субъектный характер концептуализации как освоения информации [Болдырев, 2004]. В дискурсе, организованном ценностно насыщенным концептом, концептуализация осуществляется на основе оценочной деятельности субъекта по формированию ценностного отношения к референциальному миру. Дискурс такого типа является валоризирующим, поскольку в нем смыслообразование выстроено аргументативно как продвижение особо значимого смысла, и реализуется, таким образом, валоризация ценностно измеряемой дискурсивной позиции говорящего. Такое понимание дискурса, отражающее связь между концептуализацией, категоризацией и оцениванием проблемно осмысляемой ситуации, позволяет рассмотреть дискурс в модели дискурсивизации, то есть охарактеризовать траекторию развертывания от начальной точки – установок, интенциональности адресанта сообщения, проецируемых на стратегичность

и аргументацию, – до достижения конечной по времени и завершающей по смыслу точки – дестинации, предназначенности дискурса в коммуникации, которая активизирует выбор стратегии аксиологического плана (подробно об этом см.: [Плотникова, Серебренникова, 2013, с. 185]). Таким образом, в рамках модели траектории дискурсивизации, наряду с интенциональностью и конечной дестинацией, выделяется связывающая их качественная категория стратегичности, раскрывающаяся в определенном виде стратегиях.

Под аксиологической стратегией понимаем оптимальный способ конструирования ценностного смысла, который выводит познание объекта на новый уровень интерпретации в координатах необходимого, желаемого, должного. Реализация валоризирующего дискурса по модели дискурсивизации позволяет осмыслить конструирование ценностного смысла в нем по отношению к предмету осмысления, а также выявить изменения ценностных ориентиров осмысляемого концепта через анализ дестинации – конечной целевой доминанты, завершающей дискурсивизацию.

В современном медийном коммуникативном пространстве особо актуальными являются темы, связанные с модернизационными процессами в различных сферах

общества, представленные в различного рода медиатекстах. Один из дискурсных топиков репрезентирован высокочастотным знаком медиатизации *инновация*, что дает основание выделить «дискурс об инновациях» как фрагмент медиадискурса, маркированный данным тематическим знаком, именуемым концепт целевого плана Инновация. Углубленный семантический анализ показывает ценностную насыщенность концептуальной структуры, репрезентированной знаком, ценностный статус концепта [Садовникова, 2016]. Содержательно валоризирующий дискурс названной предметной сферы представляет совокупность дискурсивных позиций о сущности, способах, инструментах, рисках, возможностях, результатах инновации как синкретичного процесса – «введения в новое» состояние и одновременно инструмента данного процесса, если исходить из базового критерия внутренней формы имени этого концепта и его концептуального анализа.

Вектор реализации валоризирующего дискурса сферы инноваций направлен на оценочное конструирование наиболее значимого смысла ценностного плана путем убеждения целевого адресата в кредитивности выдвигаемой позиции по топикю «инновация», порождающему прагматическую ситуацию оценочного осмысления.

Концептуальная шкалированная оппозиция «новое – более эффективное – радикально эффективное / старое – отжившее – менее эффективное – тормозящее развитие», спроецированная на дискурсивный мир, параметризирует его в базовой ценностной оппозиции, определенной В.В. Ильиным как «мир реальный – мир должный, желаемый, необходимый» [Ильин, 2005, с. 4]. В случае анализа дискурса об актуальном состоянии дел, как показывает наш материал, осмысление топиков предметной сферы инноваций сосредоточивается на «мире действий» в реализации данного базового вектора аксиологической рефлексии. В этой связи возникает вопрос о том, на основе какой стратегии структурируется текст / дискурс в соответствии с базовым ценностным параметром, если иметь в виду, что валоризации как способу реализации интерпретативно-оценочного аспекта дискурса [Болдырев, 2011] присуща двойственность, проявляющаяся во

взаимозависимости на когнитивном уровне позитивного и негативного оценивания с ориентацией на максимум / минимум в оценочной шкале концептуализации.

Цель настоящего исследования состоит в установлении способов реализации аксиологической стратегии и дестинации как вклада в интерпретацию концепта Инновация на основе анализа медийного валоризирующего дискурса. Объектом анализа является совокупность медиатекстов предметной сферы инноваций, репрезентирующих позицию экспертного сообщества по проблемно осмысливаемой ситуации референциального мира. Как валоризирующий дискурс рассмотрены политический, экономический и другие виды экспертного дискурса, в которых конструируется и выводится на новый уровень концептуализации ценностный смысл концепта Инновация.

Методология и материал исследования

Методология анализа опирается на положения о когнитивной природе дискурса в русле динамического подхода к его изучению в модели траектории дискурсивизации, на теорию ценностей и оценки [Арутюнова, 1988; Риккерт, 1998], на положения об аксиологической стратегии, заложенной в языке [Баранов, 1989], о совмещенности процессов концептуализации и оценивания в межперсональной коммуникации [Болдырев, 2011], о стратегиях понимания текста от языкового кода к базовому тексту и ситуации [Дейк, Кинч, 1989], на положения лингвоаксиологического анализа дискурса, основанного на методах интерпретационного анализа, инферирования к ценностному измерению языка, моделирования.

Источником материала для анализа послужил корпус из 55 медиатекстов предметной сферы инноваций, отобранных из интернет-источников российского, английского, китайского доменов за период 2003–2019 годы.

Изучение реализации аксиологической стратегии как целенаправленного способа продвижения особо значимого смысла в траектории дискурсивизации осуществляется нами в соответствии с когнитивной процедурой оценивания, в которую входит формулирование исходной эвалюативной оценки количественного или фактологического характера, затем

переход к прототипической оценке и далее к гомеостатической оценке, обнаруживающей степень достижения цели (представления об успешности / неуспешности проекта, дела, деятельности) в предметной сфере инноваций. Для иллюстрации выделенных тактик из общего корпуса языкового материала на разных языках отбираются в качестве примеров наиболее репрезентативные тексты.

Результаты и обсуждение

В анализируемом типе дискурса выявляется аксиологическая стратегия с доминантой негативной валоризации, одновременно инферирующей или эксплицитно выводящей на линию позитивной валоризации. Идентификация негативной или позитивной валоризации [Садовникова, 2018] происходит по ментальной шкале «плохо / хорошо», заложенной в языке и представляющей общее, поляризованное, ценностное измерение когнитивной системы человека.

Наш анализ раскрывает превалирование аксиологической стратегии негативной валоризации. Она основана на девалоризации имеющегося опыта по внедрению инноваций с целью продвижения на этом фоне своего видения инновационного мира будущего как концептуально-целевой сферы, за счет чего в процессе дискурсивизации происходит переосмысление концепта Инновация.

Стратегия негативной валоризации реализуется прежде всего через тактики девалоризирующей оценочной номинации, аксиологической оппозиции, девалоризации инноваций как реализовавшегося явления.

Тактика девалоризирующей оценочной номинации реализуется посредством конструирования оппозиции – негативной оценочной квалификации референтов, первично номинированных позитивно. Так, проект «Сколково» вторично номинируется следующим образом:

- (1) Инноград обреченный (ИО);
- (2) Город со странным названием (МИФ);
- (3) «инкубатор» для эмигрантов (АН);
- (4) сомнительные инновации (Версия).

В результате дискурсивизации конструируется представление о Сколково как о достаточно неудачном инновационном проекте, в котором

может наблюдаться обесценивание реализованных инноваций как инструментов, не отвечающих запросу на внесение качественных, долгосрочных, прогрессивных изменений в существующее положение дел. На стыке биполярных оценок целевая область «новое», включенная в концепт Инновация, имплицитно шкалу оценки, ориентированную на прототипический максимум – «истинностно новое», и градуирует тем самым осмысление реализованного «нового» с оценкой «+/-». Превалирование на эксплицитном уровне негативной оценочной квалификации, валоризируя концептуальную позицию адресанта по отношению к дискурсивному топику, структурирует новый узел в структуре концепта Инновация, маркируемый гомеостатической оценкой «реализованные (обреченные, странные, принудительные) инновации / инновации истинностные, должны, желаемые». Тем самым аксиологическая стратегия осуществляется посредством когнитивной процедуры оценивания от исходной прототипической оценки к гомеостатической оценке.

Высокочастотный прием тактики девалоризирующей оценочной номинации составляет метафоризация, которая обнаруживается в текстах аналитического и публицистического плана. Например:

(5) ...Инновации «отклеиваются» от российской экономики, как виниловые обои от кирпичной кладки (АН).

В помощь метафоры концептуализация переносится в прототипическую сферу быденного, всем понятного опыта. Тем самым метафора структурирует аргумент, выявляющий, по мнению адресанта, правду о сути происходящего. В отдельных случаях метафора может сочетаться с количественной оценкой в аргументации, например:

(6) Инвестировал в инновации более 2 трлн рублей и не достигнув ни одной цели, правительство уже готово бросить любимую игрушку (АН),

и структурировать ироничную тональность дискурса. Когнитивная процедура оценивания выстраивается через переход от количественной оценки, которая маркируется конкретными цифрами (*более 2 трлн рублей*) к гомеостатической оценке, которая отражает

результат деятельности по развитию инноваций (*не достигнув ни одной цели, бросить любимую игрушку*).

Примеры демонстрируют, что метафора как аргумент в продвижении концептуальной позиции адресанта структурирует новый узел в структуре концепта Инновация – «естественность – искусственность» инноваций.

Другой тактикой стратегии негативной валоризации является тактика аксиологической оппозиции, которая заключается в подаче информации по принципу антитезы «плюс-минус», противопоставления «своего» и «чужого» с целью валоризации наиболее эффективного способа действий, что особенно явно проявляется в китайском медиадискурсе:

(7) 开放带来进步, 封闭必然落后。<...> 纵观国际经贸发展史, 深刻验证了“相通则共进, 相闭则各退”的规律。各国削减壁垒、扩大开放, 国际经贸就能打通血脉; 如果以邻为壑、孤立封闭, 国际经贸就会气滞血瘀, 世界经济也难以健康发展 (СПЕ) – Открытость приносит прогресс, закрытость непременно приводит к отставанию。<...> Окидывая взором историю развития международной торговли и экономики, можно подтвердить правило «Если двигаться вместе, то все продвинуется вперед, если закрыться друг от друга, то каждый отойдет назад». Если все страны уменьшат препятствия, расширят открытость, то международная экономика сможет установить кровные связи; если решать свои проблемы за чужой счет, закрыться в изоляции, то международная торговля придет к застою и мировой экономике будет невозможно нормально развиваться¹.

В данном примере *открытость* представит как обязательный элемент развития, тем самым эксплицируется прототипическая оценка, которая переходит в гомеостатическую, формируя представления о возможных способах достижения успешности в данной предметной сфере. Маркером гомеостатической оценки является *进步* (прогресс) как цель и результат по внедрению инноваций. Аргументация осуществляется посредством аналогии и путем метафорического переноса осмысления в сферу нормальной жизнедеятельности человека: *打通血脉* (открыть доступ к кровообращению; установить кровные связи) и *气滞血瘀* (стагнация жизненной энергии (Ци) и крови). Антиномия открытости и закрытости, стагнации и энергичности валоризует ценность

сотрудничества, готовности к модернизации как нормальному и необходимому процессу. Противопоставление в метафоричной, образной форме особенно типично для китайской лингвокультуры:

(8) 封闭的空间只会四处碰壁, 开放的道路才会越走越宽。(СІСА) – Закрытое пространство может только упереться в глухую стену, и только открытая дорога будет становиться все шире и шире.

Таким образом, путем метафорического противопоставления осуществляется возведение концептуализации инноваций в аксиологически более обобщенный формат знания.

Аксиологическая оппозиция способствует продвижению экспертной позиции по поставленному вопросу также в деонтическом, предписательном ключе в русскоязычных медиатекстах:

(9) Нужно не менять страну, а построить новую, если большая часть страны противится инновациям (МИФ).

В качестве аргумента предлагается сценарий будущего, фактором которого является принятие инноваций, – *построить новую страну*. Выдвижение идеи по внедрению инноваций осуществляется на оценочном основании осмысления реальности – девалоризации уже реализованных действий (*неприятие инноваций*). В английской лингвокультуре тактика аксиологической оппозиции реализуется при помощи диалектических, выстраивающих альтернативу, риторических вопросов к аудитории:

(10) Will we accept an economy where only a few of us do spectacularly well? Or will we commit ourselves to an economy that generates rising incomes and chances for everyone who makes the effort? (TIME) – Примем ли мы экономику, в которой лишь некоторые из нас преуспевают? Или мы возьмем на себя обязательство создать экономику, обеспечивающую рост доходов и шансов для всех, кто прилагает усилия?

Такой способ подачи информации включает адресата в процесс принятия решений, а через использование операторов шкалирования с количественной оценкой *a few, rising* направляет вектор размышления над будущим страны в нужную адресанту сторону.

Стратегия негативной валоризации реализуется также посредством тактики структурирования нарратива, то есть представления о явлении в его прошлом, обусловившем его настоящее с проекцией на его желаемое будущее. Прошлое конструируется в основном глаголами прошедшего времени:

(11) Нам обещали, что Город (Сколково. – Е. С., О. С.) все изменит. <...> ...Государство пыталось создать в России рынок венчурных инвестиций в технологические стартапы (МИФ).

В данном примере глаголы прошедшего времени *обещали*, *пыталось* девалоризируют действия по созданию инновационного центра «Сколково», при этом профилируется признак ‘развитие’, входящий в структуру концепта Инновация. Глаголы прошедшего времени также употребляются в метафоричных выражениях и часто сопровождаются экземплификацией в аргументации:

(12) В 2012 г. умы снова стали паковать чемоданы: из России уехали 5700 дипломированных специалистов (АН).

Девалоризация инновационного опыта России достигается путем эвалюации оттока лучших специалистов в 2012 г., а также посредством метонимии *умы стали паковать чемоданы*. Тем самым инферируется идея необходимости сохранения лучших кадров для инновационного будущего страны.

Глаголы прошедшего времени, структурирующие нарратив, могут употребляться по градации в базовой аксиологической оппозиции «свой – чужой» для наиболее эффективного формулирования ценностных смыслов:

(13) There have been those who **told** us to fear the future, who **claimed** we could slam the brakes on change, who **promised** to restore past glory if we just got some group or idea that was threatening America under control. And each time, we overcame those fears (CBS) – Были те, кто говорил нам бояться будущего, кто утверждал, что мы можем затормозить перемены, кто обещал восстановить былую славу, если мы просто возьмем под контроль некую группу или идею, угрожающую Америке. И каждый раз мы преодолевали эти страхи.

Как видим, с помощью глаголов прошедшего времени, выстроенных в градации

(*told, claimed, promised*), и маркеров оппозиции «свой – чужой», личных местоимений (*those who – us, we*) дается негативная оценка действиям внешних сил и валоризируются действия американцев в прошлом по улучшению качества жизни.

Результирующим этапом реализации стратегии негативной валоризации является вынесение заключительного суждения о сущности и ценности инноваций – переход к собственно когнитивным и прагматическим оценкам. Тем самым профилируется дестинация дискурса, которая нацелена на конструирование таких аксиологических параметров ситуации, которые апеллируют в коммуникативном пространстве к необходимости изменения реальности. Посредством реализации стратегии негативной валоризации и отдельных тактик в критическом векторе размышления говорящий стремится представить новое видение инноваций как основы стратегической инициативы для страны, мегапроекта, нацеленного в будущее, например:

(14) ...Основы стратегической инициативы для страны, мегапроекта, нацеленного в будущее: Для полноценной реализации стратегической инновационной инициативы сегодня необходима не только и не столько пресловутая политическая воля, сколько понимание и системная поддержка мегапроекта со стороны влиятельных политических и экономических кругов, его одобрение населением страны, конструктивная позиция зарубежных партнеров. Нужна при этом и соответствующая широкая информационная кампания. В случае реализации этих условий российская стратегическая инновационная инициатива может быть подана как основа для формирования новых правил игры (ЭС).

Адресант определяет реализацию программы эффективных действий для осуществления стратегической инновационной инициативы России условиями: *проведением информационной кампании, наличием системной поддержки, одобрением населения страны*. Выдвижение данных требований для достижения целей «мира ценностного, должного и необходимого» конструируется в контрасте с «миром действий». Транслируемый смысл поляризует мир, проецирует его аксиологический рефрейминг, представляя желаемое, должное будущее через позитивные категории (*систем-*

ная поддержка, одобрение, конструктивная позиция и т.д.) и показывая мир реальный в негативном ключе (*пресловутая политическая воля*). Целевая доминанта, маркирующая завершение дискурсивизации, формулируется в виде оппозиции и может быть представлена имплицитно и эксплицитно:

(15) *变革创新是推动人类文明进步的强大动力。我们要顺应时代变化，把勇于革新的理念落实到行动层面，加强理论、制度、科技、文化等各方面创新，永葆亚洲发展活力。要敢于推陈出新，努力为解决老问题寻找新答案，为应对新问题寻找好答案，破解亚洲面临的各类难题* (CICA) – Преобразования и инновации – основная движущая сила, подталкивающая человеческое общество вперед к развитию. Мы должны идти в ногу со временем и изменяться, ввести идею смелого создания инноваций на новый уровень, усилить инновации в теории, системе, науке и технике, культуре и во всех сферах, чтобы сохранить жизненную силу развития Азии. Нужно быть готовым оставлять старое позади и внедрять новое, стараться искать новые ответы на старые вопросы, искать хорошие ответы на новые вопросы, разъяснять различные сложные вопросы, стоящие перед Азией.

На фоне ведущей оппозиции *老 – 新* (старый – новый) и с помощью модального оператора долженствования *要* (нужно) говорящий эксплицитно продвигает идею желаемого и должного будущего, выражает готовность и стремление к сотрудничеству, совместной работе и вовлечению в модернизационные процессы как государства, так и аудитории, для которой предназначено данное выступление. Как следствие, дестинацией высказывания является представление способа изменения отношения к инновациям.

Выводы

Аксиологический анализ валоризирующего дискурса предметной сферы инноваций позволил выявить параметры реализации стратегичности дискурса данного типа, а также способы его структурирования, которые основаны на девалоризации признаков, образующих актуальную ценностную структуру концепта Инновации. Ведущей стратегией аргументации в конструировании оценочного отношения является стратегия негативной

валоризации *инновации* как элемента мира реальности с проекцией на мир должного, желаемого, необходимого. Данный вид аксиологической стратегии, которая может быть названа контрастной, реализуется посредством тактики девалоризирующей оценочной номинации на основе приемов негативной оценочной квалификации, метафоризации, структурирования нарратива (ретроспекции ожидаемого желаемого настоящего и будущего путем реконструкции прошлого). Когнитивная процедура оценивания в траектории дискурсивизации осуществляется в основном через переход от исходной количественной оценки к прототипической оценке, которая имплицитно фиксирует шкалу оценки и тем самым реализует переход к гомеостатической оценке, которая отражает представления говорящего об успешности инновационной деятельности.

Базовым механизмом контрастной негативной валоризации является структурирование аксиологической оппозиции, которая реализуется посредством как противопоставления отдельных признаков концепта Инновации, так и более общего, метафорического противопоставления. Критический вектор рассуждения и аргументации высвечивает на когнитивном уровне позитивную дестинацию, которая заключается в рефрейминге предмета осмысления в контрастном ключе. В результате медийной оценочной концептуализации на основе аксиологической стратегии продвижения наиболее значимого смысла и когнитивной процедуры оценивания в модели «количественная оценка → прототипическая оценка → гомеостатическая оценка» конструируются новые узлы в структуре концепта Инновация, профилирующие такие признаки, как «истинностное-реализованное», «естественное – искусственное», «нормальное – аномальное».

Таким образом, стратегичность медийного дискурса об инновациях имеет валоризирующий, конструктивный и предписательный характер. Проецируемые аксиологические стратегии и тактики способствуют переосмыслению и обогащению структуры концепта Инновация. В превалирующей стратегии негативной валоризации, в тактиках девалоризирующей оценочной номинации инноваций как реализованного феномена, аксиологических оппозиций, метафоризации

целевой адресат ориентируется на прототипический максимум концепта Инновация в аспектах противопоставления «истинно инновационное – декларируемое инновационное» в мире действий. В структуре концепта Инновация формируются актуально новые геоэстатические узлы, связывающие развитие, прогресс и открытость, неизбежность инноваций и готовность к их реализации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее перевод с китайского и английского языков О.Н. Садовниковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука. 341 с.
- Баранов А. Н., 1989. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. № 3. С. 74–90.
- Болдырев Н. Н., 2004. Свойства и границы оценочных категорий в свете новых представлений о процессах категоризации // Языковые категории: границы и свойства: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 22–23 марта 2004 г.). Минск: МГЛУ. С. 14–16.
- Болдырев Н. Н., 2011. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. № 33 (248). С. 11–16.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В., 1989. Макростратегии // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. С. 41–67.
- Демьянков В. З., 2003. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. С. 116–133.
- Ильин В. В., 2005. Аксиология. М.: Изд-во МГУ. 216 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф., 2013. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1. С. 183–188.
- Риккерт Г., 1998. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. С. 363–391.
- Садовникова О. Н., 2016. Инновация: этносемиотрия знака в русском и китайском языках: сравнительные параллели // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирант. чтения. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ. С. 192–200.
- Садовникова О. Н., 2018. Аксиологические стратегии дискурса об инновациях и способы их аргументации // Вестник Кемеровского государственного университета. № 3. С. 210–216.

ИСТОЧНИКИ

- АН – Терентьев Д. Молоко без коровы. Почему России не удается построить инновационную экономику // Аргументы Недели. № 4 (546). URL: <https://argumenti.ru/economics/n575/521042> (дата обращения: 14.11.2019).
- Версия – Горевой Р. Как выбрасывают государственные миллиарды на сомнительные инновационные проекты // Версия. URL: <https://versia.ru/kak-vybrasyvayut-gosudarstvennyemilliardy-na-somnitelnye-innovacionnyeproekty> (дата обращения: 14.11.2019).
- ИО – Носырев И. Инноград обреченный // The New Times. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/29569/> (дата обращения: 14.11.2019).
- МИФ – Рашидов О. Сколково: принуждение к чуду. Реальная история создания самого амбициозного проекта в России. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2012. 256 с.
- ЭС – Неклесса А. И., Щедровицкий П. Г. Инновационная Россия // Экономические стратегии. № 5. 2003 С. 30–35. URL: <https://shchedrovitskiy.com/innovacionnaja-rossija/> (дата обращения: 14.11.2019).
- CBS – Barack Obama. Transcript: State of the Union 2016 // CBS NEWS. URL: <http://www.cbsnews.com/news/transcript-state-of-the-union-2016/> (date of access: 14.11.2019).
- CICA – Xi Jinping. Transcript: Speech at the 5th Summit of the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA) // Xinhua News Agency Dushanbe. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/15/c_1124627485.htm (date of access: 14.11.2019).
- CIIE – Xi Jinping. Transcript: Building an Innovative and Inclusive Open World Economy – Speech at the Opening Ceremony of the First China International Import Expo // President of the People’s Republic of China Xi Jinping. URL: <https://www.ciie.org/zbh/cn/IEF/important/20190827/18141.html> (date of access: 14.11.2019).
- TIME – Barack Obama. The Full Text of President Obama’s 2015 State of the Union // Time. URL: <http://time.com/3675705/full-text-state-union-2015/> (date of access: 14.11.2019).

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Baranov A.N., 1989. Aksiologicheskie strategii v strukture yazyka (paremiologiya i leksika) [Axiological Strategies in the Structure of Language (Paremiology and Lexis)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 74-90.
- Boldyrev N.N., 2004. Svoystva i granitsy otsenochnykh kategoriy v svete novykh predstavleniy o protsessakh kategorizatsii [Properties and Boundaries of Evaluation Categories in the Light of New Ideas About Categorization Processes]. *Yazykovye kategorii: granitsy i svoystva: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Minsk, 22–23 marta 2004)* [Language Categories: Boundaries and Properties: Proceedings of the International Scientific Conferences (Minsk, March 22–23, 2004)]. Minsk, MGLU, pp. 14-16.
- Boldyrev N.N., 2011. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Interpreting Function of the Language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskuststvedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Languages and Literature], no. 33 (248), pp. 11-16.
- Deyk T.A. van, Kinch V., 1989. Makrostrategii [Macrostrategy]. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., pp. 41-67.
- Demyankov V.Z., 2003. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Interpretation of Political Discourse in the Media]. *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media Language as an Object of Interdisciplinary Research]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova, pp. 116-133.
- Ilyin V.V., 2005. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, Izd-vo MGU. 216 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Plotnikova S.N., Serebrennikova E.F., 2013. Kognitivnaya traektoriya diskursivizatsii: destinatsiya, strategiya, tekhnologiya [The Cognitive Trajectory of Discursivization: Destination, Strategy, Technology]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [ISLU Philological Review], no. 1, pp. 183-188.
- Rikkert G., 1998. O sisteme tsennostey [About the Value System]. *Nauki o prirode i nauki o kulture* [The Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow, Respublika Publ., pp. 363-391.
- Sadovnikova O.N., 2016. Innovatsiya: etnosemiometriya znaka v russkom i kitayskom yazykakh: sravnitelnye paralleli [The Innovation: Ethnosemiotics of the Sign in Russian and Chinese: A Comparative Parallel]. *Problemy ustoychivogo razvitiya gumanitarnykh i estestvennykh nauk: aspirant. chteniya* [Problems of Sustainable Development of the Humanities and Natural Sciences: Postgraduate Reading]. Irkutsk, MGLU EALI, pp. 192-200.
- Sadovnikova O.N., 2018. Aksiologicheskie strategii diskursa ob innovatsiyakh i sposoby ikh argumentatsii [The Axiological Strategies of Innovation Discourse and Ways of Their Argumentation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 3, pp. 210-216.

SOURCES

- Terentev D. Moloko bez korovy. Pochemu Rossii ne udayotsya postroit innovatsionnyuyu ekonomiku [Milk Without a Cow. Why Russia Fails to Build an Innovative Economy]. *Argumenty Nedeli* [Arguments of the Week], no. 4 (546). URL: <https://argumenti.ru/economics/n575/521042> (accessed 14 November 2019).
- Gorevoy R. Kak vybrasyvayut gosudarstvennye milliardy na somnitelnye innovatsionnye proekty [How to Throw State Billions on Dubious Innovation Projects]. *Versiya* [Version]. URL: <https://versia.ru/kak-vybrasyvayut-gosudarstvennye-milliardy-na-somnitelnye-innovatsionnye-proekty> (accessed 14 November 2019).
- Nosyrev I. Innograd obrechenny [The Doomed Innograd]. *The New Times*. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/29569/> (accessed 14 November 2019).
- Rashidov O. *Skolkovo: prinuzhdenie k chudu. Real'naja istoriya sozdaniya samogo ambicioznogo proekta v Rossii* [Skolkovo: Coercion to a Miracle. The Real Story of the Creation of the Most Ambitious Project in Russia]. Moscow, Mann, Ivanov, Ferber Publ., 2012. 256 p.
- Neklessa A.I., Shhedrovickij P.G. Innovatsionnaya Rossiya [Innovative Russia]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], no. 5. 2003, pp. 30-35. URL: <https://shhedrovitskiy.com/innovatsionnaya-rossija/> (accessed 14 November 2019).
- Barack Obama. Transcript: State of the Union 2016. *CBS NEWS*. URL: <http://www.cbsnews.com/news/transcript-state-of-the-union-2016/> (accessed 14 November 2019).

Xi Jinping. Transcript: Speech at the 5th Summit of the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA). *Xinhua News Agency Dushanbe*. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/15/c_1124627485.htm (accessed 14 November 2019).

Xi Jinping. Transcript: Building an Innovative and Inclusive Open World Economy – Speech at the Opening Ceremony of the First China

International Import Expo. *President of the People's Republic of China Xi Jinping*. URL: <https://www.ciie.org/zbh/cn/IEF/important/20190827/18141.html> (accessed 14 November 2019).

Barack Obama. The Full Text of President Obama's 2015 State of the Union. *Time*. URL: <http://time.com/3675705/full-text-state-union-2015/> (accessed 14 November 2019).

Information About the Authors

Evgenia F. Serebrennikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Irkutsk State University, Karla Marksa St, 1, 664003 Irkutsk, Russia, serebr_ef_76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3910-4013>

Olga N. Sadovnikova, Postgraduate Student, Department of Romano-Germanic Philology, Senior Lecturer, Department of Oriental and Area Studies in the APR, Irkutsk State University, Karla Marksa St, 1, 664003 Irkutsk, Russia, olgasdvnkv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4197-5552>

Информация об авторах

Евгения Федоровна Серебренникова, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Иркутский государственный университет, ул. Карла Маркса, 1, 664003 г. Иркутск, Россия, serebr_ef_76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3910-4013>

Ольга Николаевна Садовникова, аспирант кафедры романо-германской филологии, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет, ул. Карла Маркса, 1, 664003 г. Иркутск, Россия, olgasdvnkv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4197-5552>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14>

UDC 81'42:002.1
LBC 81.055.51.3

Submitted: 22.11.2019
Accepted: 02.12.2020

INTERACTIVE DOCUMENTS: LANGUAGE FEATURES AND DOCUMENT STATUS

Elena S. Belous

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The research is carried out in line with the current problems of modern document linguistics, related to the study of formation peculiarities, design and functioning of new types of documents. It is shown that currently there is a change in the structure of the document in two directions: the unification of the document form and the creation of documents without a clear structure. The concept of “interactive document” is introduced. It refers to a form of hypertext representation, a special material structure (code, program, existing in an electronic environment) created by a person to store and transmit information in space and time, adapted for reading the text (as a logical or associative sequence of speech or non-speech signs). The types of interactive documents (business portal, business website, paper work automation and electronic document management program) are identified. The specifics of the material carrier and the information component of the interactive document are characterized. It is shown that non-rigid structure is characteristic of interactive documents. It is established that information in interactive documents is transmitted through verbal and nonverbal components. The terminological richness of the verbal component of an interactive document and the tendency to move from official to less formal communication in an electronic environment, regardless of the business situation, are revealed. The classification of nonverbal features is developed. It is stated that they are more diverse in comparison with traditional hard copies.

Key words: Russian language, business communication, document, interactive document, hypertext, verbal component of the document text, non-verbal component of the document text.

Citation. Belous E.S. Interactive Documents: Language Features and Document Status. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 168-180. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14>

УДК 81'42:002.1
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 22.11.2019
Дата принятия статьи: 02.12.2020

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДОКУМЕНТНЫЙ СТАТУС

Елена Сергеевна Белоус

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле актуальных проблем современной документной лингвистики, связанных с изучением особенностей создания, оформления и функционирования новых видов документов. Показано, что в настоящее время происходит изменение структуры документа по двум направлениям: унификация формы документа и создание документов без четкой структуры. Введено понятие «интерактивный документ», под которым понимается форма представления гипертекста, специальная материальная конструкция (код, программа, бытующие в электронной среде), позволяющая хранить и передавать информацию в пространстве и времени, приспособленная для прочтения текста (как логической или ассоциативной последовательности речевых или неречевых знаков). Определены виды интерактивных документов (деловой портал, деловой сайт, программа автоматизации делопроизводства и электронного документооборота). Охарактеризована специфика материального носителя и информационной составляющей интерактивного документа. Установлено, что интерактивные документы отличаются нежесткой структурой; информация в интерактивных документах передается посредством вербального и невербального компонентов. Выяв-

лены терминологическая насыщенность вербального компонента интерактивного документа и тенденция перехода от официального к менее официальному общению в электронной среде, независимо от деловой ситуации. Разработана классификация элементов невербального компонента. Констатируется их большее разнообразие по сравнению с традиционными документами на бумажном носителе.

Ключевые слова: русский язык, деловое общение, документ, интерактивный документ, гипертекст, вербальный компонент документного текста, невербальный компонент документного текста.

Цитирование. Белоус Е. С. Интерактивные документы: языковые особенности и документный статус // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 168–180. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.14>

Введение

Внимание исследователей к термину «документ» и понятию, обозначаемому данным термином, не ослабевает. Это связано не только с его широким употреблением в повседневной общественной жизни, но и с развитием терминологического аппарата давно существующих и новых научных дисциплин. Однако большинство работ посвящено описанию документов, принадлежащих к разным документным системам, но оформленным на традиционном (бумажном) носителе, хотя в настоящее время в сфере деловой коммуникации все чаще применяются интерактивные документы.

Повсеместная информатизация определила возникновение и развитие делового общения в электронной среде. Необходимость такого общения связана с услугами, предоставляемыми населению банками, государственными учреждениями, фирмами, разрабатывающими и распространяющими специальные программы для ведения бизнеса. Большое количество людей пользуется интернет-магазинами, системами бронирования и т. д. По мнению А.В. Литвинова и В.В. Матюшенко, это все является различными видами деловой коммуникации, которая осуществляется по установленным образцам и определенным правилам [Литвинов, Матюшенко, 2013, с. 107]. Ее субъектами выступают как юридические лица (государственные учреждения, органы законодательной, исполнительной и судебной власти, политические образования), так и физические лица (граждане, взаимодействующие с этими учреждениями, решающими различные вопросы в сфере образования, здравоохранения, производства и др.).

Эффективными инструментами современной деловой коммуникации, которая осу-

ществляется с помощью виртуальных технических каналов, становятся интерактивные документы. Их изучение представляется актуальным и перспективным в целях оптимизации бизнес-процессов.

Материал и методы

Любой документ можно рассматривать с позиций документной лингвистики – научной дисциплины, изучающей технологии создания документа как коммуникативного инструмента управления [Кушнерук, Тюрикова, 2015]. Основным понятием для данной дисциплины является документный текст – функционально, содержательно, структурно и нормативно завершенное речевое единство, составляющее основной коммуникативный компонент документа, скрепленное модальностью, производной от функционально-нормативных условий документной коммуникации, и соответствующее унифицирующим или стандартизирующим правилам построения речи [Кушнерук, 2007, с. 49].

Именно документный текст интерактивного документа является объектом нашего исследования. Для его изучения использовались анализ, синтез, описание, сравнение. Определить особенности функционирования терминологии в интерактивных документах позволил метод логико-понятийного моделирования. Данный метод применим к разным предметным областям, в том числе связанным с деловой коммуникацией. Так, исследование терминологических единиц, характеризующих делопроизводство, позволило разработать классификацию терминов, в рамках которой выделяются их тематические группы и выстраивается иерархия понятий [Белоус, 2010].

Материалами исследования послужили документные тексты порталов «Госуслуги»

(<https://www.gosuslugi.ru>), портала информационно-технического сопровождения 1С (<https://portal.1c.ru>), «КУЛЬТУРА.РФ» (<https://www.culture.ru>), Официального интернет-портала правовой информации (<http://pravo.gov.ru>), Портала открытых данных Российской Федерации (<http://data.gov.ru>) и др.; сайтов «РАБОТА.РУ» (<https://www.rabota.ru/>), ООО «Директум» (<https://www.directum.ru>), АО «Кодекс» (<https://kodeksdoc.ru/about>), «Работа в России» (<https://trudvsem.ru>), образовательной социальной сети «NSPortal» (<https://nsportal.ru>), ООО «Электронные офисные системы» (<https://eos.ru>), официальных сайтов президента России, Совета Федерации, Государственной думы, федеральных министерств, служб и агентств, регионов России и региональных органов власти и др.; программы автоматизации делопроизводства и электронного документооборота «Дело», «Директум», «1С: Документооборот», «Е1 Евфрат», «LanDocs» и др.

Результаты и обсуждение

Понятие интерактивного документа

Толкование термина «документ» закреплено в терминологическом стандарте 2013 г., где под документом понимается «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [ГОСТ Р 7.0.8-2013]. Если рассмотреть дефиниции данного термина, представленные в терминологических стандартах, действовавших ранее в нашей стране (ГОСТ 1970, 1983, 1998 гг.), можно увидеть, что в качестве основных признаков документа по-прежнему выделяют информацию и материальный носитель.

Информация – это содержание документа, все сведения, которые адресаты и исследователи могут получить, рассмотрев текст документа, его реквизиты и даже особенности материального носителя (например, по сорту бумаги, на которой составлен документ, можно сделать предположение о времени составления документа, если дата не указана в реквизитах).

Материальные носители бывают разными. В качестве основы для создания докумен-

та применяется бумага, магнитная пленка, CD- и DVD-диски, карты памяти. Документ может существовать в компьютерной системе (локальной или глобальной), тогда материальная часть такого документа – это код, комбинация чисел, программа в компьютерной системе.

Базой для разработки и функционирования интерактивных документов является гипертекст.

Гипертекст – это «сложное лингвоинформационное образование, существование которого возможно преимущественно в киберсреде, обладающее навигационным аппаратом, оформленным посредством гиперссылок и “линков” (языковых и неязыковых), актуализирующих такие текстовые категории, как связность и цельность» [Попов, 2015, с. 171].

Термин «гипертекст» имеет множество толкований. «Гипертекстом называют Интернет, энциклопедию, справочник, книгу с содержанием и предметным указателем, а также любой текст, в котором обнаруживаются какие-либо ссылки (указания) на другие фрагменты» [Купер, 2000, с. 43].

Гипертекст – это связь информационных массивов, отдельные компоненты которых объединены не только тематически, но и ассоциативно [Желондиевская, 2011, с. 54].

Исследователи предлагают рассматривать термин «гипертекст» в узком и широком смысле. При узком толковании гипертекст – это как минимум два текста, объединенные ссылкой. В широком смысле гипертекст – это текст, нарушающий, прекращающий или останавливающий линейное, последовательное повествование в целях внесения новой, дополнительной информации; первичный текст, разветвляющийся на вторичные тексты; текст с возможным по выбору пользователя переходом и внутренней междутекстовой связью; текст, по которому читатель проходит в нужном ему направлении; текст с множеством внутренних ходов, не зависящих друг от друга; текст, который можно завершать или разворачивать по настроению пользователя [Тошович, 2015, с. 114–115].

Гипертекст рассматривается не только как текст, но и как метод, объединяющий документы; механизм, позволяющий организовать тексты или средство организации тек-

стов; документация, которая ветвится [Купер, 2000, с. 49].

Технологии создания и использования гипертекста сделали возможным появление и функционирование интерактивных документов.

Под интерактивным документом мы понимаем электронный документ, форму представления гипертекста, специальную материальную конструкцию (код, программу, бытующие в электронной среде), созданную человеком для сохранения и передачи информации в пространстве и времени, приспособленную для прочтения текста (как логической или ассоциативной последовательности речевых или неречевых знаков).

Виды интерактивных документов

В зависимости от функциональных возможностей и численности пользователей мы выделяем следующие виды интерактивных документов: деловой портал, деловой сайт, программа автоматизации делопроизводства и электронного документооборота.

Деловые *порталы* помогают осуществлять коммуникацию между государством и индивидом. Примером такого интерактивного документа можно назвать отечественный портал «Госуслуги». Он рассчитан на большое количество пользователей, включает актуальную информацию, связанную с различными аспектами социальной жизни. Сведения представлены в виде текстов, видеоматериалов, аудиозаписей. Тексты имеют разнообразную форму – таблица, анкета, корпус связанных текстов. Через личные кабинеты пользователей осуществляется обратная связь в коммуникационном процессе. Есть ссылки на одноименные странички в социальных сетях. Многие органы исполнительной власти в России имеют порталы, подобные «Госуслугам».

В интернет-пространстве существует большое количество *сайтов*, используемых в процессе деловой коммуникации, например сайты, посвященные способам организации делопроизводства.

В делопроизводстве всегда фиксировались результаты устных деловых договоренностей. Сейчас под делопроизводством понимают деятельность, обеспечивающую документирование, документооборот, оперативное

хранение и работу с документами [ГОСТ Р 7.0.8-2013]. Делопроизводство ведется в любой организации, независимо от ее вида, формы и правового статуса. Крупные организации создают, получают, обрабатывают, хранят документы в электронной форме, то есть применяют в своей работе системы автоматизации делопроизводства и электронного документооборота. Разработчики этих систем предлагают потребителям сайты, рассказывающие об электронном документообороте, его преимуществах и способах приобретения программ электронного документооборота.

Стремление упростить и ускорить все деловые процессы, облегчить функционирование фирм, получить в наиболее короткие сроки максимальную прибыль способствовало унификации разных аспектов ведения бизнеса (бухгалтерия, правовое обеспечение, делопроизводство и т. д.). Их закрепление в виде алгоритмов привело к созданию большого количества компьютерных программ разной сложности, которые могут работать как автономно на отдельном ПК или в локальной сети, так и используя ресурсы глобальной сети Интернет.

Структура интерактивного документа

Материальная и информационная части документа имеют определенную структуру. Например, структурой официального документа является его формуляр – совокупность реквизитов, характерных для того или иного вида документов, расположенных в определенной последовательности. При этом под официальным документом понимается «документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке» [ГОСТ Р 7.0.8-2013].

Структурность – это одно из основных свойств любого документа. Структура позволяет документу существовать, выполнять свои функции в качестве самостоятельного, отдельного объекта действительности. Как и другие атрибуты документа, структура его информационной составляющей подвержена изменениям. В настоящее время можно выделить два направления, в которых они происходят: первое – формализация структуры, унификация ее компонентов; второе – создание документов без четкой структуры.

Изменения в направлении дальнейшей формализации, как показано исследователями, обнаруживают документы долгосрочного планирования (стратегия развития [Быстрова, 2017], концепция модернизации образования [Косова, Белоконева, 2011]; медицинские документы (медицинская карта стационарного больного) [Ромашова, 2014]), научные документы (автореферат диссертации) [Краснова, 2009] и др.). Форму большинства таких документов можно назвать жесткой: она установлена нормативно-правовыми актами федерального уровня. Отклонение от установленной формы при составлении или заполнении такого документа может привести к негативным правовым последствиям. Языковые средства, используемые для создания такого документа, также подвергаются тщательному отбору: они должны соответствовать требованиям официально-делового стиля.

Изменения, приводящие к созданию документов без четкой структуры, прослеживаются в документах PR-деятельности (корпоративное издание, политика в области качества [Плигина, 2014]) и некоторых других видах документов.

По структуре интерактивные документы отличаются от других объектов действительности, созданных для хранения и передачи информации во времени и пространстве. Интерактивные документы включают текстовую и мультимедийную информацию, а также ссылки, позволяющие переходить от одного информационного компонента к другому.

Документный текст интерактивных документов включает вербальный компонент (собственно текстовую часть) и невербальные компоненты, характеризующиеся большим видовым разнообразием.

Вербальный компонент интерактивного документа. Официальный характер документированной информации определяет требования к языковому наполнению документов (вербальному компоненту документного текста). Традиционный документный текст отличается точностью, ясностью, логичностью и краткостью, нейтральным тоном изложения информации. Реализации этих требований способствует употребление специальных языковых и речевых средств, выработанная практикой делопроизводства пос-

лдовательность представления данных. Созданный с соблюдением таких правил документ позволяет экономить время на его прочтение и обработку, повышает однозначное восприятие документного текста участниками деловой коммуникации.

Развитие информационных технологий, создание и активное использование гипертекста, появление интерактивных документов изменили отношение к языковому наполнению документного текста.

Некоторые исследователи считают, что в русском языке для виртуальной коммуникации формируется новый стиль – стиль интернет-общения [Виноградова, 2004; Довгаль, Михайлова, 2014]. Он характеризуется «письменным произношением, гиперинтертекстуальностью и запечатленной разговорностью. При этом качественно новым признаком стиля является его спонтанность, несмотря на воспроизводимость» [Виноградова, 2004]. Специфика данного стиля состоит в активном использовании коммуникантами компьютерных терминов, компьютерного сленга (жаргона), интернет-сленга, молодежного сленга.

Необходимо отметить, что эти особенности не прослеживаются в деловой электронной коммуникации, где статус официального общения по-прежнему определяет отбор языковых единиц. Влиянию спонтанной устной разговорной речи больше подвергается взаимодействие посредством чатов, блогов, форумов, социальных сетей, гостевых книг, телеконференций.

Неотъемлемой чертой официально-делового стиля является активное использование терминологических единиц. Рассмотрим терминологию интерактивных документов на примере портала «Госуслуги» (<https://www.gosuslugi.ru/>).

Термины, функционирующие в интерактивных документах, распределены нами по тематическим группам.

1. Документы:

– виды (*архивный документ, архивная справка, виза, доверенность, закон, заявление, заказное письмо, миграционная карта, направление, паспорт гражданина РФ, дипломатический паспорт, служебный (официальный) паспорт, платежный доку-*

мент, приказ, проездной документ, расписка, уведомление, свидетельство о рождении, свидетельство об усыновлении, сертификат, справка, справка об отсутствии судимости, справка о реабилитации жертв политических репрессий, сертификат на материнский капитал, федеральный закон, федеральный конституционный закон, ОСАГО, СНИЛС, ПТС, СТС);

– информационная составляющая (фирменный бланк организации, контактные данные, выписка, заверенный перевод, адресно-справочная информация);

– материальный носитель (бумажная форма, электронная форма, первый экземпляр, дубликат, электронный сертификат, копия);

– операции с документами (аннулирование, восстановление, выдача, заверение, заказ, замена, заполнение, ламинирование, отправка, подача, получение, предоставление, проверка, рассмотрение, регистрация, формирование, хранение).

2. Органы власти: МВД России, ПФР, ГУВМ МВД России, ФНС России, ФССП России, Минздрав России, МЧС России, Росреестр, Роскомнадзор, ФСС РФ, ФДА, Роспотребнадзор, Минюст, Фонд социального страхования РФ, ФСБ, ГИМС МЧС России, Госавтоинспекция.

3. Учреждения: дошкольное учреждение, загс, архив, суд, индивидуальный предприниматель, крестьянское (фермерское) хозяйство, общество с ограниченной ответственностью, МФЦ.

4. Портал:

– разделы (услуги, жизненные ситуации, оплата, поддержка, поиск, личный кабинет);

– подразделы (популярное на портале, частые вопросы, интересно и полезно);

– структурные компоненты (категория, форма, сервис, электронные услуги, неэлектронные услуги, платформа, модуль, виджет, государственная услуга).

5. Юридические термины (в определенной категории портала употребляются термины той отрасли права, которая регламентирует данную категорию):

– семейного права (регистрация брака, регистрация рождения, материнский

капитал, регистрация усыновления (удочерения), установление отцовства);

– трудового права (работодатель, отпуск по беременности и родам);

– права социального обеспечения (пособие, единовременные и ежемесячные пособия на детей, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, пособие по беременности и родам, страхователь, застрахованное лицо);

– налогового права (налоговая задолженность, налоговый учет, налоговая декларация, имущественный налоговый вычет, налог на профессиональный доход, НДФЛ);

– пенсионного права (накопительная пенсия, страховая пенсия, пенсионер);

– международного права (апостиль, вид на жительство, приглашение на въезд в Российскую Федерацию, разрешение на временное проживание, трудовой патент, право на работу);

– гражданского права (физическое лицо, юридическое лицо, иностранный гражданин, лицо без гражданства, регистрация по месту жительства, регистрация по месту пребывания);

– транспортного права (право на управление транспортным средством, регистрация транспортного средства, регистрационная история автомобиля, дорожный штраф);

– банковского права (ипотека, рефинансирование кредита) и др.

Как видим, термины, функционирующие на портале, относятся к правовой или делопроизводственной сферам, что подчеркивает официальный характер общения посредством интерактивных документов.

При анализе вербального компонента интерактивных документов были выявлены и другие языковые особенности: использование эмоционально окрашенной лексики в качестве синонимов общепотребительных слов и иногда терминов (ребенок – новорожденный – малыш), нарушение структуры синтаксических конструкций, характерных для официального стиля (Но сначала в любом случае стоит пойти в загс, а там уже подскажут), употребление конструкций, свойственных для разговорного стиля (Что делать, если утеряны все документы?; Чтобы получить дуб-

ликат свидетельства, нужно обратиться в загс, где хранится; Ламинирование – это тоже порча бланка, поэтому когда придется ставить на свидетельстве какие-то отметки, придется его менять) и др. Данные особенности указывают на то, что разработчики хотели сделать содержание портала более доступным пользователям, избежав сложных оборотов и конструкций, употребляя разговорную лексику. Однако такое изложение информации не всегда способствует точной и однозначной передаче смысла сообщения.

Невербальный компонент интерактивного документа формируется следующими элементами:

1. Системные знаки (знаки, часто используемые в навигации по интерактивному документу):

– иконки стрелок для перехода вверх и вниз, вперед и назад;

– интерактивные кнопки, при нажатии на них моделируется процесс реального нажатия на кнопку в физическом пространстве (звук, изменение объема кнопки и т. п.).

2. Символы:

– операций, которые можно осуществлять в системе: переход на домашнюю страницу (в виде домика), отправка и прием сообщений (конверт), пометить как избранное (звездочка), открыть видеофайл или звуковой файл (направленный треугольник) и т. п.;

– содержания (иконка документа выглядит как лист бумаги с записями, иконка папки с документами – как приоткрытая папка и т. д.).

3. Интерактивные компоненты: мультимедийные вставки, анимация.

4. Звуки.

5. Фильмы.

6. Изображения: рисунки, фотографии.

7. Элементы образного визуального кода: шрифт, цвета, формы, выделения, рамки, линии, параграфемные средства (представление текста, при котором буквы в словах (сочетания букв или целые слова) могут заменяться рисунками, а фразы получают дополнительные смысловые оттенки). Исследователи в зависимости от механизма создания выделяют три группы параграфемных средств: топографемные средства (плоскостное варьирование текста); супраграфемные средства (шрифтовое варьирование – разрядка, выбор

определенной гарнитуры и т. д.); синграфемные средства (художественно-стилистическое варьирование знаков пунктуации) [Баранов, Паршин, 1989]. Можно предположить, что в интерактивных документах используются параграфемные средства всех типов, однако это предположение требует дополнительной проверки на более широком эмпирическом материале.

8. Структурные элементы:

– информационные единицы или узлы, размер которых может быть представлен разным объемом (от предложения до книги);

– гиперссылки (линки), обеспечивающие переход от одного узла к другому;

– закладки (указатели), закрепляющие гипертекстовую ссылку.

Невербальные компоненты помогают оптимизировать взаимодействие автора документа с его получателем.

Рассмотрим невербальные составляющие текста интерактивного документа на примере портала «Госуслуги». В данном документе используются следующие виды невербальных компонентов.

1. Системные знаки. Представлены в цветном варианте. В соответствии с принципами организации портала интерактивные кнопки делятся на две группы (см. рис. 1): услуги и жизненные ситуации. В первом случае кнопки решены в виде пиктограмм (например, кнопки «Выдача или замена паспорта гражданина РФ», «Получение права на управление ТС» и др.), во втором – в виде рисунков («Получение образования», «Приобретение жилой недвижимости» и др.). При нажатии на кнопку пользователь попадает в соответствующий раздел.

Изображения на интерактивных кнопках выбраны не случайно. Они имеют семантическую и ассоциативную схожесть с реальными объектами, что создает эффект пространственного присутствия, пользователи чувствуют себя комфортнее при работе с таким документом.

2. Символы. Представлены в цветном варианте. Делятся на две группы: символы операций, которые можно осуществлять в системе, и символы содержания (см. рис. 2). Служат для навигации по portalу. Позволяют отыскать нужную операцию, не обращаясь к тексту.

Системные знаки (интерактивные кнопки)			
	Выдача или замена паспорта гражданина РФ		Получение образования
	Получение права на управление ТС		Приобретение жилой недвижимости
	Судебная задолженность		Ваши документы утеряны или украдены

Рис. 1. Системные знаки в интерактивных документах

Fig. 1. System signs in interactive documents

Символы			
операций, которые можно осуществлять в системе		содержания	
 Волгоград	Выбор местоположения	Способы оплаты	
	Переход на домашнюю страницу	 Банковская карта Мы принимаем к оплате карты МИР, VISA и Mastercard (Maestro)	 Мобильный телефон Работаем со всеми федеральными операторами Есть ограничения
	Поиск	 Электронный кошелек Оплата с помощью Яндекс.Денег, Webmoney, ЭПЛАТ	 Банковская квитанция Для кассы Скачайте или перешлите на электронную почту квитанцию для оплаты в банке

Рис. 2. Символы в интерактивных документах

Fig. 2. Symbols in interactive documents

3. Изображения. Включают герб РФ, эмблему портала, эмблемы органов власти и иллюстрации (см. рис. 3). Даны как в черно-белом, так и цветном варианте. Например, герб РФ изображен черно-белым, эмблемы органов власти и иллюстрации – цветными.

Иллюстрации – вид изображений, используемый для разъяснения последовательности операций или заполнения документов; наглядного представления компьютерных программ; оформления разделов. В первых двух случаях они выполняют информационную функцию, в последнем – гедоническую (создают нужный эмоциональный настрой).

4. Элементы образного визуального кода. Для оформления портала применяется

много видов шрифтов разного размера. Цветовой код заложен в элементах графики, относящихся к услуге: значках, символах, кнопках. Для каждой категории установлен уникальный цвет, например: семья и дети – голубой; транспорт и вождение – синий; паспорта, регистрации, визы – розовый; налоги и финансы – фиолетовый и т. д. Преобладающие цвета фона – синий, серый, белый и черный. Эмблема портала выполнена в цветах российского флага (на белом фоне синими и красными буквами написано *госуслуги*, надпись заключена в шестиугольник со скругленными углами, при этом слово *госуслуги* разбито на две части (*гос* и *услуги*), которые размещаются на двух строчках).

Изображения			
	Герб РФ		Эмблема портала
Эмблемы органов власти		Иллюстрации	
	Пенсионный фонд РФ		Пребывание в РФ
	Росреестр		Приложение «Госуслуги»
	ФСС России		Оплата по уникальному идентификатору по платежам

Рис. 3. Изображения в интерактивных документах

Fig. 3. Images in interactive documents

Вместе элементы образного визуального кода создают запоминающийся дизайн. Органы власти в соответствии с определенными рекомендациями разрабатывают свои сайты, используя данный или схожий дизайн. По тому же принципу оформлен интерфейс информационных порталов, правовых платформ и т. д. Их дизайн выступает не только средством представления гипертекста, но и уникальным инструментом передачи сведений.

При этом воздействие на получателя сообщения происходит как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Комфортная цветовая палитра, удобный макет, знакомая навигация создают позитивный образ автора документа. Возрастает роль изображения как средства передачи информации.

5. Структурные элементы. На портале представлены все необходимые для гипертекста структурные элементы – закладки, гиперссылки и информационные узлы. Используются ссылки разных типов: ссылки, обеспечивающие переход на другие страницы, и ссылки, запускающие выполнение каких-либо дополнительных функций (открытие диалогового окна, показ раздела и др.). К некоторым ссылкам могут быть добавлены значки, сообщающие о дополнительных возможностях. Цвет значка определяется дизайн-макетом.

Дополнительные значки имеют привычные для пользователя вид и семантику (см. рис. 4).

Разработанный по итогам проведения масштабных исследований единый государственный стиль электронных услуг обеспечивает качество и комфортность работы для всех граждан.

Невербальные компоненты традиционных документов – реквизиты, включающие графическую информацию или линии, отделяющие один реквизит от другого. Они представлены печатями, штампами, угловыми отметками. Редко применяются два-три вида шрифта, курсив или разрядка.

По сравнению с документами на традиционных носителях, интерактивные документы содержат больше невербальных компонентов, они разнообразнее по виду и выполняют больше функций: кроме структурирования документа они несут дополнительную информацию, определенным образом организуют документный текст, создают эффект «присутствия» и положительный эмоциональный настрой пользователя при работе с документом.

Заключение

Интерактивные документы являются продуктом современной деловой коммуникации. Все большее количество людей исполь-

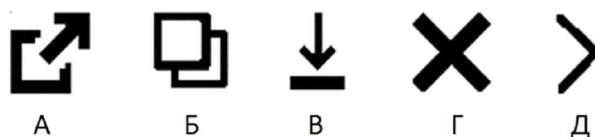

Рис. 4. Значки в интерактивных документах:

A – «ссылка ведет на внешний ресурс»; *B* – «ссылка откроется в новом окне»;
B – «ссылка на файл, который будет скачан»; *Г* – «действие удалить»; *Д* – «переход»

Fig. 4. Icons in interactive documents:

A – external link; *B* – link opens in a new window;
V – link to a downloadable file; *G* – action “to delete”; *D* – shift

зует их для решения своих проблем в сфере ведения бизнеса, образования, здравоохранения, взаимодействия с органами власти, реализации экономических прав.

Интерактивные документы создаются с той же целью, что и традиционные документы на бумажных носителях, а именно для хранения и передачи информации во времени и пространстве. Они разрабатываются по принципу организации гипертекста – совокупности информационных массивов, баз данных, программ поиска и хранения информации, программ представления информации пользователю, специализированных компонентов интерфейса, позволяющих осуществлять навигацию по разнообразному контенту. Интерактивный документ можно рассматривать в качестве формы представления гипертекста.

Важными признаками интерактивных документов являются характер материального носителя и характер информации. Поскольку интерактивные документы – это разновидность электронных документов, их материальный носитель представляет собой код, программу, бытующие в электронной среде. Информационная часть (или документный текст) интерактивных документов включает вербальный и невербальный компоненты.

Анализ вербального компонента документного текста интерактивных документов показал наличие большого количества терминологических единиц. Употребление терминов определяет точность и однозначность документного послания. Поэтому можно сказать, что интерактивные документы, так же как и документы на традиционных бумажных носителях, разрабатываются с учетом требований официально-делового стиля. Однако употребление эмоционально окрашенных слов и конструкций, свойственных разговорной речи,

свидетельствует о тенденции перехода от официального к менее официальному общению в электронной среде, независимо от деловой ситуации.

Невербальные компоненты, применяемые в традиционных документах, немногочисленны по видам (печати, штампы, эмблемы, ограничительные отметки для реквизитов). Они выполняют следующие функции: структурируют текст, несут дополнительную информационную нагрузку, способствуют эстетическому восприятию документа. Некоторые компоненты придают документам юридическую силу. Невербальные компоненты документного текста интерактивных документов отличаются большим видовым разнообразием и сложностью реализуемых функций. Кроме структурирования документа они позволяют отыскать нужный раздел документа без обращения к тексту. Это связано с потребностью адресата в визуализации информации, детерминированной клиповостью мышления современного человека. Включение в документы мультимедийных, аудио- и видеофрагментов позволяет получить наглядное представление об интересующем объекте, сконцентрировать больше данных по определенной теме. Кроме того, использование невербальных компонентов помогает создать «дружелюбный интерфейс», сблизить адресата и адресанта документного послания.

Интерактивные документы характеризуются определенной структурой, но она менее формализована по сравнению с традиционными официальными документами, оформление которых регламентируется правовыми актами и образцами, закрепленными в унифицированных системах документации.

Развитие общества неизменно влечет изменение форм и способов коммуникации.

Информационные технологии оперативно реагируют на эти изменения, предлагая новые инструменты для делового общения. Изучение данных инструментов является перспективным направлением исследований в рамках документной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Г., Паршин Л. Б., 1989. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы // Проблемы эффективности речевой коммуникации : сб. науч.-аналит. обзоров. М. : ИНИОН. С. 41–115.
- Белоус Е. С., 2010. Понятийно-терминологический состав предметной области «управление документацией» // Вестник Челябинского государственного университета. № 32 (213). С. 24–28.
- Быстрова А. С., 2017. Жанровые параметры стратегии как документа долгосрочного планирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>.
- Виноградова Т. Ю., 2004. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань : Изд-во Казан. федер. ун-та. С. 63–67.
- ГОСТ Р 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения, 2014. Введ. 2014–03–01. М. : Стандартинформ. 26 с.
- ГОСТ Р 7.0.97-2016. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов, 2018. Введ. 2018–07–01. М. : Стандартинформ. 35 с.
- Довгаль Л. П., Михайлова С. Е., 2014. Лингвистические особенности виртуальной коммуникации // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. № 29. С. 213–219.
- Желондиевская Л. В., 2011. Гипертекст графического дизайна // Вестник Оренбургского государственного университета. № 9 (128). С. 54–57.
- Косова М. В., Белоконева К. А., 2011. Специфика субъекта и адресата документного текста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6–2. С. 319–323.
- Краснова О.Н., 2009. Динамика реквизитного состава научного документа как реализация сигнальной функции // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. Научно-практический журнал. № 1 (январь – февраль). С. 77–81.
- Купер И. Р., 2000. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. № 1/2. С. 36–57.
- Кушнерук С. П., 2007. Лингвистика документной коммуникации (теоретические аспекты). Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 276 с.
- Кушнерук С. П., Тюрикова Н. А., 2015. Динамика терминологии и ее отражение в терминологических стандартах (предметная область «Делопроизводство и архивное дело») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (25). С. 158–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.19>.
- Литвинов А. В., Матюшенко В. В., 2013. Периферийные зоны деловой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11–1 (29). С. 106–109.
- Плигина Е. С., 2014. Документный текст как инструмент PR-коммуникации (на примере годового отчета) // Мир науки, культуры, образования. № 1 (44). С. 192–195.
- Попов Е. А., 2015. Подходы к изучению гипертекста // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 7, № 1. С. 167–171.
- Ромашова О. В., 2014. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного) // Мир науки, культуры, образования. № 5 (48). С. 127–130.
- Тошович Б., 2015. Стилистически релевантные свойства и разновидности гипертекста // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 114–125.

REFERENCES

- Baranov A.G., Parshin L.B., 1989. Vozdeystvuyushchiy potentsial varirovaniya v sfere metagrafemiki [The Potential Impact of Variation in the Field of Metaproperty]. *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii: sb. nauch.-analit. obzorov* [Problems of Efficiency of Speech Communication: Collection of Scientific and Analytical Reviews]. Moscow, INION, pp. 41-115.
- Belous E.S., 2010. Ponjatijno-terminologicheskij sostav predmetnoj oblasti «upravlenie dokumentaciej» [Notional and Terminological Composition of Knowledge Domain 'Records Management']. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 32 (213), pp. 24-28.
- Bystrova A.S., 2017. Zhanrovyje parametry strategii kak dokumenta dolgosrochnogo planirovaniya [Genre Parameters of Strategy as a Document of Long-Term Planning]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2*.

- Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.20>.
- Vinogradova T.U., 2004. Spetsifika obshcheniya v Internete [Specifics of Communication on the Internet]. *Russkaya i sopostavitelnaya filologiya: lingvokulturologicheskiy aspekt* [Russian and Comparative Philology: Linguistic and Cultural Aspect]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo federalnogo universiteta, pp. 63-67.
- GOST R 7.0.8-2013. *Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya* [National Standard of the Russian Federation GOST R 7.0.8-2013. Records Management and Organization of Archives. Terms and Definitions], 2014. Introduced March 1, 2014. Moscow, Standartinform Publ. 26 p.
- GOST R 7.0.97-2016. *Organizatsionno-rasporyaditel'naya dokumentatsiya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov* [National Standard of the Russian Federation GOST R 7.0.97-2016. Organizational and Administrative Documentation. Requirements for the Paperwork], 2018. Introduced July 1, 2018. Moscow, Standartinform Publ. 35 p.
- Dovgal L.P., Mikhailova S.E., 2014. Lingvisticheskie osobennosti virtualnoy kommunikatsii [Linguistic Features of Virtual Communication]. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects], no. 29, pp. 213-219.
- Zhelondievskaya L.V., 2011. Gipertekst graficheskogo dizayna [Hypertext of Graphic Design]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no. 9 (128), pp. 54-57.
- Kosova M.V., Belokoneva K.A., 2011. Spetsifika sub'yekta i adresata dokumentnogo teksta [Contribution to the Problem of Speech Organization of a Documental Text]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6-2, pp. 319-323.
- Krasnova O.N., 2009. Dinamika rekvizitnogo sostava nauchnogo dokumenta kak realizatsiya signalnoy funktsii [Dynamics of the Requisite Composition of a Scientific Document as the Implementation of the Signal Function]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela. Nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Proceedings of the Institutions of Higher Education. Issues of the Graphic Arts and Publishing. Scientific and Practical Journal], no. 1 (January-February), pp. 77-81.
- Kuper I.R., 2000. Gipertekst kak sposob kommunikatsii [Hypertext as a Way of Communication]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], no. 1/2, pp. 36-57.
- Kushneruk S.P., 2007. *Lingvistika dokumentnoy kommunikatsii (teoreticheskie aspekty)* [Linguistics of Document Communication (Theoretical Aspects)]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo. 276 p.
- Kushneruk S.P., Tyurikova N.A., 2015. Dinamika terminologii i ee otrazhenie v terminologicheskikh standartakh (predmetnaya oblast «deloproizvodstvo i arkhivnoe delo») [The Dynamics of Terminology and Its Representation in Terminological Standards (Records Management and Archiving Subject Field)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (25), pp. 158-164. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.19>.
- Litvinov A.V., Matyushenko V.V., 2013. Periferiynnye zony delovoy kommunikatsii [Peripheral Zones of Business Communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Science. Theory and Practice], no. 11-1 (29), pp. 106-109.
- Pligina E.S., 2014. Dokumentnyy tekst kak instrument PR-kommunikatsii (na primere godovogo otcheta) [Document Text in Public Relations (Illustrated by Annual Report)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 1 (44), pp. 192-195.
- Popov E.A., 2015. Podkhody k izucheniyu giperteksta [Approaches to the Study of Hypertext]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Science Journal of Leningrad State University Named After A.S. Pushkin], vol. 7, no. 1, pp. 167-171.
- Romashova O.V., 2014. Zhanrovo-stilevaya spetsifika meditsinskogo dokumenta (na materiale medicinskoy karty stacionarnogo bolnogo) [Genre-Stylistic Specifics of a Medical Document (On the Material of a Patient's Medical Report)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 5 (48), pp. 127-130.
- Toshovich B., 2015. Stilisticheski relevantnyye svoystva i raznovidnosti giperteksta [Stylistically Relevant Characteristics and Variety of Hypertext]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1, pp. 114-125.

Information About the Author

Elena S. Belous, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Volgograd State Technical University, Prosp. im. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, cars@vstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6703-0739>

Информация об авторе

Елена Сергеевна Белоус, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, cars@vstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6703-0739>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1930 руб. 02 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1930.02 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

